

Стенограмма парламентских слушаний на тему «Обсуждение законопроекта о пересмотре положений Семейного кодекса Российской Федерации, связанных с отобранием ребенка»

3 марта 2017 года

Е.Б. МИЗУЛИНА

Прошу присаживаться, мы начинаем нашу работу. Люди еще идут на парламентские слушания, поэтому пока не могу сказать точно, сколько участников реально сегодня присутствует. Но через некоторое время, пока идет первая часть парламентских слушаний, собственно, такая организационная, приветственная, я думаю, будет ясность и относительно того, кто сегодня реально участвует в наших слушаниях.

Итак, добрый день, уважаемые участники! Начинаем наши парламентские слушания, которые проводит Комитет Совета Федерации по конституционному законодательству и государственному строительству и временная комиссия Совета Федерации по совершенствованию Семейного кодекса Российской Федерации с участием Общественной палаты Российской Федерации. Это очередные парламентские слушания, связанные с совершенствованием положений Семейного кодекса. Сегодняшняя тема – одна из самых актуальных, как выяснилось в ходе подготовки законопроекта, который готовится здесь, в стенах Совета Федерации, и нашей комиссией по совершенствованию Семейного кодекса, в части, касающейся отобрания ребенка, лишения родительских прав, ограничения в родительских правах. Но самая большая сложность и споры возникли в связи с институтом отобрания ребенка. Поэтому мы вынесли эту тему и положения Семейного кодекса на специальное обсуждение на парламентских слушаниях, с тем чтобы еще раз обменяться мнениями, прежде чем выработать позицию применительно к этому институту в рамках законопроекта.

Сегодня на парламентские слушания записались более 150 человек. Число выступающих уже сейчас – 31 человек, поэтому я бы просила сегодня в ходе парламентских слушаний, чтобы все имели возможность высказаться (вопрос очень серьезный), придерживаться регламента. Вы видели, по программе у нас заложены два основных доклада, касающиеся института отобрания. Один доклад будет делать Ольга Владимировна Леткова, а второй доклад – Людмила Николаевна Виноградова – относительно ответственности за нарушение закона, связанного с отобранием ребенка, другими способами изъятия детей из семей.

Кроме того, применительно к выступающим мы обращаем внимание, что регламент – до семи минут. И очень большая просьба придерживаться этого регламента. Мы посчитали, что если каждый из участников будет с уважением относиться к другим участникам и будет

придерживаться этого регламента, то до 16 часов 30 минут будет возможность выступить у всех, кто у нас сегодня записался.

Мы не раздавали рекомендации парламентских слушаний, потому что вопрос достаточно понятный – это только институт отобрания ребенка. Я допускаю, что будут обсуждаться и другие темы. Мы их возьмем на заметку, потому что у нас 30 марта снова парламентские слушания, посвященные совершенствованию Семейного кодекса (более широкая тема). Поэтому, естественно, можно поднимать и другие темы. К тому же институт отобрания ребенка, с одной стороны, вроде бы узкий, а с другой стороны, он связан с очень многими другими положениями Семейного кодекса, касающимися и выявления детей, ну и вообще формирования, если можно так сказать, среды, где ребенок оказывается без родителей и проживает без родителей. Поэтому просьба, конечно, и желательно, чтобы применительно к отобранию ребенка высказывались предложения, но еще раз обращаю внимание, что если кто-то выйдет за пределы темы, то уложитесь в регламент, но мы тоже это всё обязательно учтем. И по итогам сегодняшних парламентских слушаний, соответственно, посмотрим, нужно делать какие-то рекомендации и предлагать комитету для утверждения или мы ограничимся тем обсуждением, которое сегодня состоится, и в рамках этого обсуждения будем готовить соответствующие положения в законопроекте либо, может быть, снова выйдем на парламентские слушания или заседание "круглого стола", где еще раз будем обсуждать эту тему, потому что она действительно непростая.

Итак, это организационные вопросы. Просьба еще ко всем выступающим, к тем, кто, может быть, передумал выступать, у кого есть письменные тексты, то есть выступают, но есть и письменные тексты, просьба их тоже сдать, потому что по итогам парламентских слушаний мы подготовим сборник, который сохранит всю эту информацию и даст возможность в последующем с этими документами работать и еще раз их анализировать. Поэтому просьба, пожалуйста, тоже их сдать. За столиком справа сидит Вера, вы ей можете передать. И где-то здесь у нас еще Галина Анатольевна, но она, видимо, занимается пока теми, кто записывается для участия в парламентских слушаниях (еще идут люди).

Итак, открываем наши парламентские слушания. У меня вступительное слово, так что сама себе его предоставлю.

Уважаемые участники парламентских слушаний! Сегодня, если быть точными, нам предстоит обсудить положения фактически одной статьи Семейного кодекса Российской Федерации, статьи 77, которая так и называется – отобрание ребенка.

Обратите внимание, что отобрание ребенка (я бы назвала это юридической формой или юридическим отобранием ребенка) – достаточно... вернее, относительно четко Семейный кодекс формулирует это положение: при непосредственной угрозе жизни или здоровью ребенка орган опеки и попечительства вправе немедленно отобрать ребенка у родителей на основании акта органа исполнительной власти или главы администрации муниципального образования, если в соответствии с законом соответствующего субъекта полномочия по опеке и попечительству возложены на орган местного самоуправления.

На что здесь важно обратить внимание применительно к действующему институту отобрания ребенка, предусмотренного статьей 77? Во-первых, отобрание ребенка по своей природе – это принудительное разлучение ребенка и родителей. К тому же фактически полностью лишает родительских прав отобрание ребенка, потому что ребенок разлучается с родителем и возможности лично воспитывать ребенка, даже своим поведением... Ведь родитель воспитывает своим поведением, своим образцом поведения, даже не читая никаких нотаций. Наверное, даже более сильное воздействие оказывает на ребенка вот это ежеминутное, ежедневное общение с родителем. Поэтому, естественно, фактически без лишения родительских прав родитель при отобрании ребенка лишается по факту родительских прав – права проживать, лично воспитывать ребенка. Это очень большое поражение в правах, для понимания того, насколько ответственно нужно подходить, когда мы регулируем этот институт, исправляем его или применяем.

Конечно, этот институт подрывает авторитет родительской власти, если он применяется произвольно. Потому что у детей формируется представление о том, что родитель – авторитет, тот, на кого он ориентируется, кого он должен слушаться и слушается, кого он уважает, что над ним есть еще авторитет, который может одернуть родителя, который может отобрать ребенка у родителя. Поэтому всякий раз, когда государство вводит такой институт, оно должно учитывать, а как в обществе в конечном счете в отдаленной перспективе этот институт сработает в целом на взаимоотношениях детей и родителей.

Ну и еще один важный момент в законе (и в правовой природе отобрания) состоит в том, что уничтожается ценность кровного родства, кровнородственных отношений при отобрании ребенка в нашем кодексе, в статье 77. Потому что фактически уравниваются, и даже не используются термины "кровная семья", "кровнородственные отношения", а родители приравнены к иным лицам, у которых на воспитании может находиться представитель... Формула Семейного кодекса, повторяющаяся, используемая (мы с вами об этом неоднократно говорили) – это родители и иные законные представители. То есть фактически кровный родитель – это ничто.

Ценность кровного родительства как таковая обесценивается. А традиционная семейная культура России – кровное родительство, не биологическое, потому что биологическое – это... Вот пробирка – это биологическое. А кровное – это не просто кровь, а и вынашивается ребенок, вынашивается через кровь матери, которая его вынашивает. Фактически формируется уже в утробе матери будущий человек.

Нужно учитывать, что отобрание ребенка – это не только наказание родителя. И давайте мы посмотрим в действующем сегодня Семейном кодексе, насколько защищается право ребенка. Потому что на самом деле отобрание ребенка – институт как бы в интересах защиты ребенка. Но ведь надо учитывать, что первичное право ребенка, которое, кстати, не защищено законодательством Российской Федерации... Даже в Федеральном законе "Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации" у нас до сих пор нет (и не дают внести и защитить) такого права, как естественное право ребенка на семью. Его нет среди основных прав ребенка. И я думаю, это не случайно. И не случайно многие родительские организации по этому поводу беспокоятся.

Что для ребенка отобрание? В любом случае, даже у плохих родителей, для ребенка это, естественно (и они невольно несут бремя наказания), разрушается привычная среда их жизнедеятельности, к которой они привыкли. Ведь ребенок на эти удобства – бедно, богато, много еды, мало – так не реагирует, как взрослые, особенно маленький ребенок, и для него важно отношение родителей. И если в семье любовь, ласка, хорошее отношение к детям, то эта бедность для ребенка не имеет никакого значения. Конечно, совершается эмоциональное и психологическое насилие, возможно, даже и какая-то форма психического насилия (это к специалистам) над ребенком, поскольку ребенок очень переживает такого рода перемещения: ему нужно привыкать к другой среде, появляются естественные страхи, опасения, ребенок зачастую бывает замкнутым, и достаточно длительное время, даже там, где, еще раз обращаю внимание, над ребенком в семье совершается насилие или может совершиться. Безусловно, отобрание должно работать. Но как? Это вопрос, на который нам нужно будет сегодня найти ответ.

Я хотела бы обратить ваше внимание еще и на историю этого института. Может быть, кто-то думает, что институт отобрания ребенка был всегда. Это не так. В истории российского законодательства впервые он был введен большевиками Кодексом законов о браке, семье и опеке РСФСР в 1926 году. Причем посмотрите, я взяла буквально формулировку: "В случае невыполнения родителями своих обязанностей или неправомерного осуществления ими своих прав по отношению к детям, а также в случаях жестокого обращения с детьми – кто действующий Семейный кодекс знает, чувствуете, как перекликается? – суд постановляет решение об отобрании

детей от родителей и передаче детей на попечение органам опеки и попечительства, при чем суд может постановить решение о присуждении содержания ребенку с обоих родителей". И примечание: уже тогда сразу органам опеки и попечительства (без всяких актов органов власти, именно органам опеки – так они назывались) предоставлялось право до решения суда выносить представление об отобрании ребенка, если оставление ребенка у этих лиц опасно. То есть опасность... Обратите внимание, опять же с нашей угрозой жизни и здоровью ребенка... все-таки это более конкретная угроза жизни и здоровью ребенка, но тоже достаточно обтекаема, о чем, я думаю, будут в ходе сегодняшней встречи говорить.

Посмотрите, что произошло... Но, кстати, такого рода термин не случайно появился. Потому что тот, кто знаком с историей семейного законодательства того времени и того, как учреждалась, укреплялась большевистская власть того времени, знает, что кодекс формировался, все его обсуждение шло именно в рамках большевистской идеологии, целью и задачей которой применительно к семейному законодательству было уничтожение буржуазной семьи, буржуазного духа, потому что в России, многовековой России, то, что называли большевики буржуазной семьей, а мы называем традиционной семьей, большой, многопоколенной, устойчивой, союзом мужчины и женщины (пять – семь детей – это была норма)... так вот, эта традиционная семья действительно была фундаментом. Кому-то не нравится слово "скрепы", но это скрепа, именно семья, это был один из оплотов такой крепости страны, России, самой большой страны в мире, занимающей гигантское пространство. И именно семья выполняла своеобразную охранительную функцию применительно к территории России, потому что обеспечить и закрыть все границы армии было невозможно, как невозможно и сейчас. Семья, заселяя Россию, в том числе и Сибирь, и Дальний Восток, держит эти рубежи и территорию, и поэтому крепость семьи, ее устойчивость, многопоколенность, многодетность – это просто неотъемлемые признаки традиционной семьи, какой она всегда была. Естественно, такая семья на революцию, на изменение режима реагирует отрицательно, потому что нельзя растить детей в условиях, когда идут революции, когда все непредсказуемо, непонятно. Кстати, в нынешнем времени... в 90-е годы все население России так отреагировало на разрушение Советского Союза и создание нового государственного устройства: тоже все перестали заводить детей, потому что были непонятны перспективы, как их воспитать, вырастить и создать им нормальные условия. Поэтому тогда этот институт был оправдан. Более того, Бухарин Николай Иванович, который руководил процессом подготовки нового кодекса о браке и семье, обосновывал в том числе и возможность изъятия детей из семьи, утверждая, что способность воспитывать детей встречается у людей гораздо реже, чем способность к их зачатию

и рождению. Поэтому то, что родители рожают ребенка, не означает, что они имеют право на его воспитание. Обратите внимание: до кодекса 1926 года родительские права рассматривались как естественные права, происходящие от того, что родитель обладает способностью рожать детей, и он делает этот выбор и рождает детей ради любви, воспитания и ради передачи традиций и продолжения рода, а не ради того, чтобы потом ребенка изъяли, и не ради насилия над ребенком. Это очень важный момент. Но кодекс 1926 года ввел обязанность родителей по содержанию, воспитанию детей. И за неправомерное воспитание, не соответствующее социалистическому духу, детей предполагалось изымать, даже в 1930 году был создан план по отобранию детей, и вот поэтому появился институт отобрания. То есть тогда, в той политической системе координат, это было оправдано политическими целями. Это тоже надо понимать, когда мы оцениваем сегодняшний институт.

Что произошло в 1969 году, когда был принят новый Кодекс о браке и семье РСФСР? Отобрание ребенка осталось и без лишения родительских прав, независимо от лишения, то есть могли лишать, могли не лишать (те, кто знает действующий Семейный кодекс, знают, что сегодня и у нас также можно по Семейному кодексу и без лишения прав), но только суд мог принять решение об отобрании ребенка. И здесь уже термин "отобрание", когда опасно оставление его, тоже повторился один в один.

Соответственно, применительно к действующему Семейному кодексу, я уже обратила внимание, институт сохранился, только вместо "опасно для оставления" – "угроза жизни или здоровью". Будет объемный доклад у Ольги Владимировны, она на этом вопросе остановится.

Но для оценки того, что же у нас имеет место с отобранием... Прежде чем я покажу некоторые статистические данные для обсуждения сегодня, я хотела бы обратить внимание, что действующий механизм отобрания можно условно представить упрощенно, потому что это упрощенный все-таки вариант, в трех крупных стадиях.

Первая – это получение акта органа государственной власти или органа местного самоуправления. Вопрос остается открытым: а этот акт получается после того, как ребенка отобрали или совершили обследование, или до того? По идее, он обязательно должен быть, но, я думаю, вряд ли, раз речь идет о незамедлительности, этот акт сразу получается. И тут возникает вопрос соответствия, чтобы не ошибиться. И хочу обратить внимание: Семейный кодекс вообще не предусматривает возможность того, что можно ошибиться при незамедлительном отобрании ребенка по статье 77, то есть презюмируется, что органы опеки и попечительства выше суда, они непогрешимы, они никогда не ошибаются, когда отбирают ребенка. Возможно это? Я думаю, что в

большинстве случаев это так (хотела бы так думать). Но есть какое-то количество случаев, где точно ошибка, не может быть, чтобы не было ошибок. Но вернуть ребенка сразу, быстро невозможно, нет такой процедуры сегодня, все построено на доброй воле.

Вторая стадия – это само изъятие ребенка. Но получается, что она одна, и акт... или они могут поменяться местами: сначала изъяти, потом, соответственно, получили последующий акт об отобрании. "Изъятие ребенка из семьи" – мы называем это так, потому что все-таки применительно к юридической процедуре отобрания изъятие фиксируется в акте об отобрании, поэтому оно формализуется юридически, это юридический факт.

И третья – это уже, собственно, временное устройство ребенка куда-то, не в кровную семью, не в родную семью (это может быть и семья усыновителя), не в опекунскую семью, не в эту семью, а куда-то внешне. Причем обратите внимание: это тоже надо обсуждать.

Хотя есть некоторые "мазки" (я никак иначе не могу назвать) в Семейном кодексе относительно того, что родственники имеют преимущество на то, чтобы к ним устраивали детей, но работает выборочно этот механизм, гарантий нет. Попытки внести изменения, с тем чтобы жестко прописать процедуру... законопроекты соответствующие предлагались нами неоднократно. К сожалению, все они отклоняются. Почему? Попробуйте ответить на этот вопрос. Обратите просто на это внимание.

Нужно различать фактическое и юридическое отобрание. Потому что если мы будем судить об отобраниях ребенка в России только по фактам отобрания в порядке статьи 77 (вот посмотрите на этот слайд), то вы увидите, что на самом деле масштабов-то нет никаких. В пределах от 3 до 4 тысяч за последние годы отбирается (2013, 2014, 2015 годы). В 2015 году 3444 ребенка были отобраны в соответствии со статьей 77. Ну, будем считать, что все было сделано правильно, все обоснованно.

Так вот, в день по изъятиям... Мы брали только официальные цифры, сколько детей в России в течение года признаются оставшимися без родительского попечения, потому что требуется их устройство, – это в пределах 50 тысяч каждый год. Я не беру другие изъятия, но я про это скажу потом. То есть в день получается 159 детей, круглые сироты из них – 25. То есть каждый день в России 159 детей изымаются, передаются от кровных родителей, приемных... не знаю сколько, потому что в статистике, еще раз хочу обратить внимание, нет дифференциации – кровная семья, приемная семья, семья усыновителя, родственников семья... Нет такого рода дифференциации. Соответственно, все уравнивается. И я убеждена, что это не случайная вещь. Или, если это упущено по недоразумению, это очень большая ошибка. Потому что любой психолог и

специалист, да любой, у кого есть дети, прекрасно знает, насколько важно это подчеркивание кровнородственных отношений и как важно, когда усыновляют, потому что ребенок фактически пусть не кровный, но становится полностью своим, у ребенка получается история его семьи, передача традиций от поколений. Это ребенок не без рода и племени, это ребенок – член рода и племени. И это понимание нужно для каждого человека, чтобы не чувствовать себя одиноким, не стремиться к суицидам, к агрессии, к злу на мир, который оставил его без рода и племени.

Из 159 детей девять отбираются. А что же происходит? 25 – сироты. Понятно, они не отбираются. Но здесь возникает вопрос: а где они находились, когда они выявлены? Они что, выявлены в момент, когда их родители погибли? Та практика, которую собрали родительские организации... Они об этом будут говорить – что в России традиции родственников поддерживать своих детей никуда не уходят и дети, как правило, остаются у родственников, очень часто у бабушек и дедушек. А продолжительность жизни большая у нас, во всяком случае, на 10 лет уже дольше у женщин, чем у мужчин, у бабушек особенно много, они все достаточно крепкие, и никто не хочет бросать своих внуков. Может быть, это у них отбирают и им не дают возможности воспитывать внуков? Хотя они могли бы это делать, и ребенок оставался бы в родственной семье. То есть я не уверена, что эти круглые сироты были найдены как беспризорники. Но опять же надо владеть реальной статистикой, которой у нас нет. А все остальные дети – 134 ребенка каждый день – это социальные сироты без акта об отобрании. 134 ребенка каждый день – это только в рамках такой формы изъятия, которая связана с признанием ребенка оставшимся без попечения родителей при живых родителях.

Так вот, вернемся к восьмому слайду. Масштабы фактического отобрания неизвестны сегодня. Мы знаем только о масштабах юридического отобрания. Что касается фактического, наиболее распространенная форма (и данные в статистике № 103-РИК есть) – это присвоение статуса социального сироты, это более 90 процентов социального сиротства, причем тот же способ. Вы будете говорить о том, как фиксируется. Могу вам сказать: чаще всего в журнале первичной регистрации выявленного ребенка, оставшегося без родительского попечения. Сходите, посмотрите эти журналы, найдите их. То есть их еще откопать надо, и надо знать где, и еще дадут ли вам. А это не менее 40 тысяч детей ежегодно. И признание ребенка нуждающимся в социальной реабилитации, в медицинской помощи, в медицинском обследовании, государственной защите, нахождение ребенка не при наличии непосредственной угрозы, а в обстановке, создающей угрозу для жизни и здоровья, – это уже формулировка статьи 121 Семейного кодекса. Так что масштабы здесь тоже неизвестны, но об этом сегодня будут говорить.

Посмотрите еще на цифры. Число отобранных детей, чтобы понимать масштабы, можно сравнивать с числом детей, выявленных в качестве оставшихся без попечения родителей, с числом детей, родители которых лишены родительских прав (примерно 60 тысяч в год – это дети, родители которых лишаются родительских прав). Соответственно, число отобранных применительно к выявленным детям. Выявленные – это дети, оставшиеся без родительского попечения. Вот они отобранные – 3444. Круглые сироты – 12 502. Практически на протяжении последних трех лет эта цифра остается неизменной. Она вызывает очень большие сомнения у родительской общественности и экспертов. Почему число круглых сирот постоянно бьется одно и то же? Ну, не может быть, чтобы прямо с такой последовательностью эта цифра все время повторялась. Она повторяется. Поэтому вопрос об искусственности некоторых цифр, или сомнение, возникает. Выявляются и устраиваются без акта об отобрании, именно юридического акта об отобрании, по данным 2015 года, где-то 42 222.

По лишению родительских прав, посмотрите, число детей колеблется в пределах 50 тысяч (вот неправильно сказала – 60) в год. Две трети из них – дети, у которых оба или единственный родитель лишаются родительских прав. Лишение родительских прав не является крайней мерой, как записано в Семейном кодексе, это распространенная мера. Кстати, хочу обратить внимание: ограничения в родительских правах не было ни в советском законодательстве, ни большевистского времени, ни более позднего периода. Работает оно в нынешнем Семейном кодексе. Оно очень пространное, и поэтому, наверное, не востребовано ограничение в родительских правах. Не знаю, надо обсуждать, стоит оставлять, не стоит и как это должно выглядеть.

93 процента – это более 40 тысяч детей – становятся (обратите внимание) социальными сиротами, так как их родителей лишают родительских прав при отсутствии непосредственной угрозы их жизни и здоровью, то есть не было оснований для отобрания, а родителей все-таки лишили родительских прав.

А вот давайте теперь посмотрим основания. Это на основании данных формы № 103-РИК. 2015 год. Ну, это опять же повторяется. Смотрите: 1,4 процента родителей лишают родительских прав, потому что они жестоко обращались с ребенком либо совершили умышленное преступление. Конечно, это основание безусловное. Правда, я думаю, сегодня будут говорить: а что такое жестокое обращение с ребенком? Потому что те инструкции и методические рекомендации, которые рассылаются, фактически сегодня нам позволяют сказать, что не жестоким является только единственное обращение с ребенком – если вы молча с ним обращаетесь, ничего ему не

говорите (потому что если вы чуть-чуть, вот как я сейчас, скажете эмоционально, то это эмоциональное насилие) и к нему не прикасаетесь. Тогда вы точно жестоко с ребенком не обращаетесь. Нет, хотя могут сказать, что вы уклоняетесь от воспитания. Так что здесь 1,4 процента.

76 процентов – уклонение от выполнения обязанностей. А что это такое? Я думаю, сегодня родители, родительские организации, которые защищают семьи, вам покажут, что сегодня, к сожалению, эта неопределенная формулировка оборачивается гигантской бедой, где ребенка можно и нужно было сохранить, а не отбирать. Например, отбирают ребенка, потому что давно не было ремонта в жилье. И при этом ребенка отбирают, его помещают временно в организацию, там, для детей-сирот, в центр реабилитации для несовершеннолетних, в приют – разные ситуации в зависимости от того, ставится вопрос о лишении и ограничении или нет. Так вот, его туда помещают, на это идут государственные деньги. Плюс индивидуальная профилактическая работа проводится с семьей, платятся деньги консультантам, которые эту семью сопровождают. То есть вместо того, чтобы чуть-чуть потратить денег и сделать ремонт, помочь, если семья, тем более многодетная и малоимущая...

Могу вам сказать, что у нас происходит изъятие... Знаете, какое соотношение семей... обращаю внимание, одиноких родителей? 42 процента детей, изъятых и признанных оставшимися без попечения родителей, – это семьи с единственным родителем (как правило, мать-одиночка). То есть это уже заранее группа риска невероятная – то, что один родитель. На втором месте – многодетные малоимущие семьи. Ну, разве бедность, еще раз хочу сказать, – это признак несчастливости ребенка? Ничего подобного. Многие выросли в таких семьях. И 4,6 процента – злоупотребление родительскими правами. Кто бы тоже объяснил, что это такое. То, что мать отказалась делать прививку, и у нее отбирают ребенка, да еще с "масками-шоу"? Что это такое? То есть это надо либо расшифровывать, либо так не оставлять.

11,7 процента – хронический алкоголизм или наркомания. Это серьезно, это правда. Но только ведь это же тоже социальная болезнь, и все это знают. Просто так, даже по приказу суда, по решению суда, человек не излечится от этой болезни. А дети, если... Здесь много тех, кто работает с детьми, в детских домах. Вы знаете, что дети все равно хотят быть со своими родителями, потому что алкоголики и наркоманы часто не обращаются жестоко с детьми, не применяют какое-то насилие к ним, а очень добры и ласковы. И дети-то запоминают это – доброту, ласку, они хотят быть с родителями. Но этот феномен есть, он отмечается, и ничего тут не сделаешь.

И обратите внимание еще на один момент для оценки отобрания и понимания ситуации. Это последний слайд, просто для обсуждения. Вот посмотрите, я только некоторые инфраструктурные показатели выбрала. На самом деле инфраструктура, которая обеспечивает нахождение ребенка, изъятого из своей кровной, или родной, семьи, гораздо больше. Потому что это еще целая система органов профилактики. Но это отдельный разговор.

Число организаций для детей-сирот (это данные, которые озвучила в 2016 году Ольга Юрьевна Васильевна на заседании Правительства, где обсуждался этот вопрос) – 1646. Число приемных семей и иных семей на возмездной форме (потому что число приемных семей на протяжении последних трех лет – в пределах 86 тысяч, но еще есть патронатные семьи, иные формы возмездной опеки) – 92. Число организаций соцобслуживания – видите. Специализированные учреждения для несовершеннолетних, куда часто без всякого отобрания отправляют детей, нуждающихся в социальной реабилитации, – более 700, во всех регионах. Социальные приюты для детей.

Это всё в основном формы вот этих учреждений, которые дают возможность для временного устройства в них ребенка, пребывания, проживания там и даже содержания (применительно к детским приютам почему-то называют "содержание ребенка", как в местах содержания под стражей). И число семей на социальном обслуживании выросло резко, в разы, – 265 тысяч (2015 год). Уполномоченные организации, которые наделяются опекой, чаще всего занимаются индивидуальной профилактической работой. Число специалистов...

То есть представьте, какая громадная структура работает. А мы вдруг раз – и сведем до юридического число отобраний. И что они будут делать? То есть это вопрос, который мы тоже должны обсуждать и его не можем выбросить.

Спасибо за внимание. Я надеюсь, что сегодня мы, обсуждая и выслушивая разные точки зрения, учтем многие риски, которые связаны и с применением действующего института отобрания, и с теми направлениями его совершенствования, которые актуально необходимы, чтобы можно было и защитить ребенка тогда, когда действительно реальная угроза исходит от действий его родителей (вы этого пока не видите в нашем Семейном кодексе, в статье 77), или на этапе ранней профилактики, когда, как пишут, еще нет угрозы. Но она может быть, потому что ранняя профилактика означает, что здесь у нас сейчас все (вы все!), у кого есть несовершеннолетние дети, являются объектом ранней профилактики. И любая семья, в которой есть ребенок, может стать объектом или сферой, куда без всякого решения кого-либо может войти орган опеки и попечительства, возможно, вместе с представителями полиции и органов

социальной защиты, обследовать ваше жилье вопреки всякой Конституции, включая все шкафы (это все правда), и, более того, тут же немедленно решить, что ваш ребенок нуждается в социальной реабилитации, медицинском обследовании либо вообще в отобрании, а вы должны быть лишены родительских прав, потому что вы не делаете прививку, вы не делаете ремонт, у вас недостаточное количество еды в холодильнике или одежды у ребенка, и вообще ребенок у вас невеселый.

Надеюсь, что найдем решение. Спасибо и удачи. *(Аплодисменты.)*

Вы посчитайте, пожалуйста, сколько у нас участников, чтобы можно было для стенограммы сказать. Спасибо.

Я предоставляю слово для приветствия Колесниковой Надежде Борисовне, представителю и члену Комитета Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей (фракция "Единая Россия").

Пожалуйста, Надежда Борисовна.

Приготовиться Мамиконян Марии Рачиевне для приветствия.

Н.Б. КОЛЕСНИКОВА

Уважаемая Елена Борисовна, уважаемые участники парламентских слушаний! Комитет Государственной Думы по вопросам семьи, женщин и детей предложил и мне, и Инге Альбертовне Юмашевой прервать свою региональную неделю и обязательно принять участие в парламентских слушаниях, потому что те статьи (и 77-я, и 121-я) Семейного кодекса, которые сегодня обсуждаются, безусловно, чрезвычайно важны. Они вызывают огромное количество вопросов. Они очень часто обсуждаются в логике прямо противоположной, то есть общественное мнение очень часто разнится в оценке применения данных статей. И, конечно, важно, что на столь уважаемой площадке Совета Федерации собрались люди, которые непосредственно работают (простите за использование такого расхожего термина) на земле, которые практически каждый день сталкиваются с этой ситуацией. Поэтому и комитет, и фракция "Единая Россия" дали нам поручение, чтобы мы очень внимательно выслушали прежде всего мнения профессионалов, аргументированные, обоснованные.

Вы знаете, может быть, я сейчас скажу не очень популярную мысль на сегодняшний момент, но вот нам иногда кажется, что в последнее время из органов опеки и попечительства сделали вообще людей, которые совершают буквально злодеяния. *(Аплодисменты.)*

Елена Борисовна, 11 тысяч специалистов – это не так много для России, и, поверьте, дел у них найдется. Но то, что этот закон и статья 77... Кстати, я очень много беседовала со

специалистами опеки и попечительства в Самарской области: он уже в течение нескольких лет вообще не применяется. Но то, что проблема есть, – это безусловно, ее надо обсудить внимательно, профессионально, аргументированно и вносить изменения в Семейный кодекс, это очевидно.

Я хотела бы еще обратить ваше внимание... Сама статья 77 устроена так, что, собственно, и реально-то ее применить чрезвычайно сложно. Последний случай, который был описан в одном субъекте Российской Федерации, – когда в семье совершается преступление, папа убивает маму, приходят органы МВД в семью – там находится в кроватке маленький ребенок. Что должен сделать при этом специалист МВД? Взять ребенка (а он остался один, потому что папа арестован, мамы уже нет), забрать его из семьи немедленно (а мы же не можем оставить грудного ребенка одного) он фактически законодательно не может.

С МЕСТА

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

Н.Б. КОЛЕСНИКОВА

На самом деле да, не может. *(Оживление в зале.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Тихо, тихо, тихо.

Н.Б. КОЛЕСНИКОВА

Простите меня, я высказываю...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Пожалуйста, только без...

Н.Б. КОЛЕСНИКОВА

Да. Я просто передаю (это же не мое мнение) мнение специалистов.

Я еще раз выражаю огромную признательность от имени комитета за то, что такой разговор состоялся. Давайте очень внимательно и профессионально его обсудим и выработаем наиболее правильные и конструктивные решения. Спасибо. Удачной всем работы. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Надежда Борисовна.

Я обращаюсь к участникам: очень большая просьба только не комментировать по ходу, особенно своими оценочными суждениями. Мы не случайно вынесли эту тему – потому что она очень острая. И не надо переводить разговор в такое русло: хорошие у нас специалисты опеки и попечительства или плохие, хорошие у нас родители или плохие.

Я думаю, среди специалистов есть те, кто формально подходит, но подавляющее большинство (я думаю, что это действительно так) работают добросовестно, хочется надеяться именно на это, мы из этого исходим, во всяком случае. Так же надо относиться и к родителям. И я прошу специалистов органов опеки и попечительства тоже учесть этот момент.

У нас Семейный кодекс выстроен так, что все родители недобросовестны заранее, поэтому их надо подозревать, уличать, к ним проникать, "вонзать жало" ювенальной юстиции (потому что ее основа – изъятие) и потом разбираться (сначала забрать, а потом разбираться), что за семья. Давайте и к семьям относиться, и к родителям, что первична презумпция добросовестности.

Попробуйте опровергнуть тезис, что родители рожают своих детей, чтобы над ними издеваться. Нет. Этого нет, ни у кого нет. Ни у кого! Если такие "людоеды" и есть, то это единичные ситуации. Но то, что потом происходит, после того, как рождается ребенок, в каких обстоятельствах оказывается семья... Действительно, многие вещи меняются. Но все-таки первичный подход должен быть – это презумпция добросовестности родителей по воспитанию своих детей. А вот уже как быть, когда возникает проблемная ситуация, как это сделать корректно, так, чтобы не бить по добросовестным семьям, не наносить лишнюю травму ни родителям, ни детям, не пытаться обвинять друг друга (ни в коем случае этого делать нельзя)? Без специалистов опеки не обойдешься, нигде не обойдешься, это профессия, которая сегодня нужна, и нужно необходимое число, и оплата соответствующая специалистов по опеке и попечительству. Я думаю, что здесь просто никакого другого мнения быть не может.

Важно, чтобы система работала сбалансированно, справедливо и разумно, и всё. Вот этот вариант нам нужно найти. Он непростой. А может быть наоборот – чаще всего истина в каких-то простых вещах.

Слово для приветствия предоставляется Мамиконян Марии Рачиевне, председателю Общероссийской общественной организации защиты семьи "Родительское Всероссийское Сопротивление". Это как раз вторая сторона, которая очень много сталкивается с реальными случаями и защищает родителей в этих случаях, когда несправедливо, необоснованно изымается ребенок из семьи. Послушайте друг друга, это очень важно.

Пожалуйста, Мария Рачиевна.

М.Р. МАМИКОНЯН

Добрый день!

Спасибо, Елена Борисовна, за предоставленное слово.

Я хотела бы сказать о работе нашей организации, РВС, по анализу практики изъятия детей и высказать в конце некоторые соображения о целях внедрения ювенальной юстиции в России.

Наша организация первоначально создавалась как раз вокруг той темы, которая сейчас стала предметом интереса Президента и содержанием его поручения, – темы отобрания детей. В РВС уже четыре года работает общероссийская "горячая линия", налажено юридическое сопровождение активистов, которые помогают семьям, все случаи рассматриваются в едином центре, систематизируются, периодически делаются обобщающие отчеты перед организацией.

Именно благодаря тому, что работа ведется централизованно, с федерального уровня хорошо видна однотипность в разных регионах самых, казалось бы, нелепых поводов для вмешательства в семью и способов обхода закона. То есть наглядно видно, что это не спонтанные нарушения исполнителей, как нам часто пытаются представить, когда возникает вопрос о безобразиях, творимых органами опеки, ПДН и так далее, что это правоприменители. Нет, фактически это единая навязанная система, которая радикально меняет отношение массового слоя служащих к семьям, заставляет их вопреки служебному и человеческому долгу подозревать всех родителей и по одному лишь подозрению вмешиваться, неблагополучие семьи заставляет считать не бедой, а виной, основанием не для помощи, а для насильственного вмешательства вплоть до отобрания детей. Выстроена целая идеология, противоречащая традиционной морали. Уже считается нормальным, что специалист за родителей решает, что в интересах ребенка, а что нет. Эта идеология не считает бесстыдным, например, раннее выявление семейного неблагополучия, то есть выискивание поводов поработать с семьей. И, честно говоря, тут прослеживается определенный интерес у выискивателей. И мы все понимаем (об этом уже сказала Елена Борисовна), что, рассматривая под лупой каждую семью, семью каждого из нас, можно на очень раннем этапе найти очень малые, но пугающие, как последствия, обстоятельства, по которым надо бы вмешаться.

И вот именно так действуют по отношению к незащищенным слоям населения, к тем, кто не имеет ни возможности нанять адвокатов, ни знаний о том, куда надо обратиться, к тем, кто живет в отдаленных регионах и брошен чаще всего в состоянии социального неблагополучия, никак не по своей вине оказываясь теми самыми объектами внимания по причине некоторой неустроенности. Но это не значит, что они не любят своих детей.

Еще в прошлом году мы обобщили типичные нарушения закона, совершаемые при работе с семьей. Мы их выстроили в логическую цепочку. И результат мы представили здесь же на парламентских слушаниях в марте прошлого года. Выявилась схема с конкретной

направленностью на интересы, еще раз повторяю, вовсе не самих детей, а тех, кто с ними работает, главным образом интересы рынка так называемого семейного устройства. Наличие этой схемы дало нам понимание, что именно нужно сегодня проверять, дабы качественно выполнить поручение, данное Президентом. Мы сформулировали свои предложения и передали их уполномоченному по правам ребенка. Также по просьбе тех регионов, которые заинтересовались нашими предложениями, мы довели эти предложения до алгоритма проверки, какие именно сведения надо собрать из первичных документов по случаям, чтобы в едином центре можно было обработать полученную информацию для требуемого сейчас Президентом анализа.

Однако должна сказать, что большинство рабочих групп при уполномоченных в регионах не горят желанием рассматривать первичные документы, что, в общем-то, понятно, поскольку ответ на вопрос Президента пытаются сейчас дать те, кто или прямо, или косвенно участвовал в нарушениях, вот в этих самых неправомерных и избыточных действиях по отношению к семье, или молча присутствовал, что тоже как бы не очень хочется, наверное, показывать. И в результате уже очевидно желание тех групп, которые сейчас должны всерьез разобраться с ситуацией по отобраниям и превышениям полномочий, сказать, что то, как действовали, было хоть, может быть, и незаконно, но очень гуманно по отношению к детям, это было в их интересах, а значит, надо закон подправить под сложившуюся практику. Это абсолютно, на наш взгляд, недопустимый подход, потому что фактически получается, что с этим мнением выступает та лиса, которую послали посчитать кур в курятнике. Извините за этот образ, но похоже на то.

В связи с тем что мы видим, что у системы, которая сейчас должна отвечать на запрос Президента, нет ни алгоритма, по которому следует отвечать, ни понимания, ни желания копаться в первичных обстоятельствах, мы стали готовить свой аналитический отчет с доказательной картиной происходящего по материалам тех случаев (их достаточно много), которыми занимается наша организация несколько лет, для того чтобы сделать обобщение. Это наш конкретный доказательный материал.

Мы делаем систематизированную подборку свидетельств о типичных, то есть повторяющихся в разных регионах и в разных делах придириках к семье, то есть о вторжении в семью в рядовых, общепринятых для людей ситуациях, когда о непосредственной угрозе жизни или здоровью детей нет речи. Мы сопровождаем показания документами. И это как раз и есть та самая работа, которую сейчас должны были бы проводить по всем регионам, относясь серьезно к сложившейся ситуации. В общем, мы получаем таким образом типологию нарушений и материал для выводов об избыточности мер. Вот мы должны сейчас, по сути, определить, как надо

действовать, если возникло реальное подозрение в неблагополучии, а что является глубоко избыточным, порочным и вредным для семьи и для ребенка.

Мы рассматриваем, естественно, три основных вида отобрания детей – это опекой по статье 77, полицией по безнадзорности и организациями для детей-сирот путем воспрепятствования возвращения ребенка требующему этого родителю. Под первые два вида маскируется основная масса безосновательных отобраний, то есть это статья 77 и безнадзорность (закон № 120).

Работая над отчетом, мы уже видим, что имеем дело не просто с массовым беззаконием, но с беззаконием, извините, организованным. Часть нашего отчета будет посвящена тому, как это организовано. Речь пойдет и о ведомственных приказах, в частности, Минздрава, Минобрнауки и МВД, которые сверх закона расширяют полномочия служащих в сторону вмешательства в семью, отобрания детей и передачи их на рынок семейного устройства. Вот так, например, существенная часть незаконного изъятия детей делается от имени Федерального закона № 120 "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних", но на самом деле в противоречии с этим законом, а на основании противозаконного требования приказа МВД № 845. То есть понимаете, какая коллизия? Сначала Министр внутренних дел подписывает приказ, по которому можно доставлять силами МВД почти за что угодно как за нахождение в социально опасном положении, потом Минюст допускает халатность, регистрируя этот приказ, а потом правоприменители, ссылаясь на закон, действуют по этому приказу.

Вообще есть целый набор способов организации этого массового беззакония, в том числе опора на регламенты, которые вводят определение терминов и механизмы взаимодействия не из законов, а из сочинений разных НКО, порой даже не скрывающих, что они проводники каких-то западных подходов, тех самых ювенальных.

Но я хочу обратить внимание на то, что все эти беззакония нельзя делать из-под палки, просто потому, что, положим, существует какая-то инструкция. Ведь ее тоже можно применить или не применить, если ты остаешься человеком с определенным комплексом представлений о допустимом, то есть с какими-то нравственными представлениями, между прочим, очень свойственными нашей, отечественной, культуре.

Так вот, то, что совершается это повсеместно, говорит об очень неприятном обстоятельстве – о том, что уже большое количество наших служащих (служащих органов опеки, полиции и так далее) имеет искаженное представление о допустимом. Это серьезное искажение, и вот это очень опасная вещь. Потому что пока общество имеет какие-то внутренние препоны для

действий по схеме, которую им кто-то там подкинул (а она неправильная, расходится с человеческим законом), то общество живое и может преодолеть, исправить эти законы. А если оно уже поверило в то, что так надо, то дело худо.

Вот, например, одно из массовых нарушений – это нарушение приоритета родственной опеки. И мы это часто фиксируем, и это подчеркивает типичную, подлинную цель отобраний. Цель – это добыча детей для замещающих семей. У нас есть рынок замещающих семей, он требует детей. Да, это есть, это уже сложилось. Это очень прискорбно. Вот тут встает важный вопрос: кому же это все нужно кроме каких-то меркантильных интересов, которые, наверное, есть у тех, кто работает на рынке, в силу того что рынок диктует свои законы, а они чаще всего меркантильные?

Регламент... Да, сейчас.

Для чего, скажите, нужно вводить вот эти понятия – "биологическая семья", "замещающая семья", "профессиональная семья", "однополая семья" и так далее? Для чего надо размывать естественное понятие о семье, где родные мама и папа любят ребенка, воспитывают его, внушают ему те ценности, которые были переданы им их родителями, то есть ведут вот эту непрерывную линию, о которой говорила Елена Борисовна, а также являются их защитой?

Я говорила, что у меня есть два совсем небольших ролика, и, если Елена Борисовна не против, я бы хотела их показать, потому что они... Ведь все мы, когда говорим о ювенальной юстиции, понимаем, что речь идет о той идеологии, которая уже отработана на Западе. И нас к этой идеологии, как к некоему идеалу, стараются приблизить.

Я прошу показать видео, которое только что сделала наша коллега из "Родительского Всероссийского Сопротивления", живущая много лет в Испании, встретившись с координатором организации по защите семьи в Испании. *(Оживление в зале.)*

ИЗ ЗАЛА

Регламент...

М.Р. МАМИКОНЯН

Нельзя?

С МЕСТА

(Говорит не в микрофон. Плохо слышно.) Он про Испанию и про гомосексуалистов. Зачем его смотреть?

Е.Б. МИЗУЛИНА

А сколько времени этот ролик?..

М.Р. МАМИКОНЯН

Три минуты.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Хорошо. Три минуты. *(Идет демонстрация видеоролика.)*

М.Р. МАМИКОНЯН

Я должна сделать короткий комментарий, потому что я слышала здесь реплики "Сколько же ей лет? и "При чем тут фашизм?". Простите, пожалуйста, в Испании и Португалии фашистская диктатура закончилась в середине – конце 70-х годов. Режимы Салазара и Франко использовали определенные институты для изъятия детей. У нас есть на эту тему уже очень большой материал, очень страшный. И это действительно люди, которые перешли из тех структур в новые, так называемые демократические. Поэтому есть все основания считать... Мы считаем, что мы вообще нашли сейчас в Испании то недостающее звено, которое, когда мы говорили о ювенальном фашизме, нам не было сначала ясно. Да, это именно чисто конкретно перешедшие методы этого тоталитарного государства по отношению к семье и самоуправство. Да, к сожалению, это все так.

Поэтому вопрос очень серьезный. Нам незачем подверстывать жизнь своего народа вот к этому. Мы (наши деды, отцы) боролись с фашизмом очень успешно, и сейчас, на новом этапе, когда он имеет новое обличие, мы должны сделать то же самое.

Извините. Я не знала, что у меня будет приветственное слово, а не нормальный доклад, что это будет пять минут. Извините за то, что вышла за регламент. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Мария Рачиевна, спасибо.

Я еще раз всех призываю к терпимости, потому что я слышу, какой здесь гул стоит, и нетерпимость... А я, например, в этом ролике увидела некоторые параллели с нашей реальностью. Например, у них не опека, а соцзащита – те органы, которые фактически занимаются в том числе устройством и изъятием детей.

А если вы внимательно следите за тем, что произошло в нашем законодательстве, то ведь и даже по закону № 120, который предусматривает систему органов по профилактике детской безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних, поправки точечные, вброшенные очень аккуратно, но теперь понятно, что это было не случайно, именно органы социальной защиты и социального обслуживания сделаны главными. На основании их ходатайства можно поместить ребенка в специализированное учреждение для несовершеннолетних, нуждающихся в социальной реабилитации, и в любые другие учреждения, где временно может находиться ребенок, либо с их

согласия по ходатайству других органов системы профилактики, к числу которых относятся органы опеки, но не они первичны. Они первичны только при подготовке акта об отобрании.

Поэтому те, кто здесь присутствует от опеки и попечительства, вы еще посмотрите, как вы встроены и почему только на вас сегодня зачастую как бы падает весь негатив. Потому что а кто знает, что на самом деле система органов, сама инфраструктура уже немножко развернута в другую сторону? Поэтому на вас и шишки, потому что вы на виду и до сих пор были на виду. Думайте вместе с нами, как сделать так, чтобы этот механизм работал. Как мне люди со стороны сказали: "Ну что это мы создали за соцзащиту, которая работает против нас в социальной сфере, против семей? Нам же нужны такая профилактика неблагополучия, сиротства и такая социальная сфера, которые сделают наши семьи счастливыми. А отбирая детей, мы счастливыми никого не делаем, и даже ребенка". Где исследования? Где статистические данные? Где мониторинг, показывающий, что стало потом с ребенком? А почему только шесть случаев восстановления в родительских правах? Что, родители не стараются вернуть себе ребенка? Это неправда, потому что все последние годы доказывают, что очень востребовано рождение детей, воспитание. Вот эта ценность материнства и отцовства несоизмеримо выросла, вы же это сами видите. Поэтому надо думать, почему такие противоречия, и искать вариант, который все это примерит и сделает действительно обоснованным механизм, и не будем друг друга подозревать в чем-то.

Поэтому, пожалуйста, наберитесь терпения. Сложный вопрос на самом деле. Истина посередине всегда.

Я предоставляю слово Ольге Владимировне Летковой, председателю правления Ассоциации родительских комитетов и сообществ, председателю рабочей группы по защите семьи и традиционных семейных ценностей Общественного совета при Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка и члену Общественного совета Департамента труда и социальной защиты населения города Москвы, для доклада на тему "Законодательные предложения по изменению ситуации в сфере отобрания детей и вмешательства в семью".

О.В. ЛЕТКОВА

Здравствуйтесь, уважаемый председательствующий, уважаемые члены Совета Федерации, депутаты Государственной Думы и другие участники нашего сегодняшнего высокого мероприятия! Хочу вас поблагодарить в первую очередь за возможность сделать такой важный основной доклад о том, какие меры видит родительская общественность, для того чтобы прекратить на сегодняшний день вот это отбирание детей, которое, скажу прямо, позорно для

нашего государства. Эта проблема не должна быть в нашей стране, но, к великому сожалению, она существует. И именно родительские организации на протяжении многих лет держат руку на пульсе, сигнализируют обществу, власти, народу о том, что такая проблема действительно есть. И наконец-то сегодня нас слышат и в парламенте, и в высших органах государственной власти. И, как вы знаете, Президент Российской Федерации Владимир Владимирович Путин перед Новым годом дал поручение провести анализ практики отбирания детей в регионах и дать соответствующие предложения.

То есть проблема на самом деле существует, и наша родительская ассоциация на протяжении уже многих лет... Она возникла больше 10 лет назад, это движение родителей спонтанное, как раз в ответ на начало введения у нас в государстве такой же системы, которая была показана сейчас, – западной системы ювенальной юстиции. Родители много лет сопротивляются этому, они ведут каждый случай отбирания детей, прекрасно знакомы с тем, как работает эта практика, и давно подготовили целый пакет законопроектов. У нас в организации с 2011 года есть и концепция возрождения семьи на основе традиционных духовно-нравственных ценностей, мы ее делали как альтернативную внедрению у нас ювенальной юстиции.

Мы считаем, что России есть что противопоставить Западу в этом вопросе. У нас серьезная, глубокая культура, у нас есть вера, православие, у нас есть традиции и корни, на основе которых мы должны строить систему защиты детей. Никто не спорит, детей надо защищать, но мы должны это делать не по-западному, а по-нашему, уважая родителей, понимая, что родительская власть – это порой самое главное для воспитания достойных членов общества, нравственных людей, ответственных людей, воспитанных людей и так далее. Я не буду вдаваться во все эти эмоциональные стороны, я думаю и знаю, что вы это понимаете.

Мне бы хотелось просто сказать, что на сегодняшний день, как мне кажется, все-таки наша рабочая группа, наш научно-экспертный совет, который образован в рабочей группе Совета Федерации, до сих пор занимался изменениями только в семейное законодательство. У нас тоже с 2011 года есть целый пакет законопроектов, которые мы сейчас актуализуем, пытаемся ввести вместе с другими нашими уважаемыми коллегами и с Еленой Борисовной Мизулиной во главе.

Но, учитывая поручение Президента и понимая, что это проблема комплексная, нельзя поменять только Семейный кодекс, для того чтобы с проблемой справиться. Поэтому нам необходимо все-таки, как мне кажется (это первое предложение, которое я хочу внести), проработать те мониторинги, которые есть у родительских организаций. Только что Мария Рачиевна рассказывала об их мониторинге. Могу сказать, что нашей ассоциацией, которая уже

больше 10 лет занимается этими вопросами, тоже проведен собственный мониторинг. У нас есть "горячая линия", куда обращаются люди со всей страны, и мы уже обобщили многие эти обращения, в качестве помощников-юристов ведем каждый случай, можем сказать, как это происходит. Мы тоже готовы предоставить эти результаты. И мы должны здесь, в рамках Совета Федерации, обобщить эти данные, которые есть у родительских организаций, обобщить, проанализировать законодательство и сделать альтернативный доклад Президенту, все-таки какой-то общественно значимый доклад, не только чиновничий, извините за такое выражение. Мы понимаем, что есть разные точки зрения, и чиновник – это, конечно, профессионал, но его полнота однобока, как флюс, в известном выражении, поэтому общественный доклад здесь просто необходим. Я вношу предложение рассмотреть вопрос, чтобы в рамках экспертного совета, рабочей группы Совета Федерации все-таки был подготовлен альтернативный доклад с соответствующими предложениями, проработанными, обсужденными, взвешенными и, возможно, как-то одобренными, может быть, предварительно хотя бы на уровне рабочей группы.

Теперь хотелось бы сказать, что действительно изменение ситуации по отбиранию детей (вот возьмем это за краеугольный камень)... Если мы хотим с этой проблемой справиться, то мы понимаем, что подход должен быть системным, то есть законодательство надо менять комплексно, одним Семейным кодексом, как говорится, не отделаешься. Почему? Потому что на сегодняшний день (Елена Борисовна очень хорошие цифры привела, я, честно говоря, первый раз их видела, давно пыталась узнать) действительно по статье 77 Семейного кодекса отбирается не так много детей, это реально крайняя мера. Да, там есть перекосы, но они не могут быть взяты за основу как единственные случаи, когда действительно нужно реагировать. На самом деле огромное количество детей (то, с чем мы сталкиваемся) отбирается по Федеральному закону № 120 "Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних".

Хочу обратить ваше внимание на этот очень давний федеральный закон, как он трактует, кто такие несовершеннолетние безнадзорные, по которым в основном и ведется эта так называемая профилактическая работа: "безнадзорный – несовершеннолетний, контроль за поведением которого отсутствует вследствие неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по его воспитанию, обучению и (или) содержанию со стороны родителей или иных законных представителей либо должностных лиц". Согласитесь, широкое понятие, что такое надлежащее воспитание, что такое надлежащее содержание, что такое надлежащее обучение и так далее. Вот такие широкие формулировки. Могу привести и другие такие же термины – кто такой несовершеннолетний, находящийся в социально опасном положении, семья, находящаяся в

социально опасном положении. Опять же это семья, где родители или иные законные представители несовершеннолетних не исполняют своих обязанностей по их воспитанию, обучению, содержанию или отрицательно влияют на их поведение, либо жестоко обращаются с ними.

У нас нет понятия жестокого обращения, об этом уже сказала Елена Борисовна, это вольная трактовка, которая сегодня по американским методичкам очень широко трактуется. Но у нас помимо этого, посмотрите... Что такое воспитание? Где мы найдем такой термин? Как мы его определим? Что такое "отрицательно влияют"? Можно по-разному оценивать. И, действительно, критерии широкие, оценочные, которые позволяют субъективно толковать все эти термины.

Соответственно, признание семьи социально опасной, признание ребенка безнадзорным, находящимся даже в трудной жизненной ситуации к чему ведет? Смотрим дальше тот же самый закон № 120. Согласно статье 13 этого закона дети, признанные нуждающимися в помощи государства, в социальной реабилитации, в том числе несовершеннолетние, самовольно оставившие семью, не имеющие средств к существованию, оказавшиеся в трудной жизненной ситуации и нуждающиеся в социальной помощи, по направлению органа управления социальной защитой населения (о чем сейчас говорила Елена Борисовна) или согласованному с этим органом ходатайству должностного лица от органа или учреждения системы профилактики безнадзорности несовершеннолетних помещаются в соответствующие учреждения. Никакого согласия родителей не надо, никакого суда не надо – ничего не надо. Достаточно сделать заявление от органа социальной защиты населения и ребенок поступает в социальное учреждение на неопределенный срок без всяких дальнейших правовых действий.

Это практика, которая работает сегодня. Почему я о ней говорю? Можно еще выкопать какие-то нормы, но они не работают, есть тоже. Но это та система, которая работает. Мы не по статье 77 имеем в таком количестве детей... мы социальных сирот... Вот это социальные сироты. Мы их имеем в детских приютах, именно в социально-реабилитационных центрах, которые находятся сегодня в системе социального обслуживания населения. То же самое – семьи, находящиеся в социально опасном состоянии. По статье 5 этого федерального закона они также помещаются в приюты. Опять же также не надо никаких согласий, никаких законодательных процедур, и эта система, к сожалению, сегодня работает.

Поэтому что нужно делать? В первую очередь все-таки нужно менять закон № 120. Закон, как я уже сказала, очень давний, и нужно начинать с него. Я думаю, что сегодня все, кто немножко

хотя бы в этой теме, согласятся с тем, что этот закон давно себя изжил и нужно серьезно работать над его концепцией, наверное, все-таки пересматривать полностью.

Но что мы предлагаем конкретно все-таки отметить? В первую очередь, безусловно, нужно уйти от субъективизма и от широких, неконкретных формулировок, которые и в этом законе, и в других законодательных актах имеются. Это нужно поправить в первую очередь.

От чего мы должны отталкиваться? Мы должны отталкиваться от того, что ребенок в социально опасном положении – это тот ребенок, у которого реально опасность для жизни или здоровья есть. Это обычно дети алкоголиков, дети наркоманов, дети, в отношении которых может совершаться преступление либо когда родители действительно заставляют заниматься попрошайничеством, когда родители заставляют заниматься проституцией. Такие страшные вещи тоже существуют, но именно эти вещи должны регулироваться в качестве профилактики законом. И здесь должны быть права у органов внутренних дел, мы считаем. Не у органов опеки, не у социальных служб, а вот с такими действительно (я не буду говорить специально "неблагополучными") опасными семьями, социально опасными семьями должны работать органы внутренних дел. Это часть их работы по пресечению, предупреждению правонарушений. Это логично их функция.

Что касается органов опеки и попечительства... Органы опеки и попечительства, по нашему глубокому убеждению, должны заниматься выявлением детей, оставшихся сиротами. Они не должны заниматься выявлением социально опасных детей, ходить по домам, в эти притоны, откуда их гонят, пытаться как-то выполнить те нормы и задачи, которые перед ними стоят, и выполнять их за счет тех, к кому, собственно, можно еще прийти и накопать опять же на основании широких критериев какие-то претензии. Они должны заниматься теми сиротами, которые реально существуют, а у нас их тоже достаточно.

Если мы посмотрим Семейный кодекс, то увидим, что там как раз сказано о том, что и другой такой же широкий круг детей выявляется органами опеки. Опять же мы приходим к тому, что это широкие критерии и органы опеки вынуждены выявлять так называемое семейное неблагополучие. Не нужно в результате какого-либо придуманного семейного неблагополучия признавать детей сиротами по своим актам (это уже акты о признании детей оставшимися без попечения родителей) и опять же помещать их в приюты. Органы опеки должны заниматься реальными сиротами, а не искусственно созданными, и не создавать это искусственное сиротство.

Что касается социальных служб, мы глубоко убеждены, что социальные службы должны заниматься помощью нуждающимся семьям, находящимся в трудной жизненной ситуации, не

помощью в виде помещения в приют, как это предусматривает закон № 120, а помощью в виде реальной помощи. Это может быть и направление на лечение от алкоголизма и наркомании, это и психологическая помощь, и не только, это должны быть и реальные возможные рычаги. Иногда семье нужно совсем немного, для того чтобы выбраться.

Могу привести такой случай (не буду заваливать вас этими случаями, у нас их очень много, мы их обнаружим по возможности, сделаем отдельные доклады по нашему мониторингу, но просто для яркости примера). В Волгоградской области у женщины шестеро детей, муж умер, дом сгорел в итоге. Работы, естественно, там нет. Вместо того чтобы помочь с домом, хотя бы как-то поставить на учет и хоть какую-то хибарку пока предоставить, в социальный центр вместе с детьми поместить, детей пытаются отобрать, а маме говорят: "Поезжай, где хочешь ищи деньги на своих детей". Слава богу, соседи помогли, предоставили им свой старый дом. Социальные службы опять приходят и, вместо того чтобы оказать помощь, пытаются отобрать детей, потому что жилье не соответствует условиям. Вы извините, конечно, но если вы не можете помочь, то не мешайте тогда. Мама уехала на заработки – они опять пришли отбирать детей, потому что мамы нет. Но дети не одни, они оставлены на других, взрослых, детей. Вот такая дрящная история, о ней уже были публикации.

Таких историй очень и очень много. Либо семья Родиона Тонких в Краснодарском крае, когда мальчик погиб пару лет назад, вы слышали эту громкую историю. Опять же отбирали как? По закону № 120. В Волгоградской области как?.. По закону № 120. Семья Умарали Назарова, тоже нашумевший случай, – по закону № 120.

Кто отбирает, Надежда Борисовна? Полиция. В первую очередь это органы полиции. Поэтому на самом деле полиция много по своим актам отбирает, и не тогда, когда опасное положение, а часто в результате рейдов, признавая опасными на основании опять же широких формулировок любые условия.

Вот в Тюмени, допустим (приведу пример)... Здесь находится адвокат Эдуард Михайлович Коргожа, который вел дело, когда у многодетной матери отобрали пятерых детей. Мать в итоге всех перипетий скончалась, детей вернули овдовевшему отцу. В итоге (может быть, тогда во время своего выступления Вы уже поподробнее расскажете) дело тоже получило очень широкую огласку. Опять же по закону № 120... Просто в результате рейда оказалось, что у ребенка переполнен памперс. Ну, как можно приходить вот так и разрушать семьи?

Не хочу уходить в эти страшилки. Поверьте, разные случаи есть. Есть и реально неблагополучные семьи, это тоже страшные случаи. Мы должны сохранять какую-то

объективность. Но призываю все-таки посмотреть законодательство комплексно и рассмотреть в первую очередь закон № 120.

Что еще в законе № 120 мы считаем принципиальным? Принципиальным мы считаем разделить компетенцию. На сегодняшний день что полиция, что опека, что социальные службы, что остальные органы системы профилактики имеют право по любому поводу вмешиваться в семью (сами оценивают). В итоге у нас полиция отбирает за полный памперс. Понимаете? А на самом деле полиция должна заниматься своим делом, опека – своим и соцзащита – своим.

Я в принципе уже рассказала, как бы мы видели разделение этой компетенции. Глубоко убеждена, что обращение граждан за социальной помощью должно приводить либо к этой помощи, либо уж в крайнем случае к ее отсутствию, но ни в коем случае не к помещению ребенка в приют. И мы считаем, что вообще закон № 120 не предлагает, к сожалению, никакой другой реальной профилактики, кроме помещения детей в специальные учреждения. Поэтому эти меры необходимо предусмотреть и дать органам социальной защиты реальные рычаги для этого – реальную помощь оказывать. И, безусловно, необходимо принудительное лечение от алкоголизма и наркомании, которое у нас из законодательства изъято, но оно должно быть введено обратно, хотя бы по решению суда, по заключению врачей, безусловно. Но такие меры надо принимать не к детям, изолируя их от пьющих родителей фактически в детские спецприемники и тюрьмы, а к родителям, изолируя их и работая с ними, и надо работать вообще с семьей.

В законе № 120 должна быть норма, которая запрещает работать с ребенком вне семьи в отсутствие реальной угрозы его жизни и здоровью. Потому что возвращать потом ребенка в эту же семью бессмысленно.

Значит, нужно решать проблему. И проблем таких много. И, естественно, главная проблема – чтобы все-таки мы не путали опасное положение с трудной жизненной ситуацией и там, где надо помочь, помогали, а где надо оградить ребенка от зла – ограждали.

Чтобы сэкономить время, я тогда быстро перейду к следующим... Что касается статьи 77 Семейного кодекса...

Простите, еще один очень важный момент, на котором я хотела бы остановиться. Безусловно, нужно пересмотреть систему органов профилактики правонарушений и безнадзорности. Почему? Потому что таких паразитов, простите за слово, сегодня десятки. (*Аплодисменты.*) Любой, кто хочет, может вмешаться в семью, не только те три основные службы, о которых я сказала. Если вы откроете, там в каждой статье перечень из 20–25 пунктов разных учреждений, систем. Это и школы, и детские сады, и кружки, и секции – все кто угодно могут

подавать такие заявления о том, чтобы ребенка изолировать от родителей. Сама система органов должна быть оптимизирована исходя из ее задач. Вот эти, допустим, три основные системы нужно оставить. Но при этом мы настоятельно просим законодателей рассмотреть вопрос об исключении из системы органов безнадзорности комиссий по делам несовершеннолетних.

Эти органы были созданы довольно давно, в начале еще... как наше революционное проявление, когда действительно в стране была детская беспризорность. Да, это был бич. Они справились с этим, но справились довольно жесткими мерами. А сегодня они... Во-первых, они наделены широчайшими полномочиями, при этом статус у них – негосударственные. Это некие непонятного происхождения организации, которые состоят... В принципе они общественные, по идее, но существуют при органах власти, наделены широкими полномочиями, даже полномочиями по превентивному правосудию. Они привлекают родителей к административной ответственности, и, хочу вас заверить, привлекают очень и очень широко и свободно. Ребенок отъехал от дома на велосипеде – тут же родители получают штраф. 14-летний ребенок стоит возле калитки на даче в 22 часа – тут же родители получают штраф и так далее. То есть это органы, которые на сегодняшний день фактически взяли на себя управление этой системой (да?), и по закону они координаторы. Но, извините, когда у координаторов нет ответственности, а есть только широкие полномочия, и они не выполняют какой-то реальной работы, а только координируют, то это ни к чему хорошему не приводит.

Поэтому убедительно просим вас рассмотреть и еще учесть, что в стратегии действий в интересах детей системы комиссий по делам несовершеннолетних не предусмотрено. Это тоже очень важно учитывать. То есть в наших стратегических документах тоже заложена концепция о том, что таких органов у нас не будет. Давайте сделаем те органы, которые реально работают, и чтобы они (каждый орган) реальную ответственность в соответствии с их же компетенцией и несли. Тогда будет чуть больше порядка.

Что касается Семейного кодекса Российской Федерации (я завершаю), в Семейном кодексе статья 77 тоже, на наш взгляд, нуждается... Вот этот комплекс норм – статьи 69, 73, 77 (я говорю об ограничении и лишении родительских прав и экстренном отбирании ребенка), которые прямо регулируют этот вопрос, – тоже нуждается в корректировке. В первую очередь мы считаем, что статья 77, которая содержит формулировку "угроза жизни ребенка или его здоровью", трактуется на сегодняшний день тоже довольно широко. Кто только и что только не принимает как угрозу жизни. Могу сказать (вот отец Дмитрий не даст соврать), что нехватка апельсинов в холодильнике... Такие расхожие стали уже выражения. Это все выражения из актов, когда это

угроза жизни ребенку или его здоровью. Видимо, здесь – здоровью. Я помню случай, когда сотрудники школы пришли в отсутствие мамы домой, обнаружили в холодильнике варенье, подернутое пленкой плесени, признали это угрозой здоровью и тут же забрали всех детей. И родительской общественности пришлось в очередной раз поднимать шум, чтобы этих детей вернуть.

Так вот, думая над тем, как все-таки нам конкретизировать эти положения, мы пришли к выводу, что их очень трудно... Действительно, угрозу полностью прописать не получится, нужно проводить оценку всякий раз. Мы понимаем только одно: всякий раз, когда должно происходить изъятие детей из семьи, скажем так, внесудебное, оно должно происходить на основании понятных... в случае, если родители своими умышленными действиями совершили некое деяние, которое опасно для жизни или здоровья ребенка, это деяние явное, очевидное, понятное, и, как правило, это преступление. Соответственно, это должно быть преступление. Если это преступление, то такой родитель должен быть помещен (не ребенок, а родитель) в изолятор, который своими действиями в результате... Всяко ясно, что это противоправное деяние.

Елена Борисовна сделала хороший экскурс и рассказала, что статья 77 – это уже такой переросший, опять же постсоветский нормативный институт возможности отбирания ребенка без всякого особенного разбирательства. Так вот, в данном случае мы все-таки считаем, что это должно быть преступление и в этом случае должен подвергаться изоляции виновный родитель. А ребенок, если он остается с матерью или кровными родственниками, должен остаться в семье, безусловно, никуда не надо его изымать. А если ребенок остался один, вот тогда должны подключаться органы опеки и попечительства, а не полиция, полиция должна их пригласить...

С МЕСТА

Что ночью-то делать? Ночью-то что делать? Опеку и попечительство искать?

О.В. ЛЕТКОВА

Конечно. А у них есть дежурные. Они дежурят круглосуточно. Но в любом случае у них есть ПДН. Можно поместить пока в ПДН, но органы опеки и попечительства должны устроить такого сироту. Согласитесь, да? Да. То, что детали... – это уже детали. Но на самом деле мы считаем, что институт статьи 77 как таковой нужно пересмотреть, а лучше отменить и вместо него сделать вот эти нормы, которые обеспечивали бы защиту права ребенка в том случае, если действительно в отношении него существует реальная угроза, которая подтверждена определенными следственными действиями – допросами и так далее (вы знаете это).

Теперь хочу еще сказать, что статьи 69 и 73 Семейного кодекса, которые регламентируют ограничение и лишение родительских прав, конечно, тоже должны быть более четко отрегулированы, для того чтобы они не допускали некорректных понятий, таких как опять же "жестокое обращение", которым можно признать все что угодно, еще широкие формулировки, которые дают основания для субъективизма. Я не буду вдаваться, я думаю, что при дальнейшем рассмотрении... Все эти формулировки у нас есть, но наша задача сейчас не продиктовать формулировки, а именно объяснить наш взгляд, нашу концепцию на то, как должна строиться в российском законодательстве система детско-родительских отношений в плане изъятия детей.

И, наверное, последнее, что нужно отметить. У меня много по статье 69, что нужно внести в Семейный кодекс. Дело в том, что у нас нет процедуры возвращения ребенка. И это вызывает такое количество конфликтов, вплоть до драк, до совершаемых преступлений, и родителей часто признают виновными, хотя они защищают сугубо свои права, когда ребенок оставлен за ними судом. Поэтому вот эту процедуру необходимо ввести. Просто хочу обратить ваше внимание на этот пробел.

Обязательно одновременно с рассмотрением заявления о восстановлении в родительских правах необходимо рассмотреть вопрос о порядке возвращения ребенка родителям, когда восстанавливаются права, не только когда отбираются, но и когда восстанавливаются. Предоставить суду право при наличии оснований для лишения родительских прав применять временное ограничение родительских прав в качестве более мягкой меры семейно-правовой ответственности. Вообще, институт ограничения надо пересмотреть, там очень много норм, которые, ну, просто позволяют забирать ребенка, когда родители не виноваты. Да, действительно, такое есть, но этот институт может быть расширен и работать более правильно и в интересах регулирования, возможности общения родителей и детей, когда ограничены в правах, возможности суда, для того чтобы не отбирать ребенка, а как-то по-другому с родителями решать вопрос.

Ну и, естественно, нужно ограничить перечень лиц, по заявлению которых могут возбуждаться дела о лишении или об ограничении родительских прав. На сегодня это школы, детские сады, все органы системы профилактики. Кто угодно может обратиться в суд. Согласитесь, что это несерьезно, безусловно, это должна быть четкая, понятная, ограниченная система.

Ну и Семейный кодекс необходимо дополнить положениями, которые укрепляли бы статус семьи, просто защитили семью от возможного необоснованного вмешательства. Уже много раз говорилось о том, что должны быть прописаны принципы автономии семьи, независимости

семьи, невмешательства кого-либо в семью за пределами установленных законом четких норм, охраны частной жизни членов семьи. Потому что эти принципы есть в нашем законодательстве, они четко не прописаны, и это позволяет некоторым нашим, скажем так, законодателям принимать такие нормы, которые в итоге фактически уничтожают и попирают, собственно говоря, конституционное право граждан на охрану семьи государством.

Я думаю, что еще здесь скажут о том, что Семейный кодекс нужно дополнить положениями, которые позволяют родителям воспитывать своих детей в разных нормах, в которых они сами живут, дисциплинировать своих детей, ограничивать их права, если это необходимо для их же блага, привлекать детей к необходимому домашнему посильному труду, дисциплинировать и так далее, то есть наделить родителей теми правами, которые у них реально, естественным образом имеются, и никому никогда не приходило в голову ставить их под сомнение. Но сегодня пришли такие времена, когда мы должны это всё прописать – прописать родительские права, ну и так далее, и тому подобное.

Уважаемые участники слушаний! Я хочу сказать, что сегодня от вас и от нас с вами зависит, по какому пути мы пойдём: то ли мы будем дальше пытаться копировать западную систему, которая вряд ли принесет нам что-то хорошее во всех отношениях, то ли мы найдем свои собственные пути, правовые решения, нравственные решения, человеческие решения, для того чтобы в нашей стране все-таки было больше справедливости и семьи не разрушались, а, наоборот, росли, полнились, и у нас в стране было бы много счастливых и достойных граждан. Спасибо.
(Аплодисменты.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Ольга Владимировна.

Уважаемые участники, прежде чем предоставить слово второму докладчику, хочу обратить внимание, что у нас выделено время для ответов на вопросы докладчикам, но в конце заседания. Поэтому, если у кого-то возникнут вопросы по ходу, вы можете в письменном виде их передать.

Я бы хотела обратить ваше внимание на несколько моментов в выступлении Ольги Владимировны. В частности, она предложила создать рабочую экспертную группу по подготовке альтернативного доклада по изъятиям детей. Я думаю, мы создадим такую группу в рамках научно-экспертного совета. То есть в Совете Федерации будет такая группа, мы сделаем такой доклад, это нам по силам, в том числе опираясь на те материалы, которые предоставляют родительские организации, и ваш мониторинг. Думаю, это будет очень полезно. То есть это иной

взгляд на ситуацию. Это, в общем-то, и мировая практика, это цивилизованный подход к оценке ситуации. Потому что одно дело – оценка со стороны правоприменителей, тех, кто исполняет закон, другое – со стороны общества.

Относительно Вашего предложения об исключении комиссий по делам несовершеннолетних... Я тоже просила бы обратить внимание на этот момент. Вы поставили кардинально вопрос. Но хочу обратить внимание еще на один момент в деятельности комиссий по делам несовершеннолетних. Ведь вообще-то комиссии по делам несовершеннолетних нарушают все принципы права и демократии, которые только есть у нас по нашей Конституции. Потому что один и тот же человек, который составляет протокол об административном правонарушении ребенка ли, взрослого ли, он же участвует в качестве судьи. Потому что кто входит в состав? Это же действительно орган превентивной юстиции. Они же обладают, комиссии (к тому же они еще и территориальные теперь) по делам несовершеннолетних и защите их прав, полномочиями фактически применять административные наказания и к родителям, и к детям. Поэтому в соответствии с Кодексом об административных правонарушениях, а не только районные и городские, как это вообще-то написано прямо в Кодексе об административных правонарушениях. Сегодня расширены полномочия комиссий по делам несовершеннолетних через постановление Правительства. Все очень просто у нас – через подзаконный акт.

Поэтому вопрос возникает очень серьезный. Если комиссии сохраняем, то тогда надо оттуда убирать всех, кто участвует в обследовании условий жизни, в составлении соответствующих актов, в принятии и продвижении актов об отобрании ребенка, разных ходатайств, протоколов об административных правонарушениях. Всех представителей этих органов из комиссий по делам несовершеннолетних нужно убирать. Потому что естественно, что тот, кто составил такие акты, будет защищать обоснованность и законность тех действий, которые он осуществил. То есть решение заранее predetermined. Судья скажет, что это просто грубейшее нарушение всех правил независимого правосудия, а именно такими должны быть представители комиссий, если они принимают решение. К тому же проведенная в закон № 120 поправка (по моему, в 2014 году или в 2015-м), которая наделила комиссии по делам несовершеннолетних полномочием принимать акты, обязательные абсолютно для всех органов системы профилактики детской безнадзорности, – это вопрос, который требует серьезного обсуждения.

Ну и прозвучавший у Вас термин про паразитов... Вы за него извинялись, а вообще-то, на самом деле речь идет о паразитировании. В этом есть опасность. Создана система, я показала только часть инфраструктуры, которая заинтересована в существовании именно в этих объемах. А

не будем забывать, что у нас все, что связано с выявлением и профилактикой, – это теперь же услуги. Это услуги. Ну, называется соцсопровождением, но это услуги. И сначала были созданы все эти стандарты. Выявление – услуга. Стоимость по 2012 году – от 300 до 600 тыс. рублей, 3 часа 15 минут максимум на эту услугу, проверку сообщения. Всё услуги. Прочитайте, национальный фонд Спивака, 26 томов, все услуги расписаны, их стандарты есть. А с прошлого года на это стали выделяться большие деньги, на социальные услуги 1 трлн. рублей в федеральном бюджете был выделен, не менее 10 процентов – социально ориентированным некоммерческим организациям. То есть эта система еще и бюджетонаполняемая. И нам нужно исключить ситуацию, когда искусственно поддерживается уровень социального сиротства, семейного неблагополучия, чтобы не дать возможности сокращать штатную численность каких-то организаций и вообще их убирать.

Поэтому здесь есть ход. Но давайте обсуждать, в частности, реформируя деятельность этого механизма не на репрессивные цели – отобрание ребенка и обязательное его помещение в замещающую семью, а наоборот. Много примеров Ольга Владимировна и Мария Рачиевна привели относительно того, где можно было бы элементарно оказать помощь семье, поддержать ее или по меньшей мере не вмешиваться. И, пожалуйста, не нужно включать целый механизм – замещающий институт. То есть в позитивную плоскость направить. Давайте это тоже обсуждать. Спасибо.

Виноградова Людмила Николаевна, член Общественной палаты, юрист-эксперт Общероссийской общественной организации защиты семьи "Российское всероссийское сопротивление", судья в отставке (более 30 лет стажа). Она выступит по уточнению норм, позволяющих на практике изымать ребенка из семьи. Она является автором и нескольких законопроектов, посвященных ответственности за незаконное отобрание ребенка, иные формы его изъятия.

Пожалуйста, Людмила Николаевна.

Л.Н. ВИНОГРАДОВА

Добрый день, уважаемые коллеги! Я не буду занимать ваше время красивыми словами, которые в моем докладе, безусловно, есть, и о Конвенции, ее статье 9, и о нарушении прав ребенка, я перейду к конкретике, потому что я думаю, что общими словами мы не насытим голодный желудок правоприменителей, они давным-давно и настоятельно от нас ждут законов, а не указаний на то, что в законе плохо и что несовершенно.

Однозначно могу сказать, что я, как практик со стажем, не могла бы как положено работать ни по федеральному закону № 120, ни по Семейному кодексу, если бы была исполнителем, потому что те нормы, на которых уже сегодня останавливались (я не буду еще раз заострять на них внимание), настолько расплывчаты, настолько невыполнимы, что ждать 100-процентного, хорошего выполнения поставленных задач от органов опеки и от органов полиции не приходится. Можно сколько угодно называть их паразитами, от этого ничего не прибавит. Безусловно, среди них есть и такие, есть и воры, есть и взяточники, но я думаю, что глобальная армия, большая армия служащих – все-таки порядочные люди и заинтересованы в своей работе. И наверняка они и к детям хорошо относятся, и не хотели бы работать так, как у них на сегодняшний день получается. Но по-другому не выходит.

Я предприняла слабую попытку предложить вам сегодня кое-что на рассмотрение в виде конкретных предложений для изменения законодательства, а может быть, и пересмотреть законодательство и обратиться к каким-то другим нормам, не заикливаясь на той же статье 77 и на федеральном законе № 120.

Вот к чему я пришла, просто анализируя в последние дни законодательство уже в который раз. Смотрите, статья 77 Семейного кодекса говорит: "При непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью орган опеки и попечительства вправе немедленно отобрать ребенка у родителей (одного из них) или у других лиц, на попечении которых он находится". Заложенное в норме усмотрение исполнителя – "вправе" (не обязан, а вправе) – направлено на применение дифференциации при выборе способа защиты ребенка. Однако на практике закон трактуется однобоко, и все возможные варианты угроз ставятся в вину родителю (законному представителю) без должной оценки происходящего, без обращения к нормам российского законодательства, регламентирующим порядок действия должностных лиц при разнообразных ситуациях.

При буквальном толковании данной нормы можно сделать вывод, что ребенка можно отобрать у родителя (законного представителя) даже при том условии, когда он не является источником угрозы для своего ребенка, после чего приступить к процедуре лишения родителя родительских прав. Между тем угроза жизни и здоровью ребенка может исходить не только от виновного или невиновного поведения законного представителя, но и от третьих лиц, совершивших преступление, от природных катаклизмов, техногенной катастрофы, тяжелого заболевания ребенка, приобретенного не из-за халатности врачей или ненадлежащего ухода за ребенком.

Правовая неопределенность, заложенная в конструкцию данной нормы, позволяет сотрудникам органов опеки и попечительства произвольно по своему усмотрению трактовать закон и превышать служебные полномочия. Фактически данная норма должна быть признана неконституционной, поскольку неопределенность содержания правовой нормы препятствует ее единообразному пониманию, ослабляет гарантии защиты конституционных прав и свобод, может привести к нарушению принципов равенства и верховенства закона. Поэтому самого по себе нарушения требования определенности правовой нормы, влекущего ее произвольное толкование правоприменителем, достаточно для признания такой нормы не соответствующей Конституции Российской Федерации. Это записано в ряде постановлений Конституционного Суда от 2004, 2011 и 2015 годов.

Вместе с тем непосредственные угрозы могут возникнуть действительно в жизни детей, поэтому для их защиты следует обращаться не к статье 77 Семейного кодекса, а к другому действующему законодательству.

Я попыталась проанализировать некоторые ситуации.

Первая. При угрозе, исходящей от родителя, совершившего уголовно наказуемое деяние в отношении несовершеннолетнего, следует обращаться к Федеральному закону от 7 февраля 2011 года "О полиции", к Федеральному закону от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ "О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства". Среди оснований для лишения граждан родительских прав в статье 69 Семейного кодекса перечислены случаи, когда они жестоко обращаются с детьми, в том числе осуществляют физическое или психическое насилие над ними, покушаются на их половую неприкосновенность, совершили умышленное преступление против жизни или здоровья своих детей, другого родителя детей, супруга, в том числе не являющегося родителем детей, либо против жизни или здоровья иного члена семьи.

Вместе с тем до того момента, пока по делу не вынесен обвинительный приговор, лицо считается невиновным согласно статье 49 Конституции Российской Федерации. Следовательно, у суда до вынесения приговора по уголовному делу не может быть оснований для лишения гражданина родительских прав или ограничения его прав. Таким образом, нет законных оснований и для отобрания ребенка из семьи с учетом того, что статья 77 Семейного кодекса не соответствует Конституции Российской Федерации и не должна исполняться.

В таких случаях необходимо, на мой взгляд, обратиться к Федеральному закону "О полиции", одним из основных направлений деятельности которой согласно пункту 11 статьи 2

является государственная защита потерпевших, свидетелей, а также других защищаемых лиц. Полиция обязана прибывать незамедлительно на место совершения преступления, место происшествия, пресекать противоправные деяния, устранять угрозы безопасности граждан, оказывать первую помощь лицам, пострадавшим от преступления, а также лицам, находящимся в беспомощном состоянии либо в состоянии, опасном для их жизни и здоровья, если специализированная помощь не может быть получена ими своевременно или отсутствует, осуществлять в соответствии с федеральным законом государственную защиту потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, а также других защищаемых лиц.

Среди перечисленных в статье 12 Федерального закона "О полиции" обязанностей нет обязанности по отобранию ребенка из семьи, разлучению его с родителями вопреки их желанию. Согласно части 2 статьи 12 иные обязанности могут быть возложены на полицию только путем внесения изменений в настоящий федеральный закон. Нет таких обязанностей и в приказе МВД России от 15 октября 2013 года № 845 "Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации".

Полиции для выполнения возложенных на нее обязанностей (статья 13) предоставляются следующие права: доставлять граждан, то есть осуществлять их принудительное препровождение, в служебное помещение территориального органа или подразделения полиции, в помещение муниципального органа, в иное служебное помещение в целях решения вопроса... и среди прочих – защиты гражданина от непосредственной угрозы его жизни и здоровью в случае, если он не способен позаботиться о себе либо если опасности невозможно избежать иным способом. То есть при устранении опасности ребенок должен быть возвращен родителям или законным представителям, не виновным в уголовно наказуемом деянии.

Далее. Полиция вправе применять на условиях и в порядке, предусмотренных федеральным законом, меры государственной защиты потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства, а также других защищаемых лиц. Меры государственной защиты не предусматривают разлучения ребенка с его кровными родственниками. Федеральный закон от 20 августа 2004 года № 119-ФЗ "О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства" подробно регламентирует действия должностных лиц, ответственных за безопасность участников уголовного процесса, устанавливает: государственная защита потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства – это осуществление предусмотренных настоящим федеральным законом мер безопасности, направленных на защиту их жизни, здоровья и

имущества, а также мер социальной поддержки указанных лиц. Государственной защите в соответствии со статьей 2 настоящего федерального закона подлежат в том числе следующие участники уголовного судопроизводства: потерпевший, свидетель, частный обвинитель, законные представители, представители потерпевших. Таким образом, при применении мер государственной защиты к несовершеннолетнему потерпевшему или свидетелю такие же меры могут быть приняты и к его законному представителю как свидетелю преступления. То есть нет необходимости разлучать ребенка с его вторым родителем или другим родственником, или законным представителем.

Меры государственной защиты могут быть также применены до возбуждения уголовного дела в отношении заявителя, очевидца или жертвы преступления либо иных лиц, способствующих предупреждению или раскрытию преступления. То есть при обнаружении признаков преступления, совершаемого или совершенного в отношении несовершеннолетнего, работник полиции вправе до возбуждения уголовного дела принять меры безопасности для защиты его жизни и здоровья.

Государственной защите также подлежат установленные Уголовно-процессуальным кодексом Российской Федерации близкие родственники, родственники и близкие лица, противоправное посягательство на которых оказывается в целях воздействия на лиц, указанных в частях 1 и 2 статьи 2 закона.

Меры государственной защиты в отношении защищаемых лиц могут быть применены после постановления приговора, вынесения постановления об освобождении лица от уголовной ответственности или наказания и о применении к нему принудительных мер медицинского характера.

Органами, обеспечивающими государственную защиту, являются органы, принимающие решение об осуществлении государственной защиты, органы, осуществляющие меры безопасности, и органы, осуществляющие меры социальной поддержки.

Решение об осуществлении государственной защиты принимают суд (судья), начальник органа дознания, руководитель следственного органа или следователь с согласия руководителя следственного органа, в производстве которых находится заявление (сообщение) о преступлении либо уголовное дело.

Меры безопасности в отношении защищаемых лиц по уголовным делам, находящимся в производстве суда (судьи) или Следственного комитета Российской Федерации, осуществляются по решению суда (судьи), руководителя следственного органа Следственного комитета

Российской Федерации или следователя с согласия руководителя следственного органа Следственного комитета органами внутренних дел Российской Федерации, органами федеральной службы безопасности, таможенными органами, расположенными по месту нахождения защищаемого лица.

Меры социальной поддержки осуществляют органы, уполномоченные Правительством Российской Федерации.

К мерам безопасности относятся: личная охрана, охрана жилища и имущества; выдача специальных средств индивидуальной защиты, связи и оповещения об опасности; обеспечение конфиденциальности сведений о защищаемом лице; переселение на другое место жительства; замена документов; изменение внешности, изменение места работы или учебы; временное помещение в безопасное место. Вот этот пункт нам особо интересен в контексте темы, поскольку таким безопасным местом может быть реабилитационный центр для матери и ребенка.

Основаниями применения мер безопасности являются данные о наличии реальной угрозы безопасности защищаемого лица, уничтожения или повреждения его имущества в связи с участием в уголовном судопроизводстве, установленные органом, принимающим решение об осуществлении государственной защиты.

Меры безопасности применяются на основании письменного заявления защищаемого лица, а в отношении несовершеннолетних лиц – на основании письменного заявления их родителей или лиц, их заменяющих. То есть никакого насилия в данном случае не предвидится. Желание законного представителя в приоритете.

Сам родитель (законный представитель) несовершеннолетнего в состоянии решить, необходима ли ему и ребенку помощь государства, реальна ли угроза жизни и здоровью того и другого, исходящая от виновного лица, и в случае необходимости он вправе будет воспользоваться мерой государственной защиты.

Порядок применения мер безопасности. Суд (судья), начальник органа дознания, руководитель следственного органа или следователь с согласия руководителя следственного органа, получив от потерпевшего, свидетеля, частного обвинителя заявление о необходимости применения мер государственной защиты в связи с угрозой его безопасности, а также с угрозой уничтожения или повреждения его имущества, обязан совместно с органом, осуществляющим меры безопасности, проверить это заявление (сообщение) и в течение трех суток (а в случаях, не терпящих отлагательства, немедленно) принять решение о применении мер безопасности в отношении указанного лица либо об отказе в их применении. А также по мотивированному

ходатайству органа, осуществляющего меры безопасности, суд или орган, выносящий данное постановление, вправе продлить срок мер защиты до 30 суток.

Результаты проверки с указанием фактов, свидетельствующих о наличии либо отсутствии реальной угрозы безопасности защищаемого лица, уничтожения или повреждения имущества, на основании которых принимается решение о применении мер безопасности либо об отказе в их применении, орган, осуществляющий меры безопасности, представляет в письменной форме в орган, принимающий решение об осуществлении государственной защиты. О принятом решении выносится мотивированное постановление, которое в день его вынесения направляется в орган, осуществляющий меры безопасности, для исполнения, а также лицу, в отношении которого вынесено указанное постановление.

Постановление о применении мер безопасности либо об отказе в их применении может быть обжаловано в вышестоящий орган, прокурору или в суд. Жалоба подлежит рассмотрению в течение 24 часов с момента ее подачи. Орган, осуществляющий меры безопасности, избирает необходимые меры безопасности, предусмотренные настоящим федеральным законом, и определяет способы их применения.

В соответствии с настоящим федеральным законом и гражданским законодательством Российской Федерации орган, осуществляющий меры безопасности, для избрания мер безопасности заключает с защищаемым лицом договор в письменной форме, в котором определяются условия применения избираемой меры безопасности, а также права и обязанности органа, осуществляющего меры безопасности, и защищаемого лица при ее применении.

Орган, осуществляющий меры безопасности, обеспечивает психологическое сопровождение защищаемого лица. Меры безопасности отменяются в случае, если устранены основания их применения, указанные в статье 16 настоящего федерального закона, если защищаемое лицо отказывается от заключения договора, предусмотренного частью 6 статьи 18 настоящего федерального закона, либо если дальнейшее применение мер безопасности невозможно вследствие нарушения защищаемым лицом условий данного договора.

Следующая ситуация. При совершении преступления единственным родителем (законным представителем), когда ребенок утрачивает попечение, предлагаю обращаться к Уголовно-процессуальному кодексу. Статья 160 "Меры попечения о детях, об иждивенцах подозреваемого или обвиняемого и меры по обеспечению сохранности его имущества" предусматривает, что если у подозреваемого или обвиняемого, задержанного или заключенного под стражу, остались без присмотра и помощи несовершеннолетние дети, нуждающиеся в постороннем уходе, то

следователь, дознаватель принимает меры по их передаче на попечение близких родственников, родственников или других лиц либо помещению в соответствующие детские или социальные учреждения. Как видим, закон позволяет и в этом случае обойтись без применения статьи 77 Семейного кодекса, предлагая более гуманный способ передачи детей в семью родственников и только при их отсутствии – в детское учреждение, корреспондируя при этом со статьей 122 Семейного кодекса Российской Федерации.

Третья ситуация. При психиатрическом заболевании законного представителя, представляющего угрозу для себя и окружающих, нужно обращаться к Федеральному закону "О полиции" и Закону Российской Федерации от 2 июля 1992 года "О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании", согласно которым лицо, страдающее психическим расстройством, может быть госпитализировано в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, без его согласия либо без согласия одного из родителей или иного законного представителя до постановления судьи, если его психическое обследование или лечение возможны только в стационарных условиях, а психическое расстройство является тяжелым и обуславливает его непосредственную опасность для себя и окружающих, его беспомощность, то есть неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности, или существенный вред его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если лицо будет оставлено без психиатрической помощи.

Сотрудники полиции обязаны оказывать содействие медицинским работникам при осуществлении недобровольной госпитализации и обеспечивать безопасные условия для доступа к госпитализируемому лицу при его осмотре. В случаях необходимости предотвращения действий, угрожающих жизни и здоровью окружающих со стороны госпитализируемого лица или других лиц, а также при необходимости розыска и задержания лица, подлежащего госпитализации, сотрудники полиции действуют в порядке, установленном Федеральным законом "О полиции", в частности статьей 30. Таким образом, при госпитализации родителя нет необходимости перемещать ребенка из семьи куда-либо.

Четвертая ситуация – уклонение родителей от своих обязанностей по воспитанию, обучению, содержанию детей. В части 3 статьи 178 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации дано определение уклонения от воспитания ребенка: "Осужденный считается уклоняющимся от воспитания ребенка, если он, официально не отказавшись от ребенка, оставил его в родильном доме или передал в детский дом, либо ведет антиобщественный образ жизни и не занимается воспитанием ребенка и уходом за ним, либо оставил ребенка

родственникам или иным лицам, либо скрылся, либо совершает иные действия, свидетельствующие об уклонении от воспитания ребенка". Несмотря на то что норма квалифицирует действия осужденного, не исполняющего предписание суда, такое определение может быть применимо и в остальных случаях недобросовестного отношения родителей к своим обязанностям.

Согласно статье 49.2 приказа МВД России от 15 октября 2013 года № 845 "Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации" подлежат постановке на профилактический учет родители или иные законные представители, не исполняющие своих обязанностей по воспитанию, обучению и (или) содержанию несовершеннолетних и отрицательно влияющие на их поведение либо жестоко обращающиеся с ними. То есть и в этом случае не идет речь об отобрании ребенка, разлучении ребенка с родителями. Уклонение от воспитания является основанием для постановки на профилактический учет, и в случае непринятия мер к исправлению ситуации родители могут быть ограничены или лишены родительских прав по решению суда.

Предложения. Внести изменения в статью 77 Семейного кодекса, сделав ее бланкетной. Примерная редакция может быть такой: название – "Статья 77. Государственная защита ребенка при непосредственной угрозе его жизни или здоровью"; текст самой статьи: "При непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью применяются меры государственной защиты, предусмотренные законодательством Российской Федерации".

Следующее. Четко прописать алгоритм действий органов полиции, регламентированный приказом МВД № 845, при задержании и доставлении несовершеннолетнего безнадзорного.

В федеральном законе № 120 уточнить определение безнадзорного.

Претворение в жизнь даже столь малых мер, как я считаю, принесет свои положительные плоды. Спасибо. (*Аплодисменты.*)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Людмила Николаевна, спасибо большое.

Я смотрю, тут были реплики относительно того, почему применительно к деятельности полиции... А на самом деле (очень прошу в письменном виде...) что предложила Людмила Николаевна? Она проанализировала действующее законодательство, как в ситуациях, где без отобрания ребенка... в других законах, прежде всего там, где речь идет о каких-то преступлениях, как разрешается судьба детей, которых выявляют дознаватель, следователь, прокурор и так далее. Оказывается, есть в ряде действующих федеральных законов механизмы, где без отобрания

ребенка (то есть на минуточку подумайте)... есть альтернатива решения судьбы ребенка без вот этой тяжелой процедуры отобрания.

То есть есть ли альтернатива у отобрания? Я не случайно обратила внимание во вступительном слове, что вообще-то отобрания не было как института, а когда его ввели, то в общество вброшена идея, она сегодня сформирована, все тоже сидят и говорят: "Как можно без отобрания? Нельзя!" А как же было без отобрания? А как быть там, где без акта отобрания судьба детей решается? Ведь если в идеологии и в общественном сознании отобрание – это необходимость, значит, отобрание возможно, и, может быть, из этой идеологии проистекает то, что сегодня так много форм изъятий или фактических отобраний.

Если же все, кто применяет закон, будут знать, что нет института отобрания, нет статьи 77 (нет!)... А такие ситуации, когда нужно решить судьбу ребенка и может оказаться опасной для него семья, да, такие ситуации возможны. Как решить вопрос устройства ребенка и защиты ребенка вне института отобрания? И очень интересные альтернативы, механизмы, которые можно посмотреть и, возможно, что-то заимствовать и применить, если мы пойдем на то, чтобы отказаться от отобрания как института в семейном праве, предложила Людмила Николаевна. Это вообще основание для размышления. Я, кстати, даже что-то не обращала на это внимания, а это очень интересно. Это очень интересный ход, потому что, вполне возможно... И ведь решаются-то сегодня... Мы обратили внимание: очень многие изъятия связаны даже не с собственно юридическим отобранием. Может быть, действительно уйти от этого, и тогда отобрание (ну, не отобрание, а перемещение ребенка) будет рассматриваться как какая-то исключительная мера, которая направлена действительно на защиту ребенка. Или, может быть, не перемещение, а сохранение в семье, а родителей изолируем, как и Ольга Владимировна говорила. Давайте думать. И в неожиданных направлениях отойдем от стереотипа, который был заложен в наше время, в том числе советским законодательством.

Спасибо. Интересно. Надо думать.

Коллеги, мы начинаем дебаты. Просьба: обсуждения, дебаты – до семи минут регламент.

Я сейчас предоставляю слово судье Верховного Суда, председателю судебного состава Кликушину Александру Анатольевичу, потому что ему нужно уходить, время ограничено.

Приготовиться отцу Димитрию Смирнову.

Пожалуйста.

А.А. КЛИКУШИН

Уважаемая Елена Борисовна, спасибо за приглашение. Но я даже решил задержаться.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

А.А. КЛИКУШИН

После столь (так у нас всегда проходит) эмоционального обсуждения (тема сильно тонкая, болезненная для всех, поэтому мы каждый раз обсуждаем эмоционально), я думаю, еще на полчаса задержусь.

Уважаемые участники парламентских слушаний, коллеги! Какой я для себя сделал неутешительный вывод из уже, кстати, не первых слушаний? Я не завидую органам опеки и попечительства, вот в каких условиях они работают: изъял ребенка – тебя заключают, затаскают по судам, ты неправильно делаешь, а, не дай бог, не изъял ребенка и что-то с ним случилось – в клетку посадят и затюкают тебя. Понимаете? *(Оживление в зале. Аплодисменты.)*

РЕПЛИКА

(Говорит не в микрофон. Плохо слышно.) Хотя бы один факт...

ИЗ ЗАЛА

Да полно, не надо...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Тихо-тихо. У вас будет возможность...

С МЕСТА

Были случаи, это действительно так.

А.А. КЛИКУШИН

Вы выступите.

Понимаете, возбудят дело. Вот сколько в средствах массовой информации мы видим этой информации, что вот не изъяли, не сделали... то не так, это не так.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Тоже верно.

А.А. КЛИКУШИН

Хорошо.

Я представляю судебную систему, а судебная система (вот правоприменение, вы понимаете) консервативна, и, прежде чем что-то менять, я бы призвал коллег, участников разобраться, а как работают действующие нормы закона. Плохо что-то? Очень плохо, видимо. Ну, давайте посмотрим.

Готовясь к этим слушаниям, я подобрал судебную статистику. Итак, в 2015 году было заявлено 54 803 дела о лишении родительских прав, в 2016-м – 53 тысячи (небольшое снижение произошло), дошло до суда с вынесением решения 47 тысяч дел, с удовлетворением требований в 2015 году была рассмотрена 41 тысяча дел (ужасная цифра), и 40 890 дел – в этом году. Цифра действительно ужасная, да? 40 тысяч человек. То есть за 10 лет мы большой город, 400–500 тысяч граждан лишаем родительских прав.

Давайте откроем статью 69. А что в ней неправильно? Вот я ее открываю и смотрю... Ну что, не надо лишать родительских прав того, кто уклоняется от выполнения родительских обязанностей, в том числе при злостном уклонении от уплаты алиментов? Или наркомана не надо лишать родительских прав? Или того не надо лишать родительских прав, кто совершил умышленно преступление против жизни и здоровья своих детей? Что в этой статье неправильно? Скажите мне. Не понимаю. (*Оживление в зале.*)

Давайте дальше. Мы говорим, что что-то неправильно применяется в статье 69. Хорошо. Тогда посмотрим, а сколько дел было обжаловано этими людьми, которых 40 тысяч (почти 41 тысяча), которые были лишены родительских прав? Я вам скажу: 2500 дел было всего лишь обжаловано. Цифра – 5 процентов, ни много ни мало. А отменено и изменено и того меньше – 467 дел, то есть 1 процент.

Есть институт (сегодня еще не касались этого института) восстановления в родительских правах. Перейдем к восстановлению родительских прав. Сколько ежегодно рассматривается таких дел? Я вам скажу: 1500. И вот от этой цифры, от 40 тысяч, только 1500 человек ежегодно обращаются с заявлением о восстановлении прав. Кстати говоря, что удивительно – 76–80 процентов этих заявлений удовлетворяется, суды восстанавливают в родительских правах, если исправляются, изменяется отношение.

К предмету сегодняшнего обсуждения. Если кому-то интересно (я коснусь еще), ограничиваются в родительских правах у нас ежегодно 2978 граждан, то есть почти 3 тысячи человек.

Теперь – к статье 77. Вы знаете, готовясь к этим слушаниям, я посмотрел, сколько вообще дел... Прозвучала цифра, которую мы уже теперь знаем на слух, – 3444 ребенка было изъято из семей.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Отобрано.

А.А. КЛИКУШИН

Сколько обжаловано? Попробуйте угадать. В 2015 году 13 человек обжаловали, в 2016 году – 17. До суда дошло в 2015 году – 12, в 2016-м – 14 человек из почти 3,5 тысячи. В конце концов, удовлетворили два заявления и одно еще было обжаловано. Три. Вот вам цифры.

Коллеги, давайте подумаем над этими цифрами. Может, что-то мы не так... вообще не в том направлении размышляем? Да, наверное, что-то менять надо, я с вами согласен, и в первую очередь это, кстати говоря, нужно и родителям, и детям, и органам опеки и попечительства. Потому что если вернуться к статье 77, то регламентация там настолько размытая и непонятная, что действительно, как правоприменителю, мне не понятно, в каких случаях можно изымать ребенка, в каких случаях нельзя изымать ребенка. Я не буду предлагать, что нужно изменить, но те вопросы, которые некоторые уже озвучили, я повторю. Действительно, какими критериями необходимо руководствоваться для определения того, имеется ли непосредственная угроза жизни и здоровью или не имеется? Где эти критерии? Как-то их надо прописать, чтобы было понятно, защитить всех, и детей в первую очередь, и семью, и органы опеки, которые этим занимаются, если оставлять ее в той редакции, если не отменять, а корректировать эту норму.

Еще один вопрос, который тоже, Елена Борисовна, Вы обозначали: что вперед – административный акт об изъятии? То есть вот я обнаружил ребенка, орган опеки и попечительства, я понимаю так, вижу, что, да, действительно он тут умирает, ну что, пошел к главе администрации, подписывал, он умер. Или забрать его? Что делать-то? Милиционер приходит, там непонятно что – пьянка, гулянка, все пьяные спят, дом замороженный, дети, извините меня, в фекалиях, как мы с вами видели по телевизору. И что делать-то? Не забирать? Идти за актом, пойти за актом, получить... Ну, конечно, заберет, да любой нормальный человек заберет. Хотя из текста статьи 77 вытекает обратное – вытекает, что сначала надо получить акт, а потом только прийти и фактически физически его изъять.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, только так.

А.А. КЛИКУШИН

Ведь так? Но это же неправильно. Должен быть какой-то другой подход к этому вопросу. Должна быть законная возможность в этом случае изъять ребенка из такой ситуации.

Мне уже говорят, что одна минута осталась. Я заканчиваю.

Еще один вопрос, который касается статьи 77, изъятия. Ведь здесь в принципе эти вопросы отнесены к ведению регионов. И в каждом регионе по-своему решается вопрос по процедуре изъятия: где-то в один день должны вынести этот административный акт об изъятии,

где-то это делается на уровне областей, где-то это делается на уровне муниципалитетов. Совершенно непонятно, очень сложно разобраться в этом вопросе.

Еще один вопрос – изъятие. Порядка 700 детей из них было возвращено. А ведь законодателем нигде в статье 77 не сказано, что можно вернуть детей (ну, мало ли ситуация какая).

И на что еще хотел обратить внимание? У нас нет правовой регламентации тоже в вопросе, изымается он навсегда или временно. Кстати говоря, само слово "отобрание" (я не знаю, как, коллеги, вам) даже ухо режет, ей-богу.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Конечно, конечно.

А.А. КЛИКУШИН

Может быть, "изъятие", может быть, какое-то другое слово, в конце концов, а то пришли и отобрали. Уже само слово...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Перемещение, передача...

А.А. КЛИКУШИН

"Перемещение", может быть, да. Само слово уже неприятное.

ИЗ ЗАЛА

Временное...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Временное, да.

А.А. КЛИКУШИН

Да.

Ну и последнее (я заканчиваю свое выступление), что хотел сказать. Туманова Лидия Владимировна еще хотела выступить, я знаю, по одному вопросу. Понимаете, Гражданский процессуальный кодекс не совсем к нашему вопросу, но он касается и нашего вопроса. Он вообще обслуживает, регулирует, регламентирует вопросы применения гражданского законодательства, то есть обслуживает Гражданский кодекс. А в Семейном кодексе масса вопросов, которые, ну, невозможно урегулировать через наше процессуальное законодательство. Должны быть какие-то специфические особенности для рассмотрения этих категорий дел (я уж не буду говорить), в том числе и об изъятии детей, может быть, и об установлении отцовства, лишении и прочее, и прочее.

Спасибо. Всё. (*Аплодисменты.*)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо. Александр Анатольевич, абсолютно согласна с тем, что должны быть особенности рассмотрения дел, вытекающих из семейных отношений, тем более связанных с детьми.

И Вы знаете, что бы интересно было? Вот я не нашла в ваших статистических показателях статотчетности, которые судебный департамент представляет, а кто обращается с исками об ограничении и лишении родительских прав. А у нас идет информация с мест, что сейчас увеличилось число обращений с исками не от органов опеки, что интересно, а от тех учреждений, где временно находятся дети, – от центров реабилитации, от детских приютов, от детских домов и так далее. Ведь это же тоже очень опасная тенденция, потому что на самом деле все-таки первичным должен быть орган опеки и попечительства применительно к искам. Но у нас сегодня круг тех, кто может обращаться с исками, велик. А если, извините, в центре находится ребенок, а от этого зависят штатная численность по итогам года и бюджет... Ну, ведь может работать этот маленький момент. Может где-то и не работать, но где-то может работать. Мы не можем это исключать. И опыт показывает, что, к сожалению, это может быть.

Поэтому обратите внимание, может быть, включить такой показатель тоже.

С МЕСТА

Есть такой показатель у вас.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Нет, его нет.

Спасибо.

Отец Дмитрий Смирнов, председатель Патриаршей комиссии по вопросам семьи, защиты материнства и детства. Тема – "Неотложные меры по защите семьи в российском законодательстве".

Приготовиться Жгутовой.

Пожалуйста.

Д. СМИРНОВ

Дорогие Елена Борисовна и все высокое собрание! Мы уже не первый раз собираемся, чтобы обсудить очень важную тему – как нам изменить законодательство нашей страны, чтобы по-настоящему защитить семью. И, с одной стороны, очень радует, что этой теме теперь уделяется такое внимание, а с другой стороны – огорчает, ведь в обсуждениях проходит столько времени, а многие срочные и необходимые вещи не делаются. И вся эта ситуация вызывает такое

двойственное чувство. С одной стороны, это прекрасно. И хочу особенно поблагодарить Елену Борисовну за то, что она все время отстаивала в истории защиты семьи... и выступала против той нормы – по поводу шлепков. И реализовалась наконец победа, что эта норма была отменена, хотя она, совершенно очевидно, была абсурдна.

И вот этот образ – шаг назад, шаг вперед, три шага назад, шаг вперед – очень хорошо показывает, что происходит у нас с темой защиты семьи. Есть срочные жизненно важные шаги, которые надо сделать. И церковь, и грамотные общественные организации, и эксперты об этих шагах говорят уже не первый год и с государством, с законодателем. И такое впечатление, что это все не очень слышится.

В 2013 году Архиерейским собором Русской православной церкви была выражена конкретная позиция, на которую я хочу обратить ваше внимание, особенно политиков и общественников, которые о себе говорят как о православных. Церковь утверждает, что государство не имеет права на вмешательство в семейную жизнь, кроме случаев, когда существует доказанная опасность для жизни, здоровья и нравственного состояния ребенка и когда эту опасность нельзя устранить через помощь родителям или через метод убеждения.

При этом действия государственных органов должны быть основаны на четких и однозначных критериях. Такая ремарочка на полях: это везде действует, кроме Германии. В Германии действуют законы, которые были приняты в Третьем рейхе, и каждый родившийся ребенок является собственностью государства, но никак не родителей, поэтому там и происходят, на наш взгляд, совершенно чудовищные вещи, что приводит к тому, что уже не одна немецкая семья стремится вернуться в Россию, после того как 20 лет назад они уехали в Германию.

Именно родители должны определять методы и формы воспитания детей в границах, очерченных необходимостью обеспечения жизни, здоровья, нравственного состояния. Это является богом предначертанным правом и обязанностью родителей. "Недопустимо, чтобы вмешательство государства в жизнь отдельных семей, которое видится оправданным лишь в исключительных ситуациях, приводило к подрыву института семьи прямым государственным или поощряемым государством общественным регулированием семейных процессов, к ограничению стремления родителей воспитывать детей в традиционных культурных, религиозных, социальных или иных ценностях" – это цитата из постановления Архиерейского собора, которое для всех православных должно быть обязательным. Здесь важно каждое слово, и я хочу на это обратить ваше пристальное внимание, чтобы позиция церкви была учтена в том, что делается и, возможно, будет делаться дальше, потому что церковь – крупнейшая общественная организация в нашей

стране. Нас более 100 миллионов человек. Ни одна организация не может сравниться по тому, что мы традиционные здесь, тысячу лет существуем и так далее.

Есть четкий порог в ситуациях, когда существует явная серьезная непосредственная и, еще раз подчеркну, доказанная угроза жизни ребенка, его здоровью и нравственности. Не опасения, что что-то может произойти потом, не какие-то эфемерные риски, а доказанный и ясный факт. Этот факт, как заявляет Архиерейский собор, должен устанавливаться не на основании каких-то расплывчатых идей, субъективных оценок специалистов, а на основании четких и однозначных правовых критериев. От имени всей церкви Архиерейский собор говорит предельно ясно: до этого момента государство попросту не имеет права ни на какое принудительное вмешательство в жизнь семьи. Не просто вмешательство нежелательно, а у государства, по учению церкви, нет в этой ситуации такого права. И ведь речь идет не только об изъятии ребенка, а речь идет о любом насильственном и ненасильственном вмешательстве. Это однозначная позиция церкви, и любой православный, любой уважающий культуру нашего народа человек призван ее учитывать и из нее исходить. Это позиция не только религиозная, она имеет и надежные правовые и социальные основания. Это, по нашему убеждению, единственная здравая позиция.

Президент России поручил сейчас разобраться с незаконными изъятиями детей у родителей. Единственный путь к решению этой проблемы – это приведение законов и практики в соответствие с этим единственно здравым принципом. Патриаршая комиссия на этом здоровом основании последовательно работает уже много лет. Наши эксперты давно разработали целую систему мер, необходимых изменений в законы и практику, чтобы это реализовать. К сожалению, ряд организаций и так называемых экспертов, среди которых, к глубокому стыду и огорчению, есть и люди, называющие себя христианами, вместо того чтобы делать здравые шаги, предлагает зафиксировать алгоритмы вмешательства в семьи и отобрания детей. Среди них Елена Альшанская, Людмила Петрановская, Александр Спивак и возглавляемый им Национальный фонд защиты детей от жестокого обращения. Изначально этот фонд вообще существовал на американские денежки, а теперь перешел на русские гранты. Можно их, конечно, поздравить, но, к сожалению, с точки зрения патриаршей комиссии, это деструктивная деятельность. Вместо того чтобы сделать единственный обоснованный шаг – устранить беззаконие и четко сузить рамки допустимого вмешательства в семью, они предлагают алгоритмы и подходы, фактически расширяющие вмешательство в семейную жизнь до уровня совершенно беспредельного. По этим предложениям полномочия госорганов в отношении семьи не сужаются, а становятся шире по

сравнению с нынешним законом и нынешней практикой. В результате семья станет объектом всепроницающего контроля и якобы мягких форм вмешательства. Допускать это категорически нельзя.

В начале этих алгоритмов – правильные слова: об уважении к достоинству родителей, о презумпции их добросовестности... А следом за этим предлагается технология тотального контроля и доносительства на семьи.

Далее предлагаются конкретные предложения по поводу того, как можно изменить законодательство.

Елена Борисовна, позвольте Вам эти тексты передать.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, отец Димитрий. Спасибо за то, что уложились в регламент. *(Аплодисменты.)*

Слово предоставляется Жгутовой Элине Юрьевне, руководителю информационно-правозащитного центра "Иван Чай", члену Общественного совета при Уполномоченном при Президенте Российской Федерации по правам ребенка.

Приготовиться Агапитовой Светлане Юрьевне.

Пожалуйста.

Э.Ю. ЖГУТОВА

Добрый день! Сейчас выступлю чуть-чуть я, потом мы посмотрим документальный ролик на три-четыре минуты, потом выступит наш адвокат, руководитель нашего экспертного юридического центра, а затем посмотрим мультфильм, который мы создали (он тоже на три-четыре минуты) в 2015 году, но актуальность свою он не только не потерял, но, я считаю, даже приобрел.

Итак, существует на самом деле (вот сейчас мы говорили) три вида преступного изъятия ребенка. Первый вид, который занимает всего-навсего 5–10 процентов, – это статья 77 Семейного кодекса с ее нарушением.

Сейчас говорят о том, что у нас не понятно, какие статьи Семейного кодекса так плохи, что не понятно, что менять, но дело в том, что все, что делается по закону, конечно, и не оспаривается, и слава богу. Было бы странно, если бы оспаривалось 50 и выше процентов дел. Это говорит о том, что система судов у нас работает без особого брака, а граждане наши не сутяжны по своей сути, вот и всё. То есть я, делая ремарку на выступление представителя Верховного Суда, просто поясню, почему, собственно говоря, у нас такой процент обжалований этих решений и почему статья 69, о которой говорят, – лишение... Все правильно, только мы говорим не об этом.

Самое интересное, что, сколько мы ни говорим с этих трибун, так и нет понимания ни у уполномоченных по правам ребенка в регионах, которые сейчас отчитываются по статье 77, которая, извините, занимает 10 процентов нарушений, и то если это внутри нарушения, внутри порядка нарушения статьи 77... Вот сегодня адвокат расскажет, как внутри статьи 77 происходит нарушение. Извините, если ребенка отобрали по статье 77 и там все правильно, и это всего 10 процентов случаев, зачем вообще рот-то открывать по этому поводу? Это вообще не о том. Речь идет о том, что идет нарушение – изъятие детей по актам МВД.

Кстати говоря, еще о статье 77. Есть эксперт Общественной палаты (Юлия Константиновна его, наверное, знает, но мы его, к сожалению, не смогли найти через Общественную палату) Хохлов. Так вот он, выступая у вас на совещании, допустим, в Общественной палате, сказал о том, что статья 77 просто по своему определению противоречит Конвенции о правах ребенка, которая является международным документом, а у нас по статье 15 Конституции, как всем известно и много кому неприятно, международное право в этом случае превалирует над нашим. В данном случае даже мы, апеллируя к этому, можем говорить, что статья 77 вообще не должна участвовать в нашем законодательстве (вообще никак), в нашей правоприменительной практике. То есть он говорил о том, что ее нужно исключить.

Итак, акты МВД. О них много будет сказано, я думаю, будут примеры. Я могу привести только один такой пример: у нас из одной квартиры двух братьев Коробовых... в одно и то же время при одних и тех же обстоятельствах одного изъяли по акту безнадзорности, второго – по акту беспризорности. Вот так у нас... вообще нет никаких различий. Поэтому мы понимаем, с какими вниманием и ответственностью относятся сотрудники МВД.

Теперь третий способ, одни из многих, – это так называемое добровольно-принудительное помещение ребенка в приют по заявлению родителей. То есть что происходит? Сейчас мы посмотрим в ролике, как происходит это добровольное помещение ребенка в соцучреждение. *(Идет демонстрация видеоролика.)*

Это реальная история изъятия пятерых детей у матери, которая живет на 18 метрах с мужем. У нее сейчас шестеро детей. Жилищные условия, я думаю, все те же. Вот в качестве помощи могут забрать, и причем обмануть. Зачем, спрашивается, это делается? Зачем это делается, будет понятно после просмотра мультфильма, как происходит... вообще зачем все это сделано.

А я еще хочу остановиться... Вот было дано поручение Президента по поводу объективной оценки избыточности мер, применяемых при отобрании, изъятии, перемещении и так

далее детей из семьи. И вот теперь все ведомства, которым было поручено, готовят отчеты. Что мы видим?

Во-первых, те ведомства, которые (как у нас первое лицо любит говорить "наши партнеры", вот я тоже говорю "наши партнеры") готовили всю эту систему все эти 20 лет (кто-то поменьше, кто-то побольше), теперь готовят следующие отчеты. Они говорят: "Вам не нравятся органы опеки? Они вам кажутся злыми или у них мало времени на решение? Давайте увеличим армию этих людей, накормим их, обучим, построим им дворцы и замки, и тогда будет город-сад, тогда у нас будут рай, мир, любовь, они будут прекрасно следить за нашими детьми и уж тогда никаких нарушений не будет".

Например (по-моему, отец Димитрий имел это в виду), я вчера была на обсуждении регламента (это была московская общественная палата) изъятия детей в случае непосредственной угрозы жизни или здоровью, или жестокого обращения. Дальше идет расшифровка, что в социально опасном положении... Там много чего говорилось странного, вообще говоря. Это не шутка, то есть он обсуждается просто в пику существующему законодательству. Когда я обратила внимание, когда дело дошло до того, что они говорят... Вот ровно та ситуация, когда я нахожусь в этом приюте и говорю: "Родители не лишены родительских прав, не ограничены в родительских правах и против того, чтобы дети находились в госучреждении. Ну, по сути, это, извините, захват". Вот если это можно было бы трактовать, то правильнее это было бы трактовать как похищение. В этом случае мне говорят, что теперь регламентом будет установлен консилиум (он сейчас есть, не понятно, насколько он легитимен, как он существует), что этот консилиум будет решать в тот момент, отдавать ребенка родителям или нет. Если сейчас мне удалось (семь часов я просидела в этом соцучреждении) этих пятерых детей забрать путем уговоров, переговоров, убеждений, угроз (чего только не было), то теперь они говорят, что все хорошо, так и должно быть, что распоряжение опеки... Ссылаются, кстати, на статью 64 Семейного кодекса, где написано, что если у родителей с детьми есть разногласия, то органы опеки вправе назначить другого законного представителя. Как, что?.. То есть в тот же момент распоряжением... Но все равно это не так, это все равно подлог, это фальсификация.

Я просто хочу рассказать, как сейчас идет борьба с этими преступными изъятиями. Вот так она и идет, то есть увеличить бюджет на сопровождение, чтобы у нас каждую семью сопровождали: "Нет, не будем отбирать, но мы будем приходить к вам каждый день". Психологи, педагоги и так далее – никто не хочет терять свой доход. В общем-то, и всё.

Сейчас еще адвокат расскажет по статье 77, раз она так интересна в плане ее применения, но, еще раз говорю, это 5–10 процентов. И то внутри нее еще нам удалось создать прецедент и получить решение суда о неправомерности отобрания. Но при этом опека должна была забрать свой иск об ограничении родительских прав. Ну, это уже расскажет адвокат, а потом будет ролик. Спасибо. (*Аплодисменты.*)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Кто адвокат? Вы, да? Надежда Александровна, только очень большая просьба...

Затем – Светлана Юрьевна.

Пожалуйста.

Н.А. ГОЛЬЦОВА

Я буквально кратко хотела бы сказать о том, что действительно отобраний по статье 77 мы встречаем не так много. И надо сказать, что ни один из тех актов об отобрании, которые мне довелось видеть, не соответствует тем требованиям, которые предъявляет статья 77. Дело в том, что согласно смыслу этой статьи предполагается она к применению в том случае, когда орган опеки не может не отреагировать на ситуацию, возникшую здесь и сейчас. Именно поэтому речь идет о немедленном отобрании. Но при этом решение об отобрании принимает не сам орган опеки и попечительства, а орган местного самоуправления либо исполнительный орган субъекта Российской Федерации. Вся эта процедура предполагает наличие некоего определенного совершенно времени на оформление документов.

Как правило, по факту происходит абсолютно другая ситуация: орган опеки и попечительства сначала изымает ребенка, помещает его куда-либо, а уже потом появляется тот самый распорядительный акт органа местного самоуправления или субъекта Федерации, утверждающий отобрание ребенка непосредственно у семьи. Но дело в том, что ребенок на момент издания того самого акта, на основании которого по статье 77 должен действовать орган опеки и попечительства, не находится в семье, он находится либо в том центре, куда был помещен по решению органа опеки и попечительства, либо в какой-либо медицинской организации.

И поэтому я должна сказать, что обоснованным вообще в принципе наличие в наших правовых реалиях статьи 77 признать достаточно сложно, не говоря уже о той обтекаемой формулировке риска угрозы жизни и здоровью, с которой мы все время сталкиваемся, о которую спотыкаемся.

Должна сказать про тот случай, который упомянула Элина Юрьевна. Мы столкнулись с тем, что отсутствие четких критериев восполняется толкованием того самого понятия риска

угрозы жизни и здоровью ребенка, которое дается не государственным органом, а общественной организацией, то есть тем самым Национальным фондом защиты детей от жестокого обращения. Сама эта форма присутствует в разных субъектах Федерации. Так, мы сталкивались с этой формой в Алтайском крае, в Тверской области. Форма называется оценкой риска жестокого обращения с ребенком либо риска нахождения ребенка в семье в принципе. И эта форма, надо сказать, презюмирует риск нахождения детей в семье. На самые простые вопросы, которые есть в этой форме... Например, если органы опеки и попечительства на вопрос о возрасте ребенка отвечают, что в семье есть дети от нуля до трех лет, то автоматически ставится два балла. Если же таких детей двое, то это дает семье еще дополнительные два балла. При подсчете баллов определяется степень риска нахождения ребенка в семье.

Так вот, к моему удивлению и любого здравомыслящего человека низкий уровень риска семьи набирает семья, которая по совокупности набирает пять и менее баллов. То есть наличие в семье двух детей в возрасте менее трех лет – это уже четыре балла, и, в общем-то, это говорит о том, что семья и дети в ней находятся в ситуации риска.

Вот, собственно говоря, если кратко, то, о чем мне хотелось сказать.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

Я читала тоже эти стенограммы из судебных процессов, в частности Алтайский край, Бийский район... Это, конечно, что-то запредельное по вот этим баллам по шкале. Конечно, очень формальная процедура. Спасибо.

Слово предоставляется Агапитовой Светлане Юрьевне, уполномоченному по правам ребенка в городе Санкт-Петербурге, члену Координационного совета при Президенте по реализации Национальной стратегии действий в интересах детей.

Приготовится Цыганову Андрею Борисовичу.

С.Ю. АГАПИТОВА

Я бы хотела представить вам для обсуждения несколько тезисов. Это конкретные предложения. Конечно, мы не пошли так далеко, чтобы отменять сразу статью 77, но тем не менее подумали о том, что же можно сделать. И, кстати, наша рабочая группа отчитывается не только по отобранию по статье 77, но и вообще по всей статистике, которая связана с отобранием детей. Поэтому если вы не знаете, то не надо говорить.

И для начала – констатация факта. Существующее семейное законодательство предоставляет органам опеки и попечительства и правоохранительным органам весьма широкие

полномочия по отобранию ребенка из семьи, и эти полномочия отражены в соответствующих статьях, которые мы сегодня уже называли (статьи 77, 121, 122 и так далее).

Уже несколько лет, и в рабочей группе Елены Борисовны в том числе, обсуждается вопрос о том, что отобрание по статье 77 может быть только по утверждению суда. Мы еще добавили сейчас предварительное судебное определение: если, например, работа с семьей ведется уже достаточно долго, никакие меры не помогают, то органы опеки вправе обратиться в суд и тогда отобрание ребенка будет только по судебному решению. То же самое касается и 24 часов после отобрания ребенка, чтобы органы опеки сразу предоставляли все необходимые материалы в суд для того, чтобы это решение было затверждено.

При этом наша рабочая группа предлагает (у нас по Петербургу по статье 77 было 22 случая отобрания, конечно, по актам полиции – гораздо больше), чтобы в таких судах участвовал уполномоченный по правам ребенка тогда, когда идет речь о лишении родительских прав. Отобрание детей необходимо осуществлять лишь в случаях, если есть достаточные основания для лишения либо ограничения в родительских правах, о чем сегодня тоже уже говорилось.

Поэтому решение суда об отстранении или последующее согласие суда на изъятие должно выноситься как определение при одновременном возбуждении производства по лишению либо ограничению в родительских правах. При этом суд по заявлению родителей должен иметь возможность вынести определение о возврате детей, если будет установлено, что основания, послужившие причиной отобрания, отпали.

Также мы предлагаем сократить срок до 10 дней апелляционного обжалования решения о лишении родительских прав, если ребенок находится в учреждении, а также установить минимальный срок (тоже до 10 дней) для подготовки судами мотивированного заключения, мотивированного решения в случае, если на момент вынесения решения суда ребенок находится в учреждении. Потому что, к сожалению, мы столкнулись с очень большой проблемой, когда суды затягиваются (решение), потом в дальнейшем очень долго изготавливается заключение, ребенок у нас в это время находится без статуса, то есть как бы между небом и землей. То есть необходимо закрепить в Семейном кодексе обязанность органов опеки и попечительства при наличии оснований выходить в суд с иском о лишении либо ограничении родительских прав родителей несовершеннолетнего, в отношении которого установлено отсутствие родительского попечения.

Необходимо законодательно установить обязанность сотрудников органов опеки и иных должностных лиц не препятствовать родителям в осуществлении их родительских прав в случае выявления и устройства ребенка в порядке, предусмотренном статьей 122 Семейного кодекса, а

также обязанность немедленно передать ребенка, выявленного органами опеки в соответствии со статьей 122 Семейного кодекса, родителям (одному из них) или по их инициативе.

Особое беспокойство вызывает правовой пробел, заключающийся в отсутствии законодательного регулирования порядка действий сотрудников правоохранительных органов при выявлении детей. И поэтому (мы предлагаем) необходимо ввести такую поправку, как необходимость установления обязанности сотрудников правоохранительных органов, выявивших ребенка, оставшегося без попечения, в течение восьми часов передать данного ребенка органам опеки. Почему восемь часов? Потому что, к сожалению, органы опеки не работают круглосуточно, и также выявление ребенка может быть в выходной день. Поэтому все-таки какое-то время, но обязательно это должно быть.

Также необходимо ограничить круг лиц, которые вправе обращаться в суд с иском о лишении либо ограничении родительских прав. Сегодня тоже об этом говорилось.

При внесении изменений в семейное законодательство категорически неверно исходить из того, что органы опеки являются врагами семьи. Изменения должны быть направлены лишь на предотвращение возможных перегибов и устранение существующих пробелов, а не на борьбу с органами опеки.

И в настоящее время далеко не всегда причины для отобрания детей обоснованны. Вместе с тем процент необоснованных действий органов опеки при отобрании детей не очень велик. Но в любом случае необходимо законодательно закрепить превентивный и последующий судебный контроль за действиями органов опеки при отобрании детей.

Также мы постоянно говорим о том, что должны быть некие критерии. И наша рабочая группа, в которую входит достаточно много общественных организаций, работающих в сфере семьи и детства, известных на всероссийском уровне, попыталась предложить некие критерии, которые могли бы охарактеризовать реальную угрозу жизни и здоровью ребенка. Вот эти критерии. Это физическое и психическое состояние ребенка, а также его внешний вид. То есть понятно, что отдельно один из этих критериев не может работать, это совокупность критериев. Соответственно, сексуальное и физическое насилие со всеми критериями. Оставление ребенка без присмотра, создающее угрозу для его жизни и здоровья. Это касается, естественно, детей раннего, дошкольного возраста, грудных детей, это касается детей-инвалидов, это касается детей, которые проживают с родителями, имеющими психические расстройства, лишенными родительских прав, и так далее.

Дальше – антисанитарные жилищно-бытовые условия жизни ребенка. По нашему опыту получается, это и грибок, и плесень, и пожароопасность, неисправность газового и электрического оборудования.

Дальше – что касается родителей. То есть внешний вид родителей, их поведение, отсутствие обеспечения физиологических потребностей, отношения между ребенком и родителями, которые тоже можно выяснить. И самый такой критерий, который не нуждается в расшифровке, я о нем уже упоминала, – это отсутствие положительных результатов профилактической работы с семьей.

Сейчас эти критерии мы обсуждаем с исполнительными органами Санкт-Петербурга, и, вполне возможно, они будут добавлены к тем формам, которые существуют сейчас по акту обследования жилищно-бытовых условий, с соответствующим обучением и повышением квалификации сотрудников органов опеки. Спасибо. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Светлана Юрьевна, спасибо.

Сразу хотела бы прокомментировать. Мы в рабочей группе категорически отказались от судебного порядка отобрания, потому что это будет чистая ювеналка. Почему сегодня и вынесли на ваше обсуждение – сохранять ли институт отобрания вообще? Потому что отобрание – это фактически лишение родительских прав, а может быть, этого и делать не надо. Моя личная позиция: если статью 77 и оставлять, то не как отобрание, а как устройство ребенка. То есть невозможно за 24 часа, и даже 48 часов, ни суду, ни органам опеки, ни каким-то выдающимся экспертам определить, как быть с родителями.

Поэтому предоставляю слово Цыганову Андрею Борисовичу, члену президиума Координационного совета патриотических сил Санкт-Петербурга и Ленинградской области.

Приготовиться Альшанской.

Пожалуйста.

А.Б. ЦЫГАНОВ

Спасибо большое, Елена Борисовна.

Уважаемые участники собрания! Надо понимать, что сама возможность ювенальных судов, о которых говорила предыдущий оратор, а также изъятие детей, что мы сейчас обсуждаем, – это все элементы холодной войны. Вопреки мнению либералов-рыночников не существует никаких универсальных общечеловеческих ценностей, потому что у каждой цивилизации они свои.

И рассматриваемые нами нормы (и статья 77, и закон № 120) – это все инструмент переформатирования нашего общества на западный манер.

В западной культуре, сформированной протестантским капиталистическим духом, о котором писал Макс Вебер, главной ценностью является индивид, его права и свободы. Отсюда гипертрофированная забота о правах ребенка, их приоритет перед правами родителей, которые и есть основание ювенальной юстиции. А вот русское, так же как и советское, общество, строилось на совсем других религиозных и философских началах. Ячейкой нашего общества является не индивид, а семья. Именно в семье происходит воспитание личности, семья же является и моделью всего нашего общества. А разрушение института семьи имеет критическое значение для самого существования нашей страны, что очень хорошо понимают наши так называемые партнеры. Недаром пункт 43 Стратегии национальной безопасности, утвержденной указом Президента 31 декабря 2015 года, относит покушение на традиционные духовно-нравственные ценности к числу основных угроз государственной безопасности.

Надо понимать, что на все эти ювенальные механизмы, о которых мы здесь говорим, Запад потратил очень большие деньги, вкладывал в их внедрение. В частности, наша аналитическая группа подготовила справку, которую я сейчас передам Елене Борисовне и которую мы уже передали в Администрацию Президента, более чем по 30 НКО, которые разрабатывали всевозможные регламенты, в том числе отражающие те самые критерии, про которые говорила сейчас уважаемая Светлана Юрьевна.

Просто несколько примеров... Организация "Врачи детям" (это филиал американской организации, изначально американская организация), как показало расследование общественного уполномоченного по защите семьи в Петербурге, получила больше 300 миллионов (в пересчете на рубли) за несколько лет от западных фондов. Средства шли на внедрение западных методик секспросвета, толерантности к наркоупотреблению и секс-меньшинствам, а также на разработку нормативных документов. В частности, регламент межведомственного взаимодействия системы профилактики, органов профилактики, по которому работает наша система профилактики в Петербурге, практически идентичен документам и методичкам вот этой самой замечательной НКО.

Есть еще, например, такая НКО, как Информационное бюро Совета Министров Северных стран. С участием наших экспертов оно в прошлом году было признано иностранным агентом, вот его бюджет больше 1 миллиарда в год, в том числе на внедрение этих ювенальных технологий. И вот после признания этой организации иностранным агентом, несмотря на это признание, сотрудники этой организации плавно перекочевали в чиновничьи кресла и сейчас, например,

возглавляют комиссию по гендеру в Комитете по социальной политике администрации Петербурга.

Есть еще такие "замечательные" организации, как фонд "Анна", который финансировался тоже Западом много лет и снабжал Государственную Думу и Совет Федерации заведомо ложной статистикой насчет того, что больше 80 процентов преступлений совершается в семье. В результате мы и получаем такие законы о шлепках, которые потом приходится со скандалом отменять.

К сожалению, эти энкаошки очень сильно проникли и в наши органы власти и научились "присасываться" (вот паразиты, о которых говорила Елена Борисовна) к нашему, российскому, бюджету. В частности, может быть, это происходит как результат какого-то непонимания, но очень хорошо нужно понимать, что эта западная идеология имеет совершенно другие основания, нежели наша идеология.

Например, фонд поддержки детей, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, о котором здесь говорил отец Димитрий, является той организацией, которая внедряет детский телефон доверия, которая пропагандирует технологии разрушения семьи, например, социальную рекламу вроде плакатов "Мама, я тебя боюсь".

С МЕСТА

Коллеги, это некорректно. Давайте не будем этого делать. *(Оживление в зале.)*

А.Б. ЦЫГАНОВ

Эта организация является партнером некоей энкаошки – Национального фонда защиты детей от жестокого обращения, который уже является официальным партнером ЮНИСЕФ и Агентства США по международному развитию, которые были изгнаны из России в 2013 году, но в своих отчетах прямо заявляют, что национальный фонд проводит в России их политику.

В августе этого года у Председателя Совета Федерации Валентины Ивановны Матвиенко было очень хорошее предложение. Она пообещала закрепить в Регламенте Совета Федерации экспертизу законов, всех законопроектов на предмет их соответствия российским историческим и национальным ценностям. Это, на мой взгляд, очень хорошее, здоровое предложение, его нужно реализовывать. И все семейное законодательство нужно рассматривать именно под этим прицелом в контексте Стратегии национальной безопасности. Спасибо. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Андрей Борисович, спасибо за выступление. Но все-таки вот такие некорректные высказывания, как "энкаошки", не надо употреблять.

ИЗ ЗАЛА

Они разные.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, они разные, и очень много позитивных. Давайте корректно... Это все-таки парламентские слушания. Спасибо.

Слово предоставляется Альшанской Елене Леонидовне, президенту благотворительного фонда "Волонтеры в помощь детям-сиротам".

Приготовиться Коргоже Эдуарду Михайловичу.

Пожалуйста.

Е.Л. АЛЬШАНСКАЯ

Мне очень жаль, что ушел отец Димитрий Смирнов, потому что на самом деле здесь прозвучала абсолютно очевидная клевета в адрес нашего фонда. Была упомянута моя фамилия. Мне вообще кажется, что это абсолютно некорректная ситуация, когда люди, которые собираются на слушания, берут и пофамильно друг друга обвиняют. Эта ситуация вне каких-то рамок этики. Я хотела бы внести предложение (я думаю, что в Совете Федерации стопроцентно есть этический комитет) рассмотреть, вообще насколько этично и возможно так себя вести в процессе слушаний.

По поводу... Нас назвали как-то (я себе даже попыталась написать)... деструктивными силами. Так вот, по поводу деструктивных сил. Прежде чем я скажу что-то об отобрании, я считаю абсолютно необходимым в этой ситуации клеветы ответить. Наша организация, которая существует как волонтерская с 2004 года, а как фонд – с 2007 года, за эти годы помогла более 500 семьям кровным остаться со своими детьми. Мы, в общем-то, первые, одни из первых, начали говорить слово "профилактика" и работать с кровной семьей вместо семейного устройства, когда об этом молчали все – и в Госдуме, и в Совете Федерации – и когда под словами "профилактика социального сиротства" предполагали именно семейной устройством, и здесь об этом говорили только так. Мы были одной из первых организаций в России, которая начала говорить вообще о необходимости помощи кровной семье и делать это руками.

Сегодня мы работаем с кровной семьей. Я хочу сказать: в Москве, где очень много организаций, которые об этом говорят, реальных рабочих рук очень мало. И к нам идет такое количество обращений по ситуациям отобрания, по ситуациям потенциального отказа, которые мы физически не можем обработать, потому что говорящих много, а работающих мало, к сожалению. И защита семьи происходит не с помощью лозунгов на телевидении, в публичных выступлениях, а в конкретных случаях, когда конкретная семья обращается за помощью, не может

найти ни бесплатного адвоката, ни бесплатного психолога, ни помощи в том, что ей негде жить и она находится вне какой-то поддержки, вне социального жилья. И все эти чудесные, громкие слова произносятся, но этой реальной помощи на земле и на местах мы практически не видим. Нам с большим трудом удастся найти каких-либо коллег, которых мы можем перенаправить в семьи, с которыми мы не справляемся, например, в регионах, когда к нам идут обращения из регионов, а мы там не работаем, мы работаем только в Москве и Московской области.

Так вот, я хочу сказать, что вот эта ситуация, которая происходит не первый раз и не первый день, когда основная идея – не в том, что нам изменить и что нам делать, а в том, кого бы нам обвинить, где бы нам найти врага и виноватого и как бы нам этого врага вынести на всеобщее обсуждение, она абсолютно необъективная, абсолютно не приводит ни к какому положительному эффекту, ни к каким изменениям в этой ситуации.

Теперь к тому, о чем мы говорим. Я, во-первых, передам свои документы Вере. У нас есть анализ практики изъятия, который мы делали сами, так как мы тоже работаем с теми случаями, когда к нам обращаются семьи, у которых дети были отобраны фактически. Я присоединяюсь к тому, о чем здесь говорилось, – что из этих семей в реальности отобраны по статье 77... наверное, был всего лишь один случай. То есть все остальные случаи существуют в основном по полицейскому акту о безнадзорности либо путем уговаривания семьи о написании того самого заявления о добровольном помещении в приют. Мне больше всего понравилось, что об этом много раз упоминали. Но в основном в качестве меры изменения прозвучало что? Предложить полиции заниматься отобранием детей, полиции, которая сейчас основную массу детей и так отбирает, отбирает на глазок, отбирает на широких основаниях, отбирает... Что такое полиция? Это люди, которые работают с правонарушениями, которые смотрят на возможное предотвращение правонарушения. Это значит, что у них (при всем уважении, я никого не хочу обидеть) взгляд абсолютно как бы профдеформирован с точки зрения возможных угроз. Если вы хотите, чтобы больше отбирали детей из семьи, пожалуйста, поручите это делать исключительно полицейским, уберите оттуда все социальные службы, и пусть они смотрят на ситуацию с точки зрения угроз возможного совершения преступления. И я вам гарантирую, это просто легитимирует ту ситуацию, которая у нас есть на сегодня. У нас 80 процентов отобраний так и происходит – по акту безнадзорности и беспризорности. Давайте действительно это легитимируем, пусть оно так и будет. Кому от этого будет лучше и удобнее? Вопрос к вам. Когда мы говорим с полицией, мы прекрасно понимаем, что они не в состоянии увидеть ничего, кроме угрозы возможного правонарушения. Они не психологи, они не могут определить: этот синяк – это насилие или

ребенок упал, правду ли говорят родители, правду ли говорит ребенок, если он говорит одно, а родители говорят другое. Поэтому, конечно, на всякий случай всегда они будут предотвращать и перемещать возможную жертву преступления в безопасное место.

У меня вопрос: что вы будете делать с этим дальше? На самом деле основная проблема на сегодня со всей этой ситуацией связана с тем, что у нас не хватает простой базовой помощи семьям, чтобы они не доходили до этих кризисных ситуаций. Но про это мы молчим. Мы молчим про то, что на самом деле у нас тотальная безработица в регионах, что у нас задача обеспечения работой – это не задача НКО. Да, мы, конечно, делаем довольно много (вот называли "энкашечки" или как-то так, я не расслышала, какое-то такое было слово), пытаюсь помочь тем людям, которые попали в трудную жизненную ситуацию, но мы не можем сделать так, чтобы в регионе была работа. Мы не можем сделать так, чтобы у людей было жилье. Когда у нас огромное количество семей с детьми оказывается на грани ситуации отказа от своего ребенка или потери ребенка, потому что у них изымают его... Например, один из последних случаев был у нас, когда женщина, не имеющая места жительства, не имеющая своего дома (не так уж и много у нас людей – собственников жилья на самом деле), родила ребенка и оказалась с ним в строительной бытовке. Да, это не место жизни ребенка, да оно, в общем-то, не отапливается зимой, в нормальном положении там нельзя помыть ребенка. Это, конечно, с точки зрения чистой логики угроза жизни и здоровью. У нее этого ребенка из этой бытовки отобрали, потому что у нее нет... Ее спросили: "У вас есть куда пойти?" У нее нет другого варианта жилья. Ей предоставляют социальное жилье? Скажите, почему мы находимся в Совете Федерации, в законодательном органе, и говорим о том, что вам не понравилась какая-то НКО Санкт-Петербурга, про которую вы на самом деле, скорее всего, ничего не знаете, что они реально делают или не делают? Почему вместо этого мы не говорим о том, что необходимо, чтобы были государственные гарантии социального жилья для людей, трудоустройства для людей, чтобы не возникало всех тех реальных проблем, которые приводят потом к социальному сиротству? Почему мы не говорим здесь тем людям, которые могут это решение принимать, но сбежали, о том, что необходимо повышать пособия для семей с детьми, которые сегодня не просто смешные – на них невозможно прожить, невозможно прокормить ребенка, они не дают возможности маме работать, потому что у нее маленький ребенок, а пособие у нее – 1500? Что происходит в этой ситуации? Рано или поздно какая-то кризисная ситуация случится.

О чем идет речь? Давайте будем друг в друга кидаться кашками. Хотите, я тоже в вас покидаюсь? Сколько угодно! Соберу про вас информацию, буду называть ваши фамилии с трибун.

Давайте будем этим заниматься. Давайте будем заниматься переливанием из пустого в порожнее, чем мы занимаемся уже годами. При этом реальных гарантий семьям и детям... никто не предлагает вообще никаким образом государству этим заняться. Наверное, это наша вина, что мы недостаточно громко и внятно об этом говорим. Но мы говорим об этом 10 лет, через 10 лет нам опять скажут, что... Слава богу, европейских денег у нас нет, но что-нибудь придумают, что можно про нас сказать, и ситуация не сдвинется с места. Вы занимаетесь пустым киданием друг в друга каких-то обвинений. Давайте объединимся, если у нас есть действительно организация, готовая помогать семьям и детям, и будем требовать государственных гарантий базовых прежде всего, чтобы люди в эти кризисные ситуации не попадали. А уж если они в нее попали, то должны быть (о чем здесь тоже говорилось, но говорилось специфическим образом, с моей точки зрения) абсолютно четкие правила и порядки. Потому что сейчас широкие статьи, широкие полномочия дают возможность любой трактовки, которая всегда будет поддержана судом, если собрать для нее достаточно аргументации.

Вместо того чтобы обвинять друг друга, нам нужно объединиться в том, чтобы, во-первых, были государственные гарантии социальные всем семьям с детьми независимо от категорий, а во-вторых, чтобы были четкий алгоритм, понятные правила в ситуации отобрания для семей и для органов опеки, чтобы не они стояли у стенки, не понимая, то ли им отбирать, то ли им не отбирать, как им определить... Как вы сказали, какие-то есть стандарты, которые НКО делают, да? Потому что ничего нет. Ничего нет, пусто. Людям нужно на что-то ориентироваться. Если кто-то им это сделал, а они этим воспользовались, не их нужно в этом обвинять, а закон, который никакого порядка, никаких алгоритмов и правил не дал, а дал людям просто широкие полномочия и непонятные, неопределенные термины. Вам это нравится? Давайте останемся в этих рамках, границах и будем продолжать друг в друга кидаться говном. Спасибо. *(Аплодисменты.)*

М.Р. МАМИКОНЯН

Елена Леонидовна, должна сказать, что претензия, что мы якобы не говорим об изменении социальной ситуации семей, абсолютно несправедлива. *(Оживление в зале.)*

Елена Леонидовна, мы были позавчера в Общественной палате, где проходили тоже слушания по сходной проблеме, тоже по проблеме, поставленной Президентом. И мы там говорили о том, что прежде всего мы должны в рамках нашего, российского, представления о должном менять социальное положение людей, и у нас есть прописанные предложения по этому, а не применять методы ювенальной юстиции к семьям, которые социально ущемлены. Мы это всё

говорим всегда. Но здесь сейчас обсуждались две статьи. Это написано в названии данных слушаний.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

Тут горячо всё... Ну, понятно, к сожалению, ситуация такова, что в этой сфере есть абсолютно противоположные точки зрения. Это связано с тем, что одни работают со средой родителей и видят очень много несправедливости, это правда, другие работают с другой стороной – с детьми. Но наша-то задача – сделать так, чтобы это не были две стороны. Это же один институт – семья. И я вам могу сказать, что даже то, что произошел такой как бы разлом в обществе, – это показатель того, что неправильная политика по отношению к семье и детям, нельзя ребенка вытаскивать и противопоставлять. Это и есть одно из зерен ювенальной юстиции – выдернуть ребенка, поставить его на пьедестал, работать с ним, а семья, все, что с ней произойдет, – неважно. Для ювенальной юстиции, для ювенального государства семья не имеет ценности, она только как дешевый способ рождения детей. А дальше уже дети становятся объектом разных общественных публичных институтов. Нам не надо в эту сторону идти. Я думаю, что у нас – и у тех, кто защищает детей и работает в этой сфере, и у тех, кто семью... – общего гораздо больше, чем различий. Просто надо научиться слушать и слышать друг друга.

Елена Леонидовна говорила, в частности, про отца Дмитрия Смирнова и про комиссию по этике Совета Федерации. Ну, он не является членом Совета Федерации, поэтому здесь это, скорее, вопрос к Его Святейшеству. Но я не видела ничего оскорбительного. Это его точка зрения, он ее высказывает. Он никоим образом не дал никаких обидных оценок. Можно с этим не соглашаться и спорить, для этого и есть парламентские слушания. Мы за дебаты, но, конечно, корректные, не надо выходить за рамки корректных оценок. Вы же все, кто сюда пришел, знаете, что вопрос болезненный, что здесь очень много, где нам надо договариваться и научиться слышать друг друга. Ну, так и давайте это делать, для этого парламентские слушания. Не надо подозревать друг друга в том, что кто-то вот такой... не знаю, с умыслом нехорошим... Это не так.

Нам просто нужно найти решение, общее решение. Для нас страна Россия – это наша страна, и нам здесь надо этого согласия достичь. И я думаю, что мы его найдем. Ведь уже есть эти подходы, они по-разному называются, но у многих звучат. И могу вам сказать, что, да, многие некоммерческие организации делают много добрых дел. Но только не надо говорить, что "я там все делаю, а другие – нет". Неправда. Я вот вижу разные... Могу объективно судить и скажу, что очень сильные организации делают действительно сподвижнически, без всяких грантов, без

какой-либо поддержки... Тот же РВС или АРКС – вообще никаких грантов никогда ни от федерального фонда, ни от чего. А количество случаев... Я посмотрела их монитор – какое качественное описание случаев! Я вот как юрист посмотрела, как они защищают в судах. Это дорогого стоит. И, кстати, они дают объективную информацию. Там, где необоснованные обращения, они проверяют и убеждаются... там, где они добиваются восстановления прав. Так что тут давайте друг к другу относиться с уважением. В общественных организациях вообще очень много сподвижничества, в этом и эффективность.

Пожалуйста, Коргожа Эдуард Михайлович, член правления Тюменского областного родительского комитета.

Приготовиться Стёпкиной Елизавете Евгеньевне.

У нас из регионов сейчас пойдут... А то люди приехали специально.

Пожалуйста.

Э.М. КОРГОЖА

Здравствуйтесь, дорогие товарищи! Второй раз я на парламентских слушаниях. Читая материалы прошлых парламентских слушаний, сегодняшних, которые гораздо более узкую тему сегодня рассматривают, представляется такая великолепная картина серьезной работы и заботы государства о детях, о семьях и о родителях.

Я, работая адвокатом, как уже сказано, на земле, на Тюменской земле, просто обязан сказать, что на местах в конкретных случаях с конкретными мамами и папами, чадами вся словесная шелуха, которой обрамлены многие законодательные акты, слетает и остаются совершенно однообразные действия людей в погонах, которые возбуждают дела по статье 116, по статье 6.1.1 Кодекса об административных правонарушениях, людей из органов опеки и попечительства, которые составляют акты об отобрании детей, людей из социальных служб и приютов, которые размещают этих детей в своих заведениях, порой категорически, и даже довольно часто категорически, ограничивая возможность родителей видеться с ними даже, и социальных психологов, которые приходят в школы... Вот вчера в школу, где у меня один из детей обучается, пришел социальный психолог, женщина (у меня жена была на родительском собрании), и стал рассказывать по ювенальному шаблону страшилки про злых родителей, показывая красочные слайды. Благо, что моя жена тоже умеет разговаривать, она ему ответила как положено, и собрание повернулось в другую сторону.

Мы сейчас говорим о защите прав детей, о защите их интересов, о защите их здоровья, а на деле частенько получается что? Вот наша тюменская семья Шадриных, о которой Ольга

Владимировна Леткова говорила. Детей, трех мальчишек (их было пятеро, двое просто старшие, они не попали "в плен"), забрали. Маме нацепили наручники и зачем-то привезли в полицейский участок, где ею вообще никто не занимался, она сидела-сидела в коридоре, а потом спросила: "А что же мне делать-то?" Ей сказали: "Иди домой". Пришла домой, а детей в это время отправили в приют. Когда отец Шадрин Николай вернулся (он уезжал к своей матери) и узнал об этом, они со своей супругой Ларисой Шадриной отправились в Следственный комитет по поводу неправомерного и необоснованного применения силы полицейскими. В ответ – уголовное дело в отношении Ларисы Шадриной по статье 156 за якобы жестокое и ненадлежащее обращение с детьми. И уже в ходе судебного разбирательства (следствие было быстро закончено) у нее обострились хронические заболевания, и она просто умерла. Скажите, какие права детей защитили? От чего их спасли? От любящих мамы и папы?

А сейчас вскрылись вопиющие просто случаи должностных подлогов. К сожалению, только одну из полицейских привлекли к уголовной ответственности в этом деле, которая подделала объяснение Ларисы Шадриной, подделала протокол ее привлечения якобы к административной ответственности. И это уголовное дело было направлено в суд. Но я смотрел его судьбу, оно возвращено прокурору. А прошло уже ни много ни мало больше двух лет с этого момента. Эта ситуация была озвучена даже на центральном телевидении, наверняка многие слышали об этом.

При этом Николай Шадрин, который остался вдовцом с тремя маленькими детьми (двое старших действительно большие, один младший ребенок ДЦП болен), живет в девятиметровой комнате в общежитии, всё, правда, детям оборудовал, у него чистота, порядок. Приходит работник из социальной службы и говорит: "А можно я в ваш холодильник загляну?" Настолько его это возмутило! Он, конечно, сдержался, показал ей холодильник, но потом мне позвонил и сказал: "Ну, как им не стыдно? У меня жена умерла, я живу один с тремя детьми, а они еще приходят и в мой холодильник заглядывают!"

Вы скажете, что это единичный случай.

ИЗ ЗАЛА

Нет.

Э.М. КОРГОЖА

Нет. Это верхушка айсберга. Лишь единицы родителей пытаются свою правоту доказать, пытаются что-то сделать, а остальные покорно начинают бегать по инстанциям, собирать справки, проходить различные тесты психологические (почему-то в психдиспансерах к ним в этом случае

очень серьезно начинают относиться), для того чтобы побыстрее своего ребенка забрать домой. Основная масса родителей именно так и делает, заботясь о своих детях, потому что хотят, чтобы они в семью попали. А в это время ребенок в приюте, в разлуке с мамой и папой. Все эти действия основаны вроде бы на чем? На благих побуждениях, на намерениях защиты детей. Так ведь?

Но благими намерениями дорога в ад вымощена, причем в ад для ребенка, который вырван из семьи, от папы и мамы. Да, папа и мама могут наказать, но папа и мама могут и пожалеть, и даже жалеют, причем почти сразу же после наказания. А в приюте кто его пожалеет? Кто пожалеет маленькую девочку, которая оказалась без мамы, которую дразнят, обижают старшие мальчики в приюте, как это было с Аделиной Галеевой тоже у нас же, в Тюмени (я по этому делу работал), которая сначала в этом приюте получила удар телефоном по лицу, что ей три шва наложили, потом отравилась едой и была госпитализирована в больницу? И только с помощью этой госпитализации ее маме удалось забрать. А мы иск подали в суд к опеке, который, кстати, не удовлетворили. Опять вопрос: а где защита интересов детей? От кого ее защитили добрые тети и дяди? От любящей мамы? Она потом ее полгода от энуреза лечила. У девочки не было энуреза до помещения в приют.

Спрашивается: кто устраивает жестокое обращение с детьми, сначала их забирая "под дулами автоматов", а потом оставляя страдать в незнакомых сообществах разновозрастных детей, замученных суевой воспитателей (детей-то много, воспитателям тяжело со всеми ними справляться), а частенько даже неприступных должностных лиц?

Какие такие благие намерения заставили чуть ранее принять ныне отмененную редакцию статьи 116 Уголовного кодекса? Почему у нас родителей подвергали дискриминации? Почему лишали прав на воспитательное наказание? Ведь в уголовных статьях самой важной частью состава преступления является субъективная сторона. Убийство может быть виновным и требует сурового наказания, но то же самое убийство с целью защиты является необходимой обороной, и человек оправдывается в этом случае. То же самое со статьей 116 и со статьей 6.1.1 "Побои" в Кодексе об административных правонарушениях. Каковы цели, мотивы применения, причинения физической боли собственному чаду, которое не слышит порой слов, не поддается увещаниям, у которого не сработала вторая сигнальная система (читайте академика Павлова)? Конечно же, они воспитательные, необходимые для ребенка и совершенно не преступные. И в условиях крайне неоднозначного, выборочного такого и кургузого действия презумпции невиновности в уголовных делах, а в административных в особенности... в нашей судебной системе будет просто вал подобных правонарушений по статье 6.1.1 и по статье 116 впоследствии.

Я уверен вообще, что наказание в воспитательных целях должно быть выведено из-под какого бы то ни было преследования, будь то в административном, будь то в уголовном порядке. И тут не надо бояться, что будут уходить от наказания виновные (у нас почему-то этого больше всего бояться), а надо бояться привлечения к ответственности невиновных. Вот это у нас почему-то теряется совершенно при судопроизводстве.

Отношение со стороны полиции, органов опеки, органов соцзащиты, инспекторов защиты детства и тому подобных организаций к родителям как потенциальным преступникам уже сформировано, в том числе и применением статьи 116, и оно впредь будет служить негативным фоном при применении семейного законодательства.

Есть такие понятия – "буква закона" и "дух закона". Мне сказали, что время уже... У меня буквально полстраницы осталось, я сейчас договорю. Так вот, дух законов, которые приняты и которые планируется принять (это и закон об основах социального обслуживания, и закон об основах системы профилактики безнадзорности, и проект закона о семейно-бытовом насилии, разнообразные межведомственные инструкции, регламенты и тому подобное), несет в себе удушающее дуновение ювенальной юстиции в самых худших традициях этого слова. А мы, родители, это чувствуем и сопротивляемся, создавая в том числе организации, подобные родительскому сопротивлению, родительским комитетам.

Что же касается отобрания детей, изъятия детей, лишения родительских прав, особенно профилактики насилия в семье, то государство, образно говоря, орудует дубиной, рубит топором там, где нужно скальпелем, там, где затрагиваются самые тонкие душевные и нежные струны душ людей – мам, пап, детей, бабушек, дедушек, самые глубинные человеческие отношения, которые сформировались задолго до появления государств вообще. А сейчас нам пытаются создатели чуждых нам систем воспитания и обучения – сотрудники опеки, соцзащиты, инспектора охраны детства – доказать, что они лучше разбираются в отношениях детей и родителей, чем сами родители и дети.

Есть такой очень хороший способ уменьшить невероятную нагрузку органов опеки и соцзащиты – запретить им лезть в семьи со своей профилактикой, тем более что статья 16 закона об основах профилактики безнадзорности не наделяет органы опеки полномочиями проводить профилактику в семьях. Их дело – это дети-сироты, дети, оставшиеся без попечения родителей.

Здесь много говорилось о судебных инстанциях. Упование на то, что суды решат эту проблему, тщетно, оно неправильно. Я услышал на последнем съезде судей о том, что 18 миллионов гражданских дел было рассмотрено за прошедший, 2016 год. 18 миллионов!

Представляете, какая нагрузка на судей! Если их еще нагрузить решением вопросов, причем в короткий срок, законности или незаконности отобраний, то это создаст мощную систему ювенальных судов, которые будут "засиливать" (судейский сленг) решения органов опеки, соцзащиты, других сильно заинтересованных органов об отобрании ребенка. Это же самое произошло с административным правом у нас. Гаишники написали протокол, мировой судья написал, что прав гаишник, а водитель лжет, потому что он не в погонах.

Маленькая деталь (и слава богу, что это попало в информационное сообщение, которое находится сейчас в раздаточном материале): при любом отобрании ребенка необходимо, чтобы всё снимали на видео, это нужно заложить просто как процессуальную норму, и чтобы обязательно присутствовал адвокат. А в судебных разбирательствах, думаю, необходимо обеспечить родителей помощью адвоката. Если они не могут оплатить, то за счет государства, как это сделано у нас с преступниками, когда по статье 50 мы участвуем бесплатно в уголовных делах.

И из процесса, я думаю, стоит удалить как сторону процесса орган опеки и попечительства, оставив только прокурора, который и так участвует в подобных делах. И, кстати, высвободятся силы сотрудников этих органов.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Эдуард Михайлович, Вы перебрали время.

Э.М. КОРГОЖА

Я прошу прощения.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Извините, пожалуйста, у Вас очень интересное выступление, но у нас очень много желающих.

Э.М. КОРГОЖА

Последнюю фразу позвольте сказать?

Е.Б. МИЗУЛИНА

Ну, давайте.

Э.М. КОРГОЖА

Я слышал, что сейчас внесен в Государственную Думу законопроект о судебном отобрании. Я уверен, что при его принятии он не решит проблему, а только усугубит ее, создав эту пресловутую систему ювенальных судов, которые будут таким образом действовать.

Прошу прощения, что задержал. Спасибо за внимание. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо. Эдуард Михайлович, очень интересное выступление. Спасибо Вам за эту самоотверженность, за то, что Вы делаете. А применительно к правительственному законопроекту по судам... Ну что, будем организовывать сопротивление, потому что на самом деле это поспешный и ошибочный путь. Мы по нему целый год пытались разобраться с этим судебным порядком и пришли к тому, что в этих вопросах судебный порядок нельзя... потому что это скоростная процедура, она получится просто штампованием, и всё. Сами судьи против, они говорят: мы не сможем выполнить эту роль контроля.

Пожалуйста, Стёпкина Елизавета Евгеньевна, Уполномоченный по правам ребенка в Омской области. Тема – "Результаты проведения мониторинга в Омской области по практике изъятия несовершеннолетних из семьи с точки зрения избыточно применяемых мер или неправомерного вмешательства в семью" (по поручению Президента). Пожалуйста.

Приготовиться Мирошниковой (тоже регион).

Е.Е. СТЁПКИНА

Уважаемые участники парламентских слушаний! Мне хочется встать в защиту уполномоченных, потому что сегодня я слышу представителей СМИ и общественных организаций, которые говорят, что рабочая группа, которая создана под руководством уполномоченных, проводит формальный анализ существующей статьи 77, актов полиции, и в том числе по заявлениям родителей.

Хочу сказать: так как мы защищаем детей, мы, конечно, проанализировали каждый случай. И в Омской области была создана такая рабочая группа при координационном совете при губернаторе. И все те 19 случаев, которые были в 2016 году, были проанализированы.

Хочу сказать одно: в городе Омске статья 77 не действует, ее не применяют органы опеки. Вы все прекрасно знаете (сегодня все об этом говорили), что ее невозможно применить в том контексте, в котором она сегодня существует, в муниципальных районах Омской области, потому что непосредственно решение принимается не только органом опеки, наша сложившаяся практика говорит о том, что органы опеки, когда существует непосредственная угроза жизни и здоровью, выходят и с органами полиции, и с медиками, и в принципе решение принимается коллегиально. Мы сейчас говорим о юридической стороне, что подписать в тот же день акт в районах намного проще, чем в городе, потому что его подписывает мэр города Омска.

Мы выявили другое – что увеличилось количество актов, которые непосредственно принимают органы полиции. Но мы выяснили и другое – что на сегодня есть статья в Семейном кодексе и есть постановление № 481, когда дети помещаются по заявлениям родителей. Но

законодательством не определен перечень уважительности причин, по которым законные представители не могут исполнять свои обязанности. Оценку осуществляет орган опеки и попечительства, заключая трехстороннее соглашение. В заявлении пишется – трудная жизненная ситуация. Практически исследовав 477 дел, когда дети помещались по заявлению родителей, мы установили, что в 14 случаях это практически когда ненадлежащее выполнение, когда орган опеки, не применяя статью 77, через заявление родителей, которое они пишут самостоятельно, помещает детей в институциональное учреждение. И эта проблема существует, и органы опеки об этом знают. Потому что применение статьи 77 невозможно на сегодня в том виде, в каком она есть. До парламентских слушаний я думала: должна ли быть статья 77? Да, она должна быть, но временное устройство, временное.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Временное устройство. Не отобрание, а временное устройство, да.

Е.Е. СТЁПКИНА

Поэтому хочу сказать, что проблема существует. И мы сегодня на самом деле собрались, чтобы обсудить, как изменить законодательство и что необходимо сделать.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, верно.

Е.Е. СТЁПКИНА

А упреки в том, кто сделал или как, – это совершенно неверно. Спасибо за внимание.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Елизавета Евгеньевна. Надеюсь, что Вы эти результаты дадите. Я тоже это обсуждала. Скажу, что в Омской области на самом деле очень объективно готовят анализ, и данные дали очень интересные, по-честному, правда. И ряд симптомов, моментов озвучила Елизавета Евгеньевна.

Е.Е. СТЁПКИНА

Еще я бы хотела сказать, Елена Борисовна...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, пожалуйста.

Е.Е. СТЁПКИНА

...что на самом деле необходимо все-таки конкретизировать ту ситуацию, что, когда органы помещают в дома ребенка, допустим, юридические отделы выходят с лишением и ограничением родительских прав. Необходимо, чтобы только опека...

У нас, в Омской области, в доме ребенка принимаются такие решения, потому что, если родители подали заявление на три месяца, но ситуация не изменилась... Потому что трудные жизненные ситуации разные: одно дело, когда в больнице мама находится либо длительный выезд куда-то, а когда ситуация не улучшается и продлевается до года и выше, тогда это вопрос. А проблема эта существует.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Это уже не очень хорошо. А длительность пребывания, кстати, законодательство предусматривает даже до достижения совершеннолетия ребенка. Поэтому то, что все это не урегулировано... *(Оживление в зале.)* И, кстати, расширен перечень организаций, куда можно поместить. Я говорю, я удивилась, что даже в специализированные учреждения для несовершеннолетних, совершивших административные правонарушения, но не достигших возраста административной ответственности, открытого типа (это образовательные), теперь можно помещать детей, которые вот так изъяты, без изъятия, без этого акта отобрания у родителей. Поэтому, может быть, действительно не отобрание, которое фактически означает, что сразу ребенок сирота, сразу родители безо всего, иск моментально подается о лишении или ограничении в родительских правах (сами органы опеки зачастую не спешат с этим, потому что не всегда очевидно, что здесь есть виновное поведение родителей), а вот момент, может быть, устройства, переустройства, а потом уже разбираться спокойно, без репрессивности, нужно действительно отбирать или нет?.. Это, конечно, надо решать. Спасибо.

Мирошникова Ирина Юльевна, Уполномоченный по правам ребенка в Красноярском крае.

Приготовиться Медведевой Ирине Яковлевне.

У Ирины Юльевны тема – "Беби-бокс как средство разрушения ценности института семьи".

Я еще раз обращаю внимание: очень актуальная проблема. И если говорить о ювенальной юстиции, потому что ее суть составляет изъятие детей и создание замещающей среды, то беби-боксы и анонимное оставление детей, стимулирование к отказам от детей – это один из способов формирования вот этой среды детей без родителей.

Пожалуйста.

И.Ю. МИРОШНИКОВА

Уважаемые участники слушаний, уважаемый президиум! Я в своем выступлении попытаюсь кратко сконцентрироваться на двух темах, и первая тема – это действительно беби-боксы.

Так вот, решение о том, что в Красноярском крае не будет устанавливаться беби-бокс, правительством региона было принято еще 12 лет тому назад. Но в прошедшем году у нас вновь объявились активисты с конкретными намерениями по поводу установки в краевом центре этого ящика для анонимного оставления детей. И мы вновь были втянуты в дискуссию, которая перешла в жесткое противостояние. Казалось бы, сама инициатива по установке беби-ящичков уже неоднократно подвергалась критике со стороны родительской общественности, общественных организаций, Общественной палаты, Русской православной церкви, Уполномоченного при Президенте по правам ребенка. Мы едины во мнении о том, что легализация беби-ящичков есть не что иное, как провокация граждан к отказу от детей. Даже пропаганда самой идеи их установки противоречит государственной политике, направленной на сохранение кровной семьи для ребенка.

На практике целенаправленная профилактика отказов от новорожденных детей дает свои результаты. За последние семь лет в Красноярском крае в условиях стабильного роста рождаемости число отказов от новорожденных детей сократилось втрое. Сокращается число абортов и беременностей несовершеннолетних девочек. Так вот, идеологи установки беби-ящичков игнорируют эти аргументы. Навязываемая обществу альтернатива – или беби-бокс, или убийство детей – является чистой манипуляцией. Источниками искаженного информационного вброса по данной теме являются радиостанция "Свобода" и такой известный телеканал, как "Аль-Джазира", которые, перевирая информацию о реальных событиях, оказывают информационную поддержку так называемым правозащитникам, реализующим опасные для общества инициативы в нашем крае. Например, в одном из радиоэфиров было озвучено, что студентки Сибирского федерального университета, крупнейшего сибирского (красноярского) вуза, в общежитии рожают детей и топят в ведрах, а затем зарывают тела на пустыре. Как Уполномоченный по правам ребенка в Красноярском крае, не могу не реагировать на подобные сигналы, и мной незамедлительно была инициирована проверка правоохранительных органов. Информация не подтвердилась. И вновь в СМИ и в сетях звучит информация о том, что такие ящики успешно функционируют в европейской части России и во всех сибирских регионах. Это тоже не соответствует действительности. На всей территории Зауралья он есть только в Камчатском крае. Но в то же самое время эта информация воздействует на массовое сознание.

Так вот, мы объединили свои усилия – общественности, правоохранительных органов, религиозных конфессий, органов исполнительной власти – и, конечно же, не допустили в нашем регионе установки беби-ящика. Однако убеждена, что только государство может поставить точку в этом идеологическом споре и выразить свою волю, направленную на защиту семейных ценностей.

Я очень прошу, уважаемая Елена Борисовна, я очень прошу вас, уважаемые депутаты Государственной Думы, вернуться к доработке законопроекта, который уже вносился на рассмотрение Государственной Думы, который предусматривает полный запрет беби-боксов на территории России.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Этот новый, он находится...

И.Ю. МИРОШНИКОВА

Но нам это очень нужно, это очень укрепит позицию.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, конечно, обязательно.

И.Ю. МИРОШНИКОВА

Вторая тема, которую я тоже коротко затрону, потому что много здесь слышала тезисов, созвучных с моими собственными, касается, конечно же, пересмотра положений Семейного кодекса. Так вот, анализ ситуации в области защиты прав детей и результаты мониторинга, который мы провели, свидетельствуют о том, что практика работы по профилактике сиротства действительно порой ориентирована не на оказание помощи семье, которая оказалась в трудной ситуации, а на вмешательство, когда достигнута критическая точка, когда требуется уже немедленное отобрание ребенка. При этом основным инструментом работы с такой семьей является не реабилитация социальная или психолого-педагогическая, а применение уже административных мер воздействия к родителям, которые не выполняют своих обязанностей. И результатом подобных действий является уже действительно изъятие ребенка из семьи.

Я хочу сказать, что мы очень часто в такой работе опаздываем. Дело еще и в том, что эффективный механизм экстренного вмешательства в дела неблагополучных семей с учетом возможной реабилитации не обеспечен российским законодательством. И здесь сегодня уже звучала критика известного закона № 442. Безусловно, мы на практике сталкивались и с тем, что не всегда отобрание по акту органов местного самоуправления целесообразно. Например, семья не состояла на учете, и случай, на основании которого ребенок был изъят из обстановки, был

устраним, и мы действительно не усматриваем оснований для лишения или ограничения родителей в родительских правах. Процедура временного изъятия ребенка из обстановки, не отвечающей требованиям, законодательно не закреплена, и это действительно создает нам препятствие.

Поэтому я сейчас, чтобы не повторять те темы, которые звучали, хочу свои предложения высказать.

В целях сокращения случаев принятия необоснованных решений об отобрании ребенка из семьи целесообразно такое решение принимать судом. Это первое.

Во-вторых, судебным решением следует предоставлять право на контакты с ребенком родителям, лишенным родительских прав, потому что после того, как родители лишены прав, возможности контактов ограничены. Поэтому не так уж и много родителей у нас на практике восстанавливаются в родительских правах.

И третье. Необходимо действительно законодательно закрепить процедуру временного... я себе написала "изъятия", но я сегодня увезу с собой термин "временное перемещение ребенка", мне он очень понравился. Спасибо. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо Вам большое, Ирина Юльевна.

Обращаемся как раз к депутатам Государственной Думы, к комитету, где находится сейчас законопроект, в том числе и мой законопроект, о запрете беби-боксов. Только что, на днях, в Краснодаре погиб в беби-боксе ребенок, умер. Ведется следствие. Я вообще считаю, что, может быть, даже такую общественную акцию во всех субъектах провести, где губернаторы фактически через создание беби-обменников (никак их больше назвать нельзя)... потому что это формирование анонимного рынка детей без родителей, с которыми можно сделать все что угодно. Все что угодно. Не проследить, когда анонимное оставление... Так вот, губернаторы, которые призывают к отказу от детей, от новорожденных, – это вообще просто вредители (больше никак нельзя сказать) будущему России и настоящему. Поэтому это должна быть очень серьезная общественная акция. Это опасная тенденция, это попытка внушить молодежи, что они делают добро – относят в хорошее, безопасное место ребенка и его оставляют. А то, что это ребенок без роду без племени, что с этим ребенком можно делать все что угодно, лепить из него все что угодно, то, что этот ребенок может стать жертвой и торговли, и насилия, он может никуда не попасть из этого беби-бокса и вообще погибнуть, потому что невозможно установить, а был ли ребенок... Это очень опасный путь.

Мы любим ссылаться зачастую там, где нам выгодно, на западный опыт, а где невыгодно – не любим. А ведь вот здесь-то они все пришли и Россию призвали, испытав больше 10 лет эту практику беби-боксов, вся Европа... Почему-то всё на нас экспериментируют. Вон у американцев ничего нет, они к себе ничего подобного не пускают. Ничего! Это нам тут внушают, что у них распушенность. Ничего подобного! *(Аплодисменты.)*

И.А. ЮМАШЕВА

Позвольте добавить, Елена Борисовна?

Е.Б. МИЗУЛИНА

Пожалуйста.

И.А. ЮМАШЕВА

Буквально одна фраза... У нас в ноябре в Государственной Думе прошло заседание "круглого стола" на тему беби-боксов, и мы обсуждали эту тему. Тоже обсуждение было порядка четырех часов, очень острое, очень такое... "эмоциональное" – не то слово.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Все наши темы такие.

И.А. ЮМАШЕВА

То есть и позиция "за", и позиция "против"... Я выступала, исследуя региональный опыт (я представляю Республику Башкортостан в Государственной Думе). У меня были цифры реальные, которые показывали, что та работа, которая ведется сегодня по профилактике отказов, действительно эффективна.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Дает плоды.

И.А. ЮМАШЕВА

У нас в два раза за пять лет сократилось число отказов среди женщин, которые оказались в трудной жизненной ситуации. И вот эти беби-боксы – абсолютно согласна, что это пропаганда безответственного материнства, безответственного отцовства и вообще кукушничества среди наших женщин. Спасибо. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Очень хороший, отличный тезис. Спасибо Вам большое и за позицию, и за...

Ирина Яковлевна Медведева, психолог, главный научный сотрудник Института детства Российского детского фонда. Как раз те самые психологи, которые обрабатывают и детские, и

взрослые души. Но она очень объективный человек, и, соответственно, я думаю, что сейчас на многие вещи она даст пояснения.

Приготовиться Мишустину Николаю Николаевичу. Даю Вам слово чуть раньше, потом – Коваленин, поскольку в прошлый раз Вам не досталось слово.

Пожалуйста.

И.Я. МЕДВЕДЕВА

Уважаемый президиум, уважаемые коллеги! Я очень много езжу в командировки и, не будучи юристом, а будучи психологом, не могу по-юридически говорить, какие законы надо поправить, какие надо отменить. Я только хочу вам сказать, что общаюсь с огромным количеством разных людей. Понимаете, настроение людей в нашем обществе по поводу того, чего у нас якобы нет, но что практически в полном объеме уже существует, по поводу ювенальной юстиции, сначала было совсем другим. Они говорили: "Такого у нас никогда не будет и не может быть, это какие-то сказки. Ну, мало ли, там где-то, на Западе, а у нас – нет". А сейчас, вы знаете, люди уже в курсе дела, уже отобраний детей такое количество, что почти нет людей, которые бы этого не знали, даже в глухих селах.

И должна вам сказать, что многие люди живут, конечно, ужасно сейчас: у них нет работы или у них крохотная зарплата, у них плохие жилищные условия. Об этом совершенно справедливо говорила Елена Леонидовна Альшанская. Но наши люди так устроены, что они готовы очень многое терпеть, у нас терпеливый народ. Но вот этого они терпеть не будут. Понимаете? У многих людей последняя и единственная ценность, которая осталась, – это дети. И, если у них за плохие жилищные условия или недостаточное материальное состояние, в котором они не виноваты, будут отбирать детей, вы знаете, у нас в обществе возникнет то, что теперь называется в чиновничьей среде словом "дестабилизация". На самом деле у нас просто возникнет бунт.

Поэтому то, что мы сегодня обсуждаем, представляет опасность не только для отдельных людей (это чудовищно с точки зрения травмы для взрослых и детей, но об этом еще, я надеюсь, будут сегодня говорить), это представляет опасность для государственной безопасности, это представляет опасность для государства. Потому что, когда это отобрание уже превысит некую дозу, которую еще люди терпят, будет эта самая дестабилизация, а попросту говоря, будет бунт. И в свете ближайших выборов (они будут в 2018 году) это, по-моему, совсем не нужно в том числе и власти. И на этом какие-то подлецы, какие-то жулики войдут во власть. Понимаете? Они возьмут вот это антиювенальное знамя в свои руки и пройдут "в дамки", потому что люди поддержат их, не вникая в то, что это за люди и по каким мотивам они взяли в руки это антиювенальное знамя. А

просто потому, что люди не могут терпеть такую чудовищную несправедливость, такой фашистский кошмар. Когда я была на Дальнем Востоке, ко мне подошел один человек, простой человек из глуши, и сказал: "Вы знаете, ведь немецкие фашисты не отбирали детей из семей. Что же это такое? В нашу страну фашисты пришли или они у нас есть внутри?" Вот какие настроения в обществе. Поэтому я очень прошу вас и об этом тоже задуматься, это очень серьезный вопрос, который почему-то сегодня никто не обсуждал.

И еще хочу ответить, к сожалению, ушедшему судье Верховного Суда Александру Анатольевичу Кликушину. Вы знаете, я не знаю, где живет этот замечательный человек, в какой стране или на какой планете он живет. Он что, не знает, что у нас большинство людей просто не будет обращаться в суд? У нас большинство людей абсолютно юридически неграмотны. Это некая национальная особенность. Она может очень не нравиться нашим юристам, и Верховному Суду в частности, но она существует, ее надо учитывать. У нас не будут люди писать заявления. А почему он не привел данные, сколько людей после отобрания детей спились, а сколько было самоубийств (они тоже у нас были уже на почве отобрания детей), а сколько людей сошли с ума или просто впали в такое депрессивное состояние, когда им не только не хочется обращаться в суд, а вообще не хочется жить? Почему эти данные не приведены? Это же тоже представляет огромную опасность не только для отдельных людей, но и для страны.

Еще хочу Людмилу Николаевну спросить... Людмила Николаевна, где будут эти сопроводители, этот институт сопроводителей, эти замечательные люди, которые будут прямо каждому человеку помогать выполнять все эти юридические процедуры, и как и их подготовить? Я не знаю, я искренне спрашиваю Вас. Если это можно сделать – слава богу, но мне кажется, что это пока что, к сожалению, фантазии. Спасибо за внимание. *(Аплодисменты.)*

Л.Н. ВИНОГРАДОВА

Это не фантазии, это действующий закон, тут ничего не придумано. Это действующий закон о полиции и действующий с 2005 года закон о государственной защите.

И.Я. МЕДВЕДЕВА

(Говорит не в микрофон. Не слышно.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Ирина Яковлевна, будем думать. Я Вам скажу, что сейчас, во-первых, есть юридическая помощь, оказываемая за счет государства гражданам бесплатно. Там только родителей, которые оказываются в ситуации, где их лишают родительских прав, ограничивают в родительских правах,

отбирают у них детей, то есть любые споры, которые связаны с судьбой их детей, не включили в этот список.

И.Я. МЕДВЕДЕВА

Тут надо еще прибавить к юридической безграмотности шок, который люди испытывают, когда есть угроза лишиться ребенка. Они вообще ничего не соображают, а они должны действовать по каким-то юридическим нормам, которых они и раньше-то не знали, а тут они просто вообще не помнят, на каком свете живут.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Ирина Яковлевна.

У нас уже вышел выступающий. Мишустин Николай Николаевич, руководитель общественного движения "Родительский отпор", пожалуйста, Вам слово.

Приготовиться Коваленину Александру Викторовичу.

Н.Н. МИШУСТИН

Дорогие соратники и пока еще терпимые из последних сил враги нашего Отечества и семьи! *(Оживление в зале.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Ух ты! Очень прошу...

Н.Н. МИШУСТИН

Я имею на это право, потому что я отец...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Николай Николаевич, только, пожалуйста... Потом мне будет... Извините, я Вам должна сделать замечание: это парламентские слушания в Совете Федерации...

Н.Н. МИШУСТИН

Вы знаете, я сам работаю в парламенте.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Я Вас прошу... Это очень грубое высказывание.

Н.Н. МИШУСТИН

Я обосную.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Я понимаю, но не надо этих высказываний...

Н.Н. МИШУСТИН

В 2008 году, когда у меня было трое детей (сейчас шестеро), ко мне вломились забирать всех детей по доносу. И когда я, как юрист, сравнил с юридической матрицей, имели ли они хоть какие-то законные основания... Никаких, и близко ничего не было! Вы меня извините, с тех пор я понимаю, почему наши солдаты бились за Родину-мать, почему у нас символ семьи на орле, когда под крыльями малые народы – наши дети, две головы – мама и папа с мученическими венцами в едином теле. Что господь сочетал, того ни один человек, а тем более государство, не разлучает. Может ли государство родить детей? Не может! Какое объединение раньше возникло: семья – первый коллектив или его производная – государство? Поэтому не может государство, тем более грязными, деидеологизированными лапами, вмешиваться в семью. И, к сожалению, 20 лет я видел в Государственной Думе, как под западным давлением на основе ратифицированных конвенций продавливались все жуткие западные глобальные антисемейные, антитрадиционные нормы во всех сферах пакетами законопроектов. На чем они построены? На технологиях гражданской междоусобной войны всех со всеми. Мы пережили 100 лет назад революцию, делили нас по принципу зависти на белых и красных, богатых и нищих. Сейчас эти технологии семейно-бытового насилия... Уже законы устали штамповать. Разругать самых близких людей – мать, отца... любой ценой, юридическими фикциями.

Следующий момент. Ювенальные технологии. Самых близких людей разругать – матерей, отцов с детьми. Вот она, ползучая междоусобная война, которая развязана у нас во всех сферах!

И после этого мы провели в Государственной Думе... Самыми первыми в 2009 году при Мосгордуме начали проводить при фракции КПРФ "круглые столы" по защите семей и детей от ювенальных технологий, анализировать и блокировать все эти законопроекты. И после этого практически уже месяца не проходит, чтобы мы кого-то, каких-то детей не спасли. И мы видим, что вся эта система якобы защиты прав ребенка только против родителей, уничтожить родительство. А потом за детей никто не отвечает.

Я приведу пример. Ко мне обратились месяц назад из нерчинского реабилитационного центра "Гарант". Там изъяли 14 детей из-за семейного неблагополучия. И один 14-летний изнасиловал всех остальных. 14! Они подали заявления в полицию. И никто не ответил до сих пор. И это все сокрыто.

Или другой пример. Буквально неделю назад из Кисловодска приехал. Там у семьи инвалидов отнимали троих детей. Уже мы защитили, отбили, сняли этот статус. За что? Поскольку дети не получают медицинской помощи, не привиты. За это хотели отнять.

Мать-колясочница – лучшая мама года среди инвалидов. Она не могла ни разу на второй этаж доползти с детьми, присутствовать при медосмотре. И на нее потоками – доносы, доносы, доносы со стороны! Причем когда пришла КДН, они сказали: поменяйте просто врача. Врач, который принял клятву Гиппократу, ненавидит семью. И у них эти инструкции все приняты.

Вот меня ограничивают... Все эти ситуации, всю нашу деятельность – родительские "круглые столы", резолюции, рекомендации – можно найти на моем сайте "Родительский отпор" либо одноименном.

Вы меня извините, но после той ситуации... А почему мы, родители, победим? Тут остались одни родители, а все должностные лица, к сожалению, ушли. Потому что даже уничтожение семьи для них – просто работа, которую мы, налогоплательщики, оплачиваем и сопричастны – у нас руки по локоть... И они работают от звонка до звонка, а мы, родители... это наше призвание до гроба. Рано или поздно они уйдут на пенсию, а мы будем бороться.

И вы меня простите, дорогие, извините, но вот с тех пор у меня дети владеют всеми видами холодного и иного оружия, и я каждому объясняю: в каждой школе есть ювенальная баба-яга... В каждой школе! И вот буквально на управляющем совете я сражался и защищал... Положение о классном руководстве принимают во всех школах, и тут прямо пункты 3.2 и 3.2.1 – выявление и учет детей социально незащищенных категорий совместно с социальным педагогом, систематическое посещение неблагополучных семей в целях изучения, контроля и так далее. Классного руководителя делают ювенальным стукачом. И вся система защиты детства рассчитана на то, что все родители – рецидивисты. Просто нужно накопить массив информации и это доказать.

И вот сейчас буквально внесли законопроект в Государственную Думу (этот законопроект № 103372-7 можно назвать "родителей – на свалку"), который предусматривает исключение родителя из любого гражданского процесса, связанного с изъятием, выделение ему каких-то представителей. Это Правительство внесло, и оно внесло, прикрываясь нератифицированной конвенцией. Вы поймите: эта деморализация, которая в нашей стране достигается ювенальными технологиями через деморализацию наших детей, – это на самом деле такая деструктивная технология по нашей деморализации. А какая цель основной войны? А любая цель основной войны – это деморализация населения. И у нас она... За нашу любовь к Западу через широко распростертые объятия, через матрицу потребительского образа жизни 20 лет нас тащат по этой колее. И мы должны объединиться, ее сломать и доказать нашим должностным лицам (а это очень сложно, потому что у них уже привиты эти антисемейные стереотипы), что семья – это родина,

это последние доступные счастье и радость, которые еще доступны нашему обездоленному народу. Если мы защитим семью, мы сэкономим и спасем Россию, которая все время была семьей народов. Спасибо. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Николай Николаевич. Вот Вы подняли тему относительно правительственного законопроекта о внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс. Я Вам могу сказать, что действительно законопроект вроде бы безобидный, потому что, ну что такого: в гражданском процессе с участием несовершеннолетних обязательно участие психолога и педагога. Но только здесь есть один момент – что суд может отстранить родителей (законных представителей) при наличии конфликта интересов между ребенком и родителями (законными представителями). А что является показателем конфликта интересов? Например, злоупотребление родителями своими правами. Например, родитель говорит: а я против того, чтобы участвовал психолог. Всё, родителя можно отстранить. В чем опасность? Вроде как бы тоже все нормально, да? Но на самом деле родители и законные представители... Родительство обесценено. Родитель и законный представитель, например, представитель органа опеки, который действует по доверенности, равноценны.

И используется в законе совершенно неграмотно формулировка, когда родитель злоупотребляет полномочиями (обращаю внимание). Полномочий не может быть у физического лица, у гражданина. Родителю не надо доверенности на то, чтобы быть законным представителем, он осуществляет свои естественные права. И если у него есть обязанности, то это, скорее, долг, это обязанность не юридическая, она вытекает из факта естественных прав родителей. Он понимает, что он должен защищать своего ребенка, он будет делать это ценой своей жизни. Ему говорят, что он злоупотребляет полномочиями, и уравнивают родителя и представителя органа опеки, у которого действительно полномочия, он за это деньги получает. Как можно?.. То есть даже в голове у тех, кто готовил этот законопроект (мало того что он неграмотен, приравнен... хотя у родителя только права, ну, обесценивается родительство), нет представления о том, что родитель – это совершенно другая мотивация, это другой статус. Как можно отстранять родителя и оставлять его наедине с психологом?

Вы посмотрите, сколько мошенничества, которое сегодня терпят взрослые! Их обманывают, обманывают на имуществе, на многом другом, потому что применяются психотехники людьми, владеющими ими. Но психолог владеет ими, он специалист в этом, он может, извините, раздеть взрослого (я имею в виду, с точки зрения влияния), ребенка обработать,

это и есть психологическая обработка душ, помимо родителя, без согласия родителя. Так это большевики делали. Об этом Бухарин и писал – что мы создаем первичную пионерскую организацию, потому что с ее помощью дети... обработкой детских душ мы добиваемся того, чего не можем сделать извне; они нам приносят, доносят, сообщают на своих родителей; и даже с помощью детей мы можем родителей принуждать к тому, что они вступают в наши ряды, в партию, из боязни, чтобы детей не отобрали, естественно. И сейчас предлагается возобновить этот механизм, опять помимо родителей. Ну, осторожней надо с такими вещами, где мы опять ребенка отрываем и противопоставляем его детям или оставляем наедине со специалистами, возможно, хорошими, и все замечательно, но это специалисты, они иначе все это видят. Они, извините, на зарплате, у них действительно полномочия и многое другое. То есть эти моменты в системе опасны. И здесь я с Вами могу согласиться.

Ну, эмоционально... Я тоже понимаю, но надо стараться эмоциональное насилие не осуществлять.

Александр Викторович, у нас обратилась Уполномоченный по правам ребенка из Ленинградской области Литвинова, у нее просто время "горит", надо уехать. Я знаю, что Вы джентльмен, давайте мы ей дадим слово, пожалуйста.

Уполномоченный по правам ребенка в Ленинградской области Тамара Александровна Литвинова.

Спасибо Вам большое, спасибо за поддержку. А потом Вы, Александр Викторович, хорошо? Спасибо.

Т.А. ЛИТВИНОВА

Спасибо большое.

Уважаемые коллеги! Сразу хочу сказать про тему беби-боксов. Мы, Ленинградская область, были в числе семи регионов, где в 2012 году установили этот позорный ящик – беби-бокс. В 2012 году он у нас и был снят, и больше он установлен не будет, это позиция губернатора и всей Ленинградской области. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Молодцы!

Т.А. ЛИТВИНОВА

Сразу хочу сказать: мы против ювенальной юстиции. И я думаю, что все 83 уполномоченных по правам ребенка в субъектах Российской Федерации против ювенальной юстиции. Мы против вторжения в семью, мы за развитие ребенка, его личности и за сохранение

его кровной семьи. Но бывает ряд таких моментов, когда просто невозможно. И поэтому мы все – общество, государство, вместе с общественными организациями (я всех вас очень люблю, независимо от того, какие и кто чем занимается) – работаем на одну общую идею – на ребенка. Поэтому мне хотелось бы быстро тезисно предложить ряд моментов, которые мы выработали у себя в Ленинградской области.

Сразу хочу сказать, что мы тоже проанализировали всю практику, подошли к этому очень ответственно и в большей степени проверяли все вопросы, которые были связаны с МВД, по карте безнадзорного. Поэтому я хочу сказать: чтобы нам разрешить эту ситуацию и не было у нас разного толкования, мы должны соединить все федеральные законы. У нас должно быть межведомственное взаимодействие. Сегодня о межведомственном взаимодействии никто не сказал. Ни один субъект системы профилактики отдельно работать не может, только коллегиально, только сообща, вместе выработать эту позицию. Поэтому законы № 442, № 120 и Федеральный закон "О полиции" должны быть вместе соединены, и вместе с Министерством образования и науки, которое осуществляет методическое обеспечение деятельности органов опеки и попечительства...

Далее – статья 69 "Лишение родительских прав". Мне кажется, нужно ее привести в соответствие с постановлением Пленума Верховного Суда от 27 мая 1998 года № 10 "О применении судами законодательства при разрешении споров, связанных с воспитанием детей". В постановлении Верховного Суда дается полностью разъяснение, по каким позициям можно родителей лишать родительских прав. Поэтому, если мы это соединим, у нас будет полноценная статья Семейного кодекса о лишении родителей родительских прав.

Я против статьи 77, сразу хочу сказать. Если все-таки статья 77 будет принята, то нам нужны четкие критерии разграничения, что такое угроза жизни, что такое угроза здоровью ребенка. Но мне больше нравится статья о временном перемещении ребенка, который находится в опасности.

Далее что я хочу сказать. В Семейном кодексе Российской Федерации (уже коллеги говорили) должен быть конкретный перечень субъектов (органов и учреждений), которые имеют право выйти с иском в суд об отобрании ребенка на основании, предусмотренном положением статьи 77 Семейного кодекса Российской Федерации.

Далее. Согласно положениям статьи 77 после отобрания ребенка органы опеки и попечительства незамедлительно информируют о принятом решении прокурора, в судебном порядке решают вопрос о лишении родительских прав. А как быть в случаях отобрания

подопечного ребенка из замещающей семьи (мы сегодня вообще об этом ничего не говорили), когда решается вопрос о прекращении опеки, расторжении договора о приемной семье с отстранением опекуна от исполнения возложенных на него обязанностей? Все это входит в компетенцию органов опеки и попечительства и решается сегодня во внесудебном порядке. В случае принятия решения об отстранении от исполнения обязанностей опекуна (приемного родителя) гражданин имеет право обжаловать его в судебном порядке. Имеет смысл предусмотреть раздельное регулирование процессов отобрания детей из кровной и замещающей семей.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Абсолютно верно.

Т.А. ЛИТВИНОВА

Далее. Сегодня мы говорили о том, что есть такие моменты, когда родители уклоняются от исполнения родительских обязанностей. Это "обмытая" формулировка. Я коснулась бы термина о том, что родитель, несмотря на то что субъекты системы профилактики постоянно с ним работают, не идет на контакт, не встает на биржу труда, не желает трудоустроиться. Да, с работой сложно. Но если говорить про Ленинградскую область, то у нас есть вакансии на рынке труда. Но тем не менее есть такие родители, которые вообще не хотят этого делать. Я понимаю, что в Конституции записано, что у нас человек сам выбирает, работать ему или не работать. Поэтому если мы скажем, что сегодня должно быть принудительное трудоустройство, – это нарушение права человека. Мы предлагаем исправительные работы по статье 5.35, он будет работать и будет доход в семью.

Следующее. Мы за принудительное лечение по решению суда (это алкоголизм, это наркомания).

Следующее. Мы с вами ничего не говорим о вторичном социальном сиротстве. Ведь каждый субъект Российской Федерации сдает форму РИК-103, где говорится о том, что все-таки у нас идет возврат детей как из опекунских семей, так и из приемных семей. Мы рассмотрели все причины и условия, которые говорили о том, почему все-таки опекун отказался и написал заявление о том, чтобы у него забрали ребенка и поместили его в государственное учреждение. Вот это страшно – вторичное сиротство. Мы предлагаем сегодня, у нас есть статья 127 Семейного кодекса... Пунктом 6 статьи 127 Семейного кодекса установлено, что в целях содействия психолого-педагогической и правовой подготовке лиц, желающих стать опекунами, осуществляется их подготовка по программе, утвержденной органами исполнительной власти

субъектов Российской Федерации. Каждый субъект выбирает свою программу. У нас записано количество часов – от 60 до 180. Мы предлагаем сегодня единую федеральную программу с максимальным количеством часов для подготовки приемных родителей, изъявивших желание взять ребенка в замещающую семью. Почему? Сегодня по закону у нас разрешено перемещение гражданина, человека из одного субъекта в другой субъект, и нам очень хотелось бы, чтобы все эти граждане, которые берут ребенка на воспитание в семью, были одинаково подготовлены профессионально.

Здесь я хотела бы еще сказать по органам опеки и попечительства, которые должны заниматься правовой грамотностью лиц, у которых в семье находятся дети, но за неимением времени ухожу.

Хочу сказать про межведомственное взаимодействие и про закон № 442. Сегодня говорили о том, что в социально-реабилитационных центрах находятся дети – социальные сироты. Неправда! В социально-реабилитационных центрах нет социальных сирот, с ними проводится работа по выходу семьи из трудной жизненной ситуации, для того чтобы вернуть ребенка в семью. И, если уже не получается, тогда крайняя мера – ребенок уходит в государственную семью.

Поэтому я хотела бы предложить изучить лучшие практики работы в этом направлении в Российской Федерации и только тогда уже делать полноценный, полнокровный доклад. Спасибо.
(Аплодисменты.)

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо.

Слово предоставляется Коваленину Александру Викторовичу, члену президиума Центрального совета Общероссийской общественной организации защиты семьи "Родительское Всероссийское Сопротивление". Тема – "Полемика о нормах по отобранию детей: путь к согласию". Новосибирск.

Следующий – Нечунаев Владислав Владимирович.

Ой, да, Зимова Юлия Константиновна просила...

Пожалуйста.

А.В. КОВАЛЕНИН

Уважаемые участники слушаний! Я хотел говорить больше о правовых нормах сегодня. У меня четыре пункта, о которых я хочу сказать, но начну с некоторых откликов на то, что уже прозвучало.

Во-первых, нужно сказать, что (прозвучало дважды, иначе бы я не стал говорить) ошибочная правовая оценка того, что происходит при самом массовом отобрании детей полицией. Когда полиция отбирает детей по социально опасному положению, это делается во исполнение приказа № 845, и поэтому полиция не может не исполнять приказ (не должна, но и не может). Но это делается вопреки закону № 120, по которому социально опасное положение – не повод для отобрания, а только лишь повод для индивидуальной профилактической работы. Это очень важно понимать, я не буду дальше разворачивать почему.

И второе. Как-то набирает, я вижу, поддержку идея временного перемещения вместо отобрания. Но, понимаете, это стандартная уловка, нам опека так и говорит: а мы же не отобрали, мы временно переместили. Чтобы временно переместить, нужно отобрать, и поэтому мы возвращаемся к исходному положению.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Нет, тут есть разница.

А.В. КОВАЛЕНИН

А как?

Е.Б. МИЗУЛИНА

Разница в этой процедуре.

А.В. КОВАЛЕНИН

Другое дело, что мы должны обсуждать, что происходит после отобрания, куда кто перемещает. Но это уже следующий вопрос повестки.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Вы же сами это... В госбанке данных о детях, оставшихся без попечения родителей, акт об отобрании – безусловное основание признания сразу ребенка оставшимся без попечения родителей. Если же мы его устраиваем (ну, кто-то назвал это временным переустройством, временным перемещением, я называла просто устройством или передачей ребенка родственникам в первую очередь, родственникам, тем, кто его знает), то это, извините, не есть акт об отобрании, это не есть признание ребенка оставшимся без попечения родителей.

А.В. КОВАЛЕНИН

Вот оставшийся без попечения (это статья 121)....

Е.Б. МИЗУЛИНА

И не ставится вопрос о лишении или об ограничении. Но если мы просто скажем "временное переустройство", то действительно здесь кое-что изменится, но не всё. Это надо прописывать, какая процедура.

А.В. КОВАЛЕНИН

Я о статье 121 скажу дальше.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, что Вы на это тоже...

А.В. КОВАЛЕНИН

Я хотел начать с неожиданного заявления, то есть я просто испытал на людях, которые хорошо знают Семейный кодекс, что оно тем не менее неожиданное. В Семейном кодексе нет статьи, которая запрещает отобрать ребенка просто так. Есть статья 77, которая разрешает отобрать ребенка в некоторой ситуации.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Правильно, у нас нет запрета.

А.В. КОВАЛЕНИН

А запрета отобрать нет. Не знаю, почему Светлана Юрьевна не может отобрать ребенка, если у отца одутловатое лицо. Приходи и отбирай.

Есть "ехидная" статья 68, которая говорит, что в таком случае, если ребенка отобрали, вы можете судиться. То есть если сумочку у вас отобрали, то полиция будет тут же что-то делать и работать, а если ребенка – то идите и подавайте в суд сами.

Мы предлагаем меру, я думаю, с ней все согласятся, даже наши оппоненты с самого крайнего, далекого от нас фланга, европейского, скажем так, потому что эта мера основана на Конвенции о правах ребенка, которую все уважают. То есть просим записать в статью 68, в ее начало, перед ее текстом: "Ребенок может быть разлучен с его родителями вопреки их желанию только на основании федерального закона или судебного решения". Все узнают Конвенцию о правах ребенка. То есть возникает база в том числе для следующих норм, корреспондирующих в Уголовном кодексе, об ответственности за такое разлучение.

Дальше, пункт 2. Вопрос об отобрании тесно связан с вопросом о родительских правах. В частности, одной формулировки из статьи 73 (цитирую: об отобрании ребенка у родителей без лишения их родительских прав) достаточно, чтобы убить отношение к родительскому праву как к чему-то существенному. Если можно отобрать ребенка без лишения прав, значит, лишение прав и само право – это просто какая-то бумажная фикция. А в чем же еще тогда состоит родительское

право? Мы сейчас не предлагаем какой-то редакции статьи 73, не потому, что она хорошая, а потому, что в кодексе нет фундамента для этой меры. Во всяком случае, понятно, что если нужна промежуточная мера перед лишением, то она не должна включать в себя крайнюю меру. Отобрание детей – это крайняя мера. А тогда ограничение – это не промежуточная.

Мы предлагаем целый ряд мер по формированию фундамента, который впоследствии позволит вернуться к статьям 73 и 69. Первая мера – вместо довольно нелепого пункта 2 статьи 64 (не только мы просим его уничтожить, это не наш особый радикализм, но и в пункте 24 Концепции совершенствования семейного законодательства, утвержденной Правительством, тоже говорится о том, что этот пункт надо убрать) мы предлагаем пункт 3: "Право родителей определять и представлять интересы ребенка может быть ограничено только судом на основании федерального закона".

Вот если мы это пропишем, то у нас появится впервые в Семейном кодексе само родительское право. И тогда все вопросы, которые сегодня звучали (давайте порядок возврата ребенка...), не нужны, потому что родитель приходит со своим родительским правом и говорит: я определяю, что в интересах ребенка быть не у вас в учреждении, а у меня дома. И всё. Родительское право должно появиться как юридическая норма, а не просто как некоторый якобы всеми понимаемый лозунг.

Другие составляющие этого необходимого фундамента – уточнение употребления терминов "интересы" и "законные интересы", понятия законного представителя, исключающего двойное представительство. Сейчас один представитель подает в суд на лишение прав другого законного представителя у нас в процессах. Эти вопросы у нас детально разработаны. Мы их представим, видимо, 30-го на слушаниях. Сегодня об этом важно было сказать в свете законопроекта, внесенного Правительством, о котором уже немножко поговорили, потому что там законное представительство просто отстраняется.

Теперь о самых грубых вещах. Ключевой вопрос проблемы отобрания детей – мы считаем, это даже не статья 77, а статья 121 Семейного кодекса. Она позволяет без всякого суда признать ребенка оставшимся без попечения, то есть присвоить себе право назначать ребенку другого опекуна из очереди за сиротами. Возникает казус с двойным представительством (я о нем уже сказал). Статья 121 изначально содержала достаточно строгий перечень обстоятельств, которые действительно и бесспорно говорят об утрате родительского попечения. Ей не хватало только четкости в том, что это должен быть статус, а не просто ситуация.

Но в 2008 году, вскоре после избрания президента Медведева, депутат Крашенинников во втором чтении одного из законопроектов (всё очень знакомо, да?) внес поправку о том, что отсутствием попечения стало считаться плохое попечение, то есть условия, препятствующие нормальному воспитанию и развитию. Возникло противоречие с самим смыслом этой нормы. И согласно статье 122 каждый гражданин автоматически стал обязан доносить на того, кто ненормально воспитывает, а опека получила право идти в дом и оценивать нормальность условий. Мы это всё сейчас предлагаем вернуть в исходное положение, то есть не буквально, а с опорой на норму, которая через пять лет после этого (в 2013 году) была принята в другом законе, там другая, более качественная дефиниция "оставшиеся без попечения" (закон № 159).

Одновременно поправляем статью 123, где прописываем приоритет все-таки родственного устройства, который декларирован в Федеральном законе "Об опеке и попечительстве", но не поддержан ни в Семейном кодексе, ни там же.

Такие изменения в статьи и 121 и 123 способны, по нашему мнению, снизить интерес к таким отобраниям детей, которые происходят ради их устройства под возмездную опеку.

Ну и последний пункт (я тогда сокращу буквально до одной фразы). По опыту общения с опекой (а его было очень много после появления поручения Президента, когда по-человечески стала опека много рассказывать про свои реальные трудности и свое реальное положение) мы убедились, что мы найдем консенсус в отношении статьи 77. Может быть, мы его найдем не со всем обществом (допустим, с Голодец мы вряд ли его найдем), но сотрудники, служащие и родители найдут консенсус в том, что из статьи 77 нужно убирать опеку. Опеке это не надо, опека сама просит отдать полиции на время две трети суток будних и два выходных из семи дней. На этом нужно не останавливаться, а просто принципиально решить вопрос. И мы убеждаемся, что она находит поддержку, в том числе у служащих. Поэтому идея убрать опеку из статьи 77 либо вообще убрать статью 77, либо, как более изящно предложила Людмила Николаевна... Это вполне консенсусная мера. Всё. Спасибо. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Александр Викторович.

Слово предоставляется Зимовой Юлии Константиновне, члену Общественной палаты.

Приготовиться Шишовой Татьяне Львовне.

Ю.К. ЗИМОВА

Спасибо большое.

Коллеги, я вообще первый раз на таких парламентских слушаниях. Я хочу подчеркнуть, что мы не являемся соорганизаторами данного мероприятия, и озвучить те предложения, которые поступали в Общественную палату в рамках исполнения поручения Президента, по мониторингу. Перед тем как я это сделаю, я хотела бы обратить ваше внимание на то, что сегодня было приведено очень много статистики, но не было приведено статистики о том, сколько детей у нас ежегодно в семьях гибнет, в том числе по вине опекунов. И я попрошу это включить в итоговую резолюцию, что эта статистика нужна нам с вами, для того чтобы делать соответствующие выводы.

Итак, среди тех предложений, которые поступали в Общественную палату, одним из наиболее, наверное, ярких я считаю видеофиксацию (мы ее уже не первый раз предлагаем) действий лиц при изъятии (отобрании) детей. Это, во-первых, поможет родителям, если действительно там ничего не было, а во-вторых, защитит в том числе от неправомерных действий.

Второе. Очень важная история с сопровождением психологом ребенка с момента принятия решения об изъятии, потому что сейчас, если ребенок один оказывается в учреждении, ему никто ничего не объясняет. Если все-таки это происходит и изъятие случается, то очень важно чтобы психолог был рядом.

Индивидуальное сопровождение няней. Очень часто, когда дети попадают в больницу, они там находятся одни. Это тоже очень важный момент, прошу его учесть.

Также было предложено адвокатирование ребенка, в том числе на условиях *pro bono*. Мы сейчас эту технологию рассматриваем и пробуем понять, как она будет реализовываться дальше.

Также просим все-таки рассмотреть возможность (и будем дальше работать, в рабочем порядке решать этот вопрос) временного отобрания или перемещения ребенка с учетом предложений общественных организаций, так как мы собирали предложения достаточно большого количества общественных организаций, общественных палат субъектов, практически во всех это предложение есть. Но, к сожалению, не все общественные организации свои предложения предоставили, поэтому сейчас и было предложение готовить альтернативный доклад.

Также было предложение о создании консилиумов, которые состоят из общественных организаций и психологов, юристов, родителей и так далее, которые могут принимать решение и помогать, чтобы это было не решение, принятое органами опеки. А также очень важная история, которая сейчас у нас есть в регионах, когда общественники предлагают другие варианты решения. Так как у общественников очень большой опыт действий в этой сфере, я думаю, это будет правильно.

Есть такое предложение – сделать федеральный реестр лиц, которым можно передавать детей в случаях, если они выявлены по акту безнадзорности, чтобы каждый человек мог написать в опеку и этот доступ был. Даже если у тебя ребенка забирают в пятницу вечером и опека не работает, чтобы тут же могли органы полиции найти его родственников и быстро передать. Потому что сейчас, если опека не работает или если эти родственники из другого города, это может затянуться на достаточно длительный срок. Поэтому, если каждый человек предоставит данные таких родственников, я думаю, это будет наиболее оптимальный вариант. Такое предложение тоже к нам поступило.

По полиции все понятно. Я считаю, что должна быть возможность все-таки временного изъятия в случае непосредственной угрозы жизни органами полиции, потому что мы видим, что бывают случаи (нам рассказывали), когда и в стиральной машинке детей стирают, и домогаются, и так далее, и так далее. То есть полиция ночью действовать может, и ей надо дать для этого соответствующий механизм, потому что сейчас его фактически нет.

Мы, кстати, тоже поддерживаем сопровождение порядка отобрания детей судебной процедурой, впоследствии подтверждение ее, скажем так, легитимности.

У нас на текущий момент есть яркие предложения (их было очень много). Если еще будут какие-то предложения, мы тоже готовы дальше их включать в разные доклады. Я хочу подчеркнуть, что предложений в данный доклад от родительских организаций не поступало. Не то что мы их не включали, а их не поступало. Спасибо.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Я могу сразу сказать, Юлия Константиновна: очень много предложений. И тот доклад, который у нас... в отличие от правительственного готов. Мы его сделали на основании мониторинга, который на протяжении нескольких лет ведут родительские организации, представители которых здесь выступали. Реальные факты, реальные примеры. И мы тоже все это подготовим. Действительно, то предложение, которое здесь есть по рабочей группе... Я могу Вас заверить: очень большое количество материалов, потому что мы с осени стали этим заниматься, я имею в виду, готовить сводную информацию. И не случайно одним из представителей – Элиной Юрьевной Жгутовой – был задан вопрос на пресс-конференции. Это в связи с тем, что уже было обсуждение у нас здесь очень-очень острое и много материалов (я вам могу сказать: не меньше 10 тысяч листов). У меня все систематизировано. Это гигантский объем.

Ю.К. ЗИМОВА

К нам тоже поступает очень большое количество материалов, мы их тоже анализируем.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Очень хорошо. Я с уважением отношусь и считаю, что это очень хорошо – когда есть (и будет) несколько независимых экспертных докладов, потому что мы тогда получим объективную картину. Потому что то, что даже перенесли подготовку доклада, в общем-то, свидетельствует о том, что последующую ситуацию после изъятия детей, что происходит с детьми и семьями, никто никогда и не отслеживал, кроме родительских организаций, то есть как бы это никого не интересовало. Взяли ребенка, с ним занимаются.

Знаете, на что я обратила внимание в Вашем выступлении? По какому вопросу хотелось бы договориться? Применительно к тому, как быть с детьми, которых отбирают из опекунских семей. Надо действительно очень четко дифференцировать, когда идет отобрание тем более из опекунской семьи, которая за заработную плату воспитывает детей... Она может быть очень хорошей, я ничего не могу сказать, но фактор, что это возмездная опека, о нем знают дети, а по мере взросления они еще больше об этом знают, и они знают, что их приемные родители получают за это зарплату, и никуда ты это не уберешь, – вот этот момент остается. Это одна ситуация, где все знают – и дети, и родители, – что они получают за это деньги. Другая ситуация – где опекунская семья родственная, не получающая деньги. Третья ситуация – где кровная семья. Подходы, критерии, порядок отобрания должны быть немного дифференцированы, едины, но с особенностями, поскольку, вы понимаете, это совершенно разные вещи. Легко взять, отобрать и передать в возмездную форму опеки. Но только вы понимаете, что дети-то это всё знают. Они же по мере взросления все это обсуждают. Они же приемным родителям вменяют... Почему родители возвращают детей? Они с ними справиться не могут. Потому что ребенок говорит: "Да ты за меня деньги получаешь" и начинает еще этим в некоторых случаях шантажировать. Этот момент тоже есть. Тут надо найти золотую середину.

Спасибо. Вместе будем работать, что мы и делали до сих пор. Мы делаем всё вместе с Общественной палатой. Людмила Николаевна тоже с нами все время. Всё совместно делаем.

Я предоставляю слово Шишовой Татьяне Львовне.

Приготовиться Бондаренко Николаю Николаевичу.

Просьба сейчас сокращать время до пяти минут, потому что иначе мы не успеем. Не все дождались даже.

Т.Л. ШИШОВА

Я хочу сказать, что я представляю здесь Российский детский фонд (член правления). Это старейшая общественная организация с филиалами во всех субъектах Российской Федерации,

созданная еще при советской власти. Он давно и очень сильно обеспокоен этой ситуацией, сложившейся в области защиты детей.

Наибольший процент отнятых детей – это дети от нуля до семи лет. Это самый уязвимый возраст в плане психического здоровья. В этом возрасте ребенок крайне нуждается в матери, никто не может ее заменить. Даже выделена эта важность материнского воспитания в отдельную рубрику по международной классификации и называется расстройством привязанности. И в том случае, если ребенок изымается из семьи и отнимается у матери, последствия для психики бывают часто катастрофическими. Это могут быть и депрессии вплоть до смерти, и серьезные задержки психического развития, и развитие аутизма, и расстройство поведения, и психосоматические расстройства, и бронхиальная астма, и язва желудка, и так далее. Данные по сиротам, медицинские обследования это подтверждают.

Очень важен психологический аспект – какими вырастают такие дети, особенно в ситуации, как мы видим, когда очень часто неправомерно изымают из семьи, и ребенок, и общество начинают это наконец-то осознавать. Вот этот Брейвик, который расстрелял кучу народа, был отнятым ребенком. Он вырос в какой-то приемной семье, в приюте, он ненавидел весь мир. В результате пострадало столько людей.

В США сейчас такая история: одного из наших детей, которых осчастливили международным усыновлением, отдали в семью гомосексуалистов. Сейчас этот сын вырос и терроризирует этих родителей, он их ненавидит. Они сами говорят, что он превратил их жизнь в ад. Так что это все очень большие последствия не только для семей.

Вот чем опасна, например, депрессия, которая развивается и у детей, и у родителей? Снижение трудоспособности. Человек в депрессии не может работать. Для государства это очень плохо. Наркотизация, алкоголизация, суициды, протестное поведение у детей, нарушение привязанности, девиантность, правонарушения и так далее, то есть рост всех негативных социальных явлений, а не только частное дело, не только страдание каких-то отдельных людей, хотя это тоже очень важно.

Я поддерживаю предложение Ольги Владимировны о том, что необходимо менять закон № 120, необходимо социально опасное положение выделять. Органы опеки должны устраивать сирот, а не заниматься никаким отобранием. И так далее. Я считаю, что необходимо отменить эти подзаконные акты (пересмотреть и отменить их), на основании которых очень часто действуют те, кто отбирает детей, – это регламенты и методички. Они вроде бы разные, но если мы посмотрим в

разных регионах, то увидим, насколько там стандартные, в общем-то, критерии, насколько они расширительные.

Я вам, например, приведу несколько. Что может свидетельствовать о жестоком обращении или насилии по отношению к ребенку? Психическое и физическое развитие не соответствует его возрасту, апатичность или, наоборот, агрессивность, изменчивое поведение, проблемы с обучением в связи с плохой концентрацией внимания (это все может свидетельствовать совсем о других вещах – о том, что у ребенка есть определенные проблемы и отклонения), повторяющиеся жалобы на недомогание, головную боль, боли в животе и так далее, чрезмерное стремление к одобрению, ласке любого взрослого, гипертрофированная забота обо всем и обо всех. То есть, короче говоря, если мы посмотрим (у меня просто времени нет) все эти методички, то увидим, что все что угодно можно трактовать как признаки жестокого обращения в семье, вмешиваться в эту семью, проводить всякие контроли, инспекции, сопровождения с угрозой отобрания.

Я считаю, что отобрание ребенка может быть в самых действительно крайних случаях. И то хронический алкоголизм и наркомания, аморальный образ жизни – это должно быть не отобрание ребенка, а изоляция этого человека и попытка его перевоспитания. А ребенок должен оставаться в привычных условиях с другими родственниками.

Вот здесь звучало, что собрано уже много фактов, когда помогали родительские организации возвращать детей. Я считаю, что Следственному комитету важно было бы провести расследование по фактам изъятия детей из семьи. Потому что здесь говорилось, что не все идут в суд и так далее. Многие люди просто вообще не понимали, что происходит, не имели денег на то, чтобы куда-то пойти. Если отнимают где-нибудь в Забайкальском крае, в какой-то глухой деревне (такие случаи бывали), то куда он пойдет? У него денег нет доехать. И вот поэтому, я думаю, важно было бы провести расследование по этим фактам и опираться не на документы, которые подготовлены органами опеки и прочими организациями, а на материалы объективного расследования. И я не сомневаюсь, что большая часть изъятий окажется незаконной. Выяснится, что семьям просто надо было помочь, а вместо этого был устроен массовый погром семей. И виновных необходимо привлечь к ответственности. Спасибо. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Татьяна Львовна. Думаю, что действительно есть в этом очень серьезные аргумент и основания, что именно такова практика изъятий, к сожалению.

Николай Николаевич Бондаренко, председатель Межрегионального общественного движения в поддержку православных социальных инициатив "Пчелки", заместитель главного редактора журнала "Человек и закон".

Приготовиться Барсукову Олегу Васильевичу.

Потом – Нечунаев.

Н.Н. БОНДАРЕНКО

Уважаемые коллеги! Как известно, проверка любой теории – это практика. По информации, которая поступает с мест, по возмущению родительской общественности по всей стране, по валу писем рядовых граждан в законодательное собрание Российской Федерации можно судить о том, что известная теория так называемой ювенальной юстиции, привнесенная в российское законодательство из-за рубежа, ставшая уже, к сожалению, практикой, не имеет поддержки у подавляющего большинства народа России. Попытка навязать эту систему несмотря ни на что является не чем иным, как провокацией, способной поднять народ на борьбу со своим государством.

В российском обществе существует достигнутый большими трудами политического руководства страны консенсус между народом и властью по базовым вопросам развития страны, и никому не дано право его нарушать, тем более в сложной обстановке вокруг нашей страны. Именно поэтому вопросам, которые мы сегодня обсуждаем здесь и сегодня, уделено пристальное внимание Президента России Владимира Владимировича Путина.

Некоторые аспекты упомянутой выше теории пока еще, слава богу, не ставшие практикой в России, но имеющие негативные последствия своего применения во многих европейских странах, а именно понятия психологического, морального насилия над детьми, поражают своей утопичностью и попросту противоречат здравому смыслу. Я уже не говорю о том, что они противоречат наиболее известным общемировым педагогическим системам.

Кстати, нужно отметить, что упомянутые мной выше понятия содержатся во внесенном в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации законопроекте о профилактике семейно-бытового насилия (номер сможете узнать из базы).

Нельзя воспитать ребенка без расстановки приоритетов в отношении того, что есть добро и что есть зло в национальной культуре. Теперь приходится говорить и об этом, поскольку во многих странах Запада то, что до сих пор осуждается в нашей культуре, культуре народов России, там уже считается достойным подражания.

Нельзя добиться от ребенка усердия без оказания на него некоторого давления, в интерпретации ювеналов – психологического насилия. Порой нельзя добиться у ребенка осознания недостойного поступка и работы над ошибками без оказания морального давления, например, когда мама перестает на некоторое время разговаривать с сыном по причине его недостойного поведения. Все это связано напрямую с особенностями детской психики и отсутствием у детей опыта. А первые фундаментальные знания и опыт о мире, о правилах, этике и взаимоотношениях между людьми приобретаются прежде всего в процессе взаимодействия с родителями.

Само понятие наказания, которое подвергается со стороны ювеналов необоснованной критике, в нашей национальной культуре считается понятием позитивным и происходит от слова "наказ". Без наказания, по сути, не может быть воспитания. В противном случае пришлось бы давно уже распустить суды, все тюрьмы и колонии. Но ни один ответственный государственный деятель ни в одной стране мира не будет выступать со столь абсурдным предложением. Тогда почему мы должны слушать людей, предложения которых не только не имеют ничего общего с педагогической наукой, но и лишены здравого смысла, то есть противоречат опыту многих поколений российских граждан?

Когда мы слышим о недопустимости физического насилия над детьми, то у родителей возникает множество вопросов: а имеет ли отец пока еще право резко схватить за руку ребенка, бегущего под машину? Поскольку от резкого захвата образуются синяки, а синяки уже являются причиной изъятия детей из семьи. А имеет ли еще право мать не пускать дочь, связавшуюся с дурной компанией, на улицу, заперев ее дома? А как должен поступать родитель, когда ребенок двух лет, несмотря ни на какие уговоры, лезет на подоконник? А что делать маме, когда у ее малолетнего ребенка температура и он плачет сутки напролет, зная о том, что соседи могут пожаловаться на нее в органы опеки? И не дай бог у ребенка при обследовании жилища окажется синяк на ноге. Все эти житейские вопросы, решавшиеся раньше в семьях на основе жизненного опыта и общепринятой практики воспитания, передающейся от поколения к поколению, теперь требуют, наверное, своей детальной проработки, утвержденных многотомных инструкций о том, как поступать родителям в той или иной жизненной ситуации.

Наверное, стоит вынужденно внести в российское законодательство понятие о мерах физического сдерживания, чтобы обезопасить родителей раз и навсегда от произвола органов опеки. "Как воспитывать детей?" – спрашивают сейчас родители, которых лишают последних рычагов воздействия на детей.

Порой кажется, что люди с ревностью, достойной лучшего применения, штампующие раз за разом очередные проекты законов, содержащие ювенальные технологии, и пытающиеся во что бы то ни стало защитить окончательно, бесповоротно права детей, лишены элементарных знаний об антропологии человека. Человек им видится абсолютно лишенным эмоций и живущим в идеальных условиях отсутствия каких-либо проблем и раздражителей. Наверное, человек им видится все-таки мертвым. Такой человек уже ни на кого не раздражается, в том числе и на своих детей, никому уже не способен причинить насилие.

Но все мы знаем, что человек грешен, что человек слаб. Но знаем мы и то, что человек способен раскаиваться в своих поступках и просить прощения у людей, которых обидел, в том числе и у своих детей. Так люди живут и существуют уже не одну тысячу лет. Но ювеналы не дают людям права на ошибку, права на исправление, права на раскаяние и права на примирение. Они мнят себя идеальными, единственными распорядителями человеческих душ, в том числе и детских. По сути, все эти люди сектанты, пытающиеся внедрить утопические идеи в юридическую, судебную практику. На наш взгляд, большинство из этих людей финансово заинтересованы, и мы имеем дело с элементарной политической коррупцией. Если обычные коррупционеры – это просто воришки, то политические коррупционеры торгуют родиной.

В нашем уважаемом собрании сегодня находятся депутаты Государственной Думы, вернее, последний депутат уже ушел, у нас есть один сенатор. Я хочу в лице нашего сенатора обратиться к депутатскому корпусу. Уважаемые коллеги, неужели для вас вопросы защиты семьи, повышения рождаемости в стране, вопросы укорененных в национальную культуру детско-родительских отношений являются вопросами второстепенными, недостойными вашего внимания? Ибо только так можно объяснить целенаправленное, планомерное, методичное продвижение ювенальных мерзостей в российское законодательство, чуждых нашей культуре юридических конструкций и понятий. Ведь, по сути, речь идет о попытках прервать в России передачу базовых ценностей от поколения к поколению, которые передаются двумя способами: во-первых, через систему образования, где, к сожалению, воспитательный компонент практически изжит; во-вторых, от родителей к детям. Так вот, базовые ценности передаются в процессе воспитания, путем упрощенного психического и морального воздействия на ребенка, а более широко – через расстановку приоритетов о том, что есть добро и что есть зло, в том числе и способами физического ограничения. Не случайно злополучный закон "о шлепках" в народе еще прозвали законом о запрете на воспитание.

Заканчиваю. Наше поколение, воспитанное в советское время, нашим геополитическим противникам уже не переформатировать, "ватников" уже не перелопатить. Но путем социальной инженерии посредством внедрения ювенальных технологий, чуждых нашей культуре юридических конструкций и понятий в наше законодательство через определенное время на территории России они хотят видеть поколение национальных предателей, не уважающих старших, не уважающих свое государство, не связывающих свою жизнь с судьбой страны. Мы просто обязаны отказать им в таком удовольствии. Не случайно все так называемые оранжевые революции осуществляются руками разнузданной молодежи, преимущественно за деньги. Это мы видели и в Югославии, и на Ближнем Востоке, и на Украине. Неужели нам это нужно? Каждый из нас ответит перед богом за ту работу, которую мы делали с небрежением.

На вас, уважаемые коллеги, лежит огромная ответственность. Будьте бдительны. Обращаюсь к вам как представитель родительской общественности. Сейчас очень много материалов по данной теме, которые можно при желании изучить и сформировать свою позицию по этим крайне важным для страны вопросам. Вы в состоянии защитить и поддержать не только российские семьи, но и свои семьи, которые также могут столкнуться с правовым беспределом на местах, но тогда, когда вы уже не сможете защититься от социальных служб своей депутатской неприкосновенностью.

Что касается социальных служб в России, для семьи они должны стать не карательными органами, а помощниками в решении преимущественно внешних проблем, с которыми сталкиваются и дети, и их родители. Защитниками, но не судьями.

Уважаемые коллеги! У нас в стране есть один человек, который обладает полномочиями, волей и разумом отбивать руки тем, кто протянул их к горлу России. Но, несмотря на это, я призываю вас, здесь сидящих, совместными усилиями отбить руки тем, кто пытается внедрять в российское законодательство вредные, чуждые нашей национальной культуре юридические конструкции и понятия, пытаясь задушить российскую семью. Эти национальные предатели, к сожалению, находятся и в составе Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации, и в Совете Федерации. Они улыбаются вам при встречах и жмут вам руки, подспудно торгуя Родиной. Давайте подвергнем их всеобщему ostracismu и презрению. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Николай Николаевич, спасибо. Конечно, очень сильно и... Правда, это честно. Спасибо.

Слово предоставляется Барсукову Олегу Васильевичу, члену Адвокатской палаты Санкт-Петербурга, члену Общественной организации защиты семьи "Родительское Всероссийское Сопротивление".

Приготовиться Нечунаеву Владиславу Владимировичу.

Осталось немного выступающих. Из тех, кто вытерпел до конца, еще Величкова и Шмелёва.

Пожалуйста. Только, пожалуйста, пять минут.

О.В. БАРСУКОВ

Если можно, картинку под номером ноль (у меня там такая есть).

Здесь представитель Верховного Суда приводил статистику по поводу лишения родительских прав и восстановления в родительских правах. Это прекрасная статистика. Я в связи с этим хочу сказать, что мы сейчас говорим не о тех случаях, когда лишают родителей по закону, который действует, – по Семейному кодексу. Мы против действующего Семейного кодекса ни в коем случае никогда не протестовали и не будем протестовать.

Я хочу сказать о тех методах, о тех случаях изъятия, которые производятся системой межведомственного взаимодействия. Эта система межведомственного взаимодействия действует как раз вопреки законам, в том числе вопреки Семейному кодексу, в том числе вопреки закону № 120 и другим законам, вопреки, то бишь с превышением полномочий, то бишь при наличии признаков конкретных должностных преступлений. Эта система взаимодействия... Я еще раз подчеркиваю: мы не опеку здесь "кошмарим". Кстати, я не хочу никого, отдельных лиц, обвинять в чем-то, я просто говорю о том, что у нас сейчас это есть.

Система межведомственного взаимодействия сама по себе является органом, который строит совершенно параллельную какую-то законодательную, нормативную базу, которая ничего общего с законностью не имеет. Это выглядит либо в виде каких-то стратегий, либо в виде каких-то концепций, либо в виде каких-то... Я не имею в виду Национальную стратегию действий в интересах детей. Они зачастую превышают то, что написано в стратегии действий в интересах детей. Это выглядит в виде методичек и так далее. Это совсем не законодательство.

Я сейчас, занимаясь защитой прав семей, сделал открытие. В виде открытия я представляю эту таблицу. Вы ее можете посмотреть внимательно. На самом деле никакого велосипеда я здесь не изобретаю, но эта система межведомственного взаимодействия сама по себе представляет некий субъект, который совершает все эти изъятия, которые мы сейчас вынуждены обсуждать.

Я сделал также открытие с субъективной стороны, что это делается не из материальной заинтересованности, не только из экономических соображений. Конкретные цели, которые преследует некий субъект, – это разъединение людей. Об этом уже Николай Николаевич говорил (спасибо ему), останавливаться не буду. Это война всех против всех. Это оно самое и есть. Само по себе финансирование этой системы вторично. Первично именно желание посеять рознь между людьми, взаимную ненависть между родителями и детьми, между органами межведомственного взаимодействия и остальными гражданами.

Я попрошу включить ролик 4-б, он на полторы минуты. Вы его посмотрите, и я потом его прокомментирую. Постараюсь в пять минут уложиться.

Е.Б. МИЗУЛИНА

По Умарали Назарову?

О.В. БАРСУКОВ

Да, по Умарали Назарову. Дело Умарали Назарова... там изъятый младенец умер. Вы его посмотрите. *(Идет демонстрация видеоролика.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Вот, его видно, ребенка. На экранах у вас есть...

О.В. БАРСУКОВ

Нет-нет, здесь ребенок уже мертв. Мать Умарали Назарова везут на экспертизу насильно.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Генетическую. У нее отобрали ребенка?

О.В. БАРСУКОВ

Нет-нет, не совсем. У нее хотят взять кровь на наличие цитомегаловируса. Я сейчас объясню, честное слово.

Сотрудник полиции врет, совершает подлог обстоятельств. Он имеет право отказаться от этой экспертизы на основании статьи 195. В кадре присутствует следователь, который расследует это уголовное дело.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Меньше шести месяцев. Через два часа ребенок умер в центре реабилитации, причем умер захлебнувшись, кстати, на пеленальном столике.

О.В. БАРСУКОВ

Послушайте, что будет говорить сейчас это майор.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Мне нужна эта пленка. Мы возобновим...

ИЗ ЗАЛА

(Говорит не в микрофон. Плохо слышно.) Скажите, это правда, что матери "шкурку" вернули без органа?

О.В. БАРСУКОВ

Сейчас об этом расскажу как раз.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Какую "шкурку"?

ИЗ ЗАЛА (тот же)

Без органа вернули этого ребенка.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Без какого органа? Ничего не поняла. *(Оживление в зале.)*

С МЕСТА

Нет, не правда.

О.В. БАРСУКОВ

Значит, смотрите, что происходит: здесь не только опека, этого ребенка...

Е.Б. МИЗУЛИНА

И не столько опека.

О.В. БАРСУКОВ

Не только опека и не столько опека. Я Общественной палате (Юлия Константиновна напрасно немножко грешила) пару дней назад таких роликов показал штук 10, где есть видеосюжеты подобные. Это самый такой показательный случай, где все элементы органов межведомственного взаимодействия задействованы. Так вот, я только с видео показал таких случаев около десятка. В базе РВС подобных случаев отобрания детей – более 150 (там, где зафиксированы случаи незаконного отобрания), а случаев с угрозами отобрания – более 100. То есть десятки таких случаев, когда система межведомственного взаимодействия, основываясь не только на материальном интересе, совершает вот эти (я их называю своими словами) преступления – это превышение власти, это злоупотребление служебными полномочиями, это должностные подлоги и так далее.

Этого ребенка отняли при наличии признаков должностного подлога. В присутствии матери ребенок был признан безнадзорным и беспризорным.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Нет-нет, заблудившимся или подкинутым. И акт составлен. Ребенку нет и шести месяцев.

О.В. БАРСУКОВ

Акт был составлен на основании федерального закона № 120-ФЗ. То есть ребенок был признан беспризорным.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Инструкция № 845.

О.В. БАРСУКОВ

Да. После этого пришла бабушка, которая принесла свидетельство о рождении, которая пыталась доказать что есть на самом деле. После этого первый раз бабушка этого ребенка, который впоследствии умер...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Это всё в этот же день, в течение...

О.В. БАРСУКОВ

В этот раз бабушка впервые в жизни услышала вот эту знаменитую фразу – "по барабану". "Мне по барабану твое свидетельство о рождении" – сказал ей сотрудник полиции.

И вот то же самое – "по барабану" – слышит мать погибшего ребенка. Для того чтобы показать, что все-таки она виновата, у нее пытались эти пробы взять, наплевали на всех адвокатов и прочих. Самое интересное, что незадолго до того, как это случилось (вы видите, этот случай произошел 10 ноября), накануне этого я сам лично подходил к следователю и говорил: "Вы знаете, есть статья 195. Не берите грех на душу". Я сам лично подходил к начальнику следственного отдела Следственного комитета (я эту таблицу потом покажу) и то же самое ему говорил. Они проигнорировали то, что было на самом деле. Они тем не менее совершали эти преступные действия. И самое интересное – за 10 дней до этого беспредела, который вы сейчас видели, Председатель Правительства пообещал президенту Таджикистана, что он берет это дело под личный контроль. То есть вот эти все бесчинства совершались под личным контролем Председателя Правительства. И не случайно в этой системе межведомственного взаимодействия (там у меня Председатель Правительства стоит как бы наверху)... Я ни в коем случае не пытаюсь обвинить Председателя Правительства, я просто констатирую факты, что все эти бесчинства совершаются вот этой системой межведомственного взаимодействия без всякого закона.

Первое, что я предлагаю в качестве законодательной инициативы (кроме того, что предлагала Людмила Николаевна, кроме того, что предлагал Александр Коваленин): категорически исключить возможность участия Правительства в законотворческой деятельности,

которая касается их деятельности. Исполнительные органы власти должны исполнять закон, а не его моделировать в своих же интересах. Сейчас получается, что они создают нормы в своих интересах. Не в интересах граждан России, не в интересах семей, а в своих интересах.

И второе предложение. Поскольку главная цель ювенальной юстиции направлена на разлучение, на рознь и вражду, я предлагаю норму, которую срочно нужно принять: любой родитель, даже после того, как его лишат родительских прав (мы не можем отказаться от института лишения родительских прав, да, нужно лишать и алкоголиков, и наркоманов, вполне возможно)... даже такой родитель, лишенный родительских прав, должен сохранять за собой право общаться со своим ребенком всегда, без ограничения времени. Эта норма не потребует ни денег, ни дополнительного финансирования – ничего. Никаких интересов ребенка она не нарушает. Единственное, когда ребенок категорически отказывается общаться с родителем, то этот факт должен быть зафиксирован на видеосъемке и тогда родителю может быть отказано в общении с ребенком. Это единственный может быть случай. Во всех остальных нужно сохранить за родителем это право. Спасибо. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Олег Васильевич, спасибо Вам большое.

По поводу лишения Правительства права законодательной инициативы... Это конституционная норма, поэтому нужна поправка в Конституцию. Но я замечу, что очень во многих демократических странах, вы знаете, основной субъект права законодательной инициативы – именно правительство. Но это не мешает им принимать нормальные законы. Но я согласна с Вами, что сегодня засилье законодательных инициатив Правительства, удобных Правительству, удобных чиновникам, но не людям. И вот здесь возникает вопрос: а у нас вообще Правительство работает для людей или для самого себя? Это вопрос и политический, и нравственный. И для общества он знаковый. Я вместе с вами, когда вижу такие сюжеты и знаю, как это распространено, знаю, как протаскиваются законы "с колена" и всякие поправки, я действительно глубоко сомневаюсь, на кого работает нынешнее российское Правительство.

О.В. БАРСУКОВ

Вы знаете, в этом случае матери Умарали Назарова выдали...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Гробик, да.

О.В. БАРСУКОВ

Туда пришел адвокат. Они говорят: мы не позволили взять у нее кровь. Начальник следственного отдела что сказал? Он сказал: "Ну, хорошо, мы по-другому решим вопрос". И они после этого вытащили тело ребенка из холодильника и выдали матери уже разложившимся. Так уже никакой экспертизы нельзя было сделать. Даже при наличии гистологии и так далее мы знаем точно, что он умер не от цитомегаловируса. Это чушь полная. Вот так поступает...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Дайте мне, пожалуйста, этот ролик, потому что я занималась по поручению Совета Федерации этой ситуацией, мы давали заключение. Нам прислали, что все вообще замечательно, никакого никакой вины нет. Вот то, что Вы показали, это же тоже является... В любом случае это грубейшее нарушение. Насколько я понимаю, это ведь сюжет уже после того, как малыш умер?

О.В. БАРСУКОВ

Это после того, как умер. Это ювеналы заметали следы. Они, вместо того чтобы расследовать обстоятельства отобрания ребенка, занимались доказательством того, что в этом виноваты родители.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Я считаю, что это надо продолжить. Я этот ролик отправлю в Генеральную прокуратуру.

О.В. БАРСУКОВ

Мы опубликуем... Я порядка 10 случаев на видео зачитал. Мы сейчас смонтируем этот ролик, это будет целый документальный фильм. Мы его опубликуем. Ради бога, и Совет Федерации просим, защитите нас от такого Правительства.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо, Олег Васильевич. Совет Федерации... Это надо общество... *(Говорят одновременно.)*

О.В. БАРСУКОВ

Ну, раз мы в Совете Федерации, давайте защищайте. У вас, в Совете Федерации, тоже есть те, кто поддерживает подобные действия. Вы тоже знаете об этом.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Ну, есть. Но у нас есть этика. Спасибо Вам большое. И хорошей дороги.

Нечунаев Владислав Владимирович, юрист Общественного уполномоченного по защите семьи в Санкт-Петербурге.

Приготовиться Величковой Оксане Ивановне, а затем – Шмелёвой.

Пожалуйста, Владислав Владимирович. Только, пожалуйста, коротко.

С МЕСТА

Шмелёвой нет.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Нет Шмелёвой. Тогда – только Величковой.

В.В. НЕЧУНАЕВ

Уважаемые участники парламентских слушаний, уважаемая Елена Борисовна! Прежде всего, разрешите вас поблагодарить за организацию данного мероприятия, считаем его очень важным.

Наша организация много лет занимается защитой прав семьи, имеем большой опыт юридической работы. Мы можем свидетельствовать о том, что те тенденции, о которых здесь говорилось, действительно имеют место. Это и перекоп в сторону карательных мер в отношении родителей вместо оказания реальной помощи семье, это и рост, увеличение полномочий органов опеки и полиции, при этом права родителей уменьшаются. Также мы наблюдаем укоренение принципа виновности родителей: родитель априори считается недобросовестным и вынужден постоянно доказывать обратное.

Мы также видим факты изъятия детей не только по статье 77 Семейного кодекса, но и по статье 121, и по федеральному закону № 120 по акту безнадзорности, а также имеем много случаев так называемого добровольно-принудительного помещения детей по заявлениям родителей.

У нас недавно в Петродворцовом районе был случай, когда ребенок обжегся и мать была вынуждена под угрозами и давлением органов опеки и полиции написать заявление, и целый год остальных детей ей не возвращали, а их всего было трое. Также мы наблюдаем увеличение доли, количества изъятий по актам полиции.

Увеличивается контроль школ и медицинских учреждений за семьями. Мы сейчас сталкиваемся с такими случаями, что родители уже опасаются обращаться за медицинской помощью, зная, что немедленно будет соответствующее сообщение и им придется оправдываться перед органами опеки или перед инспекторами ПДН.

Но теперь мы уже имеем и другие случаи, когда тем же самым (доносительством) занимается и школа. У нас только в этом году было два случая. Мы знаем, что родители не хотят водить детей в школу из-за этого внедренного регламента межведомственного взаимодействия, так как опасаются, что через школу семья подпадет под контроль, чего никто не хочет. И родители вынуждены избирать другие формы – семейного и домашнего обучения.

Что мы предлагаем по законодательству и в свете отобрания ребенка? Мы предлагаем отменить комиссии по делам несовершеннолетних. Мы считаем, что этот коллективный орган не имеет никакой ответственности за принимаемые решения. Реальную помощь семьям они не наказывают, а только штрафуют. У нас, в Санкт-Петербурге, в 2015 году произошел двукратный рост числа родителей, привлеченных по статье 5.35 (недобросовестное исполнение родительских обязанностей) этими самыми комиссиями. Как минимум нужно убрать у них полномочия по наказанию и ведению административного производства.

Мы также выступаем за то, чтобы исключить статью 77 из Семейного кодекса, и против того, чтобы законодательно прописывать какой-то порядок изъятия детей, потому что все предложения носят сугубо ювенальный характер и только расширяют полномочия этих органов.

Необходимо, по нашему мнению, ввести нормы, согласно которым разлучение детей и родителей будет возможно только при совершении уголовно наказуемого деяния родителей против детей.

По федеральному закону № 120... Мы также считаем, что это просто рудимент 1990-х. Считаем, что его нужно или отменить, или коренным образом пересмотреть, оставив только случаи явной беспризорности, когда полностью отсутствуют родители.

Вот у меня, например, имеется акт (недавно составлен акт). Полиция (Выборгский район Санкт-Петербурга) изъяла ребенка, находящегося в квартире. Признали его безнадзорным. Как вы думаете, сколько ребенку лет? Никогда не догадаетесь. Девять лет, 3-й класс. То есть считается, что если он третьеклассник, то ему нельзя дома находиться одному. Было время – 16 часов. Мать вышла на несколько часов за документами. Сосед сообщил, приехала полиция и составила акт, что он остался безнадзорным. По акту по закону № 120 его изъяли.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Проникли в квартиру.

В.В. НЕЧУНАЕВ

Вот такие примеры применения федерального закона № 120 и как это используется на местах.

Также мы считаем, что нужно убирать социальное сопровождение из закона и убирать, снижать спрос на сирот. У нас сейчас, надо сказать честно, существует целая кланово-корпоративная группа, которая заинтересована в наличии большого количества сирот и так называемых неблагополучных семей. Вот эта система, которая создана, конечно, что называется, искусственным образом воспроизводит сирот. К этому числу относятся и иностранные

усыновители. У нас, например, в Петербурге после принятия "закона Димы Яковлева" в два раза сократилось количество детей, родители которых были лишены родительских прав по решению суда. Это мы только запретили американское усыновление. Поэтому мы считаем, что нужно и другие формы иностранного усыновления отменять, потому что это провоцирует искусственный рост сирот. И также платные формы устройства детей провоцируют и приводят к этому же.

Раздутые штаты сиротских учреждений, различных социальных учреждений – это тоже способствует этому же самому, потому что они должны обосновывать свою значимость, необходимость и показывать свою работу.

Мы также против того, чтобы происходило разгосударствление услуг в сфере защиты семьи и детства и таким широким жестом эти полномочия передавались различным НКО. По НКО здесь выступали, я повторяться не буду. Очень многие из них, мягко говоря, финансируются из-за рубежа, несмотря на то что иностранными агентами не являются. Мы считаем, что те организации, которые финансируются из-за рубежа, ни в коем случае не должны допускаться ни к семье, ни к детям и ни в каких реестрах социально ориентированных НКО быть не должны.

Кроме того, мы считаем, что вот этот новый законопроект о внесении изменений в ГПК, который внесло Правительство, – это, по сути дела, введение ювенальных судов, полная, так сказать, калька с западного опыта, поэтому у нас это совершенно недопустимо и неприменимо. Спасибо за внимание. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо. Очень интересные предложения, в том числе по поводу НКО, включения в статус социально ориентированных, если они получают иностранное финансирование. Надо подумать. Это серьезный вопрос.

Последний выступающий у нас – Величкова Оксана Ивановна, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Воронежского государственного университета. Пожалуйста.

О.И. ВЕЛИЧКОВА

Здравствуйте, уважаемые коллеги и друзья! Спасибо тем, кто остался, нас немного, но, я думаю, это как раз люди, которые по-настоящему заинтересованы. Хотя я не хочу никого обижать, у всех действительно были дела.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Еще там, в соседнем зале...

О.И. ВЕЛИЧКОВА

Я сначала переживала, Елена Борисовна, что Вы долго меня не вызываете, я даже уточнила... Но, поверьте, выступать последней, наверное, не менее почетно, чем первой, честно говоря. Спасибо огромное за такую случайную возможность. *(Аплодисменты.)*

Уважаемые коллеги! Я – юрист, Елена Борисовна объявила, ученый, хотя это очень громко звучит, но приятно так называться. И, конечно, понимаю все проблемы, которые есть. Кроме того, я мать троих детей, практикующий специалист и так далее. Я воспитываю детей и знаю, какие проблемы возникают. Честно, лично я не очень люблю органы опеки в силу некоторого негативного опыта, который был, но тем не менее попытаюсь трезво судить о тех проблемах, которые мы сегодня подняли, и все-таки дать некий механизм (хотя, безусловно, что-то принципиально новое сказать сложно, сегодня очень много было интересных идей), свой взгляд, свое видение.

Сначала действительно надо признать, что сегодняшнее применение, скажем так, оперативных мер защиты ребенка – на ненадлежащем уровне, имеет большие перекосы, иначе не было бы тех примеров, которые приводили уважаемые коллеги. При всех видеороликах меня почему-то поразил пример одного из первых докладчиков – о плесени на варенье. Вот лично для меня это был какой-то показательный маразм, честно говоря. Безусловно, таких вещей быть не должно. Но мы должны трезво сознавать: наше общество несовершенно. Действительно, страшные вещи творятся в некоторых семьях, и не защитить ребенка в такой ситуации просто нельзя.

У нас у всех свой опыт. Я тоже вспомнила одну реальную ситуацию, когда органы полиции пришли, по сути, в наркоманский притон, заброшенный дом, обнаружили соответствующую компанию. В углу лежала 2,5-летняя девочка, у которой крысы уже начали грызть носовую перегородку. Это реальный случай. Как в такой ситуации не отобрать ребенка и чего-то ждать – каких-либо расследований, доказательств и так далее? Вот как это можно было сделать? Я почему знаю подробности? Потому что женщина, которая была в этой группе, потом удочерила эту девочку. Вот так случилось. Это впечатление произвело. Это моя коллега.

Я к чему это говорю? К тому, что ни в коем случае (используя известную поговорку) нельзя с водой выплеснуть младенца. И мы сегодня, реформируя меры оперативного воздействия, должны обязательно понимать, что надо оставить их как раз в целях защиты интересов ребенка.

Что надо сделать? От терминологии, Елена Борисовна... При всем при том, что мне очень симпатизирует Ваша идея переименовать "ограничение" в "передачу", "перемещение ребенка"... Извините, я что-то сегодня к вечеру от усталости какими-то такими литературными цитатами...

Как лодку назовешь – так она и поплывет, наверное, да? Мы, может быть, смягчим действительно резкость, но где-то (я уже представила) это может выглядеть комично: приходит рыдающая мама, у которой переместили ребенка, в соответствующие организации обращается, а ей говорят: "Вы не волнуйтесь, у Вас не отобрали, у Вас его только переместили соответствующие органы". Тут ведь важно на самом деле не только название (это, мне кажется, уже следствие), а вот сам соответствующий механизм: основания и порядок. Основания, касающиеся общих формулировок в статье 77 (непосредственная угроза жизни или здоровью), мне кажется, следует признать в целом разумными как идею, но трактовка этих формулировок, безусловно, имеет такие перекосы, мы видим.

По поводу... Мы можем законодательно уточнить, трактовать четко. Но если мы говорим об оперативном... мы знаем, что оно долго проходит, законодательная инициатива... Я удивилась, почему судья Верховного Суда не сказал (возможно, не знает, возможно, забыл), но буквально 28-го числа (я там не присутствовала, я в Интернете...) Председатель Верховного Суда господин Лебедев был на совещании председателей судов и четко говорил, что Верховный Суд озабочен проблемой. Готовится новый Пленум по лишению, по ограничению с подробной трактовкой, что такое отобраение ребенка.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Он вслух не говорил. Он мне сказал, что это будет на март... Но он как раз сомневается, не следует ли его перенести, поскольку, видите, Правительство внесло соответствующий законопроект, где поправки, мы обсуждаем необходимость внесения изменений. Не будет ли раньше времени этот Пленум по отобраению и лишению, если нужно вносить поправки? Он про это говорил.

О.И. ВЕЛИЧКОВА

Да. Я очень быстро... Безусловно, если мы меняем конструкцию, можно как бы перебежать поезд. А с другой стороны, если мы будем долго менять... Надо сейчас хотя бы разъяснить, чтобы какой-то острый момент убрать, чтобы случаев с плесенью (извините, как-то у меня врезалось...) не было. Это первый важный момент. То есть сейчас они могут это сделать быстро, пока наш механизм законопроекта будет все-таки долго идти. Это объективно.

Второе, что касается того, кто отбирает. Были сторонники позиции, что надо сильно что-то менять, но с абсолютно противоположенными идеями: одни говорят, что нужно отдать все полиции, другие – органам опеки. Следует признать, что все-таки орган опеки – это тот государственный орган, который следит за детьми и должен отвечать. Но без работников полиции

невозможно в силу необходимости оперативно... Поэтому, на мой взгляд, это должен быть единый порядок (не два альтернативных варианта, он должен быть один, общий), возможно, при совместном участии органов полиции и органов опеки.

Очень кратко... Я услышала вас, увидела коллег, что отказались от идеи, скажем так, судебного отобрания. Согласна, что в том варианте, который предлагала Агапитова, за 24 часа – это будет аналог такого скорого, формального... То есть мы одну административную скорую процедуру заменим другой скорой, только судебной. Принципиально ничто не изменится. Но, если пойти глубже и дальше – другие сроки прописать, контроль суда, наверное, все-таки есть над чем подумать. Но мы не ослабим отобрание, а, наоборот, усилим необходимый контроль за соответствующими действиями.

Поверьте, как бы мы к органам опеки ни относились, как бы я ни понимала судебные проблемы, но зачастую при всех ошибках конкретных органов опеки по конкретным делам, когда давались необоснованные заключения в интересах конкретных родителей и так далее, именно суд выравнивал всё и не учитывал такие перегибы, которые органы опеки позволяют. В том числе почему они это позволяют? Нет у органов опеки соответствующей ответственности за неправомерные действия, которые они совершают. Вот нужно механизм ответственности вводить. Это однозначно.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Обязательно. И не только опеки, а всех, кто сегодня осуществляет изъятие, и полицейских подразделений тоже, и по делам несовершеннолетних, и так далее.

О.И. ВЕЛИЧКОВА

Согласна. Собственно говоря, я уже заканчиваю идею о том, что необходимо оставить оперативные меры, сделать четкие основания и разработать оптимальный единый механизм отобрания, исключив вот такие, что называется, безосновательные случаи, и только при действительно непосредственной угрозе жизни и здоровью.

С чем я принципиально не согласна? С тем (вначале прозвучало у уважаемого выступающего), что это должны быть только виновные действия. Позвольте, но мы ребенка защищаем. Если мама сошла с ума и из-за своего сумасшествия не кормит, не поит ребенка, не смотрит за ним, и он в таком состоянии находится (у нее нет вины, у нее нет субъективного отношения к этому, она не понимает...), мы тоже должны ребенка отбирать. И, если мы будем элемент каких-то доказательств, таких судебных процедур, следственных действий... мы не

сможем защитить ребенка в острой ситуации. От этого все-таки, мне кажется, стоит отказаться. Спасибо. У меня все. *(Аплодисменты.)*

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да. Но, если мама сошла с ума, все равно вы в первый момент не сможете это сказать. Все равно нужно признавать ее недееспособной, установить этот факт, про что мы и говорим. А когда мы сразу отобрание... Вот они пришли и сразу отобрали, а потом может выясниться, что эта мама всего-навсего родила второго ребенка и у нее послеродовое такое обострение, и через некоторое время все пройдет. Поэтому если мы экстренные меры... Может, это будет названо экстренной помощью, может быть, это будет передача, может, это будет временное устройство, но если мы пойдем не по пути отобрания, чтобы не бить вот этим мечом, который на самом деле как клеймо, а для того чтобы было время разобраться, определить... Но ребенка мы уже защитили. Мы его на некоторое время убрали из той среды, которая с очевидностью представляет для него на данный момент опасность. А дальше уже давайте разберемся спокойно и решим, ставить вопрос о лишении родительских прав, об ограничении, искать ему какую-то форму устройства или еще что-то, что делать. Сейчас-то этого разграничения нет.

Сейчас – вот ты делай и моментально определяйся. И, действительно, здесь органы опеки оказываются как бы крайними, потому что это они должны в первый момент быть вот такими прозорливыми, видеть все сразу: да, надо отобрать.

О.И. ВЕЛИЧКОВА

Я к чему говорю? Не надо изначально что-то прямо четко доказывать, а надо спасти ребенка и потом спокойно, последовательно под контролем суда...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Вот! И мы с Вами тут едины, но это не отобрание тогда действительно, а в первую очередь как бы перенос, или перемещение, ребенка из ситуации, где ему опасно в данный момент, это очевидно, туда, где ему не опасно.

О.И. ВЕЛИЧКОВА

При этом с четким перечнем оснований для такого перемещения.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Это обязательно! Это нужно обязательно, здесь абсолютно... Так же, как и самой процедуры. Это тоже верно.

О.И. ВЕЛИЧКОВА

Но контроль...

Е.Б. МИЗУЛИНА

Спасибо Вам большое за Ваши предложения. Если они будут в письменном виде, тоже будем признательны.

Уважаемые коллеги! Время уже мы даже перебрали. У нас в парламентских слушаниях приняли участие 117 человек, для вашего понимания. Мы в двух или в трех комнатах находились. Записался 31 человек для выступления, выступили – 24. Некоторые, я сожалею, ушли, не дождавшись, просили, но неудобно... Там, где уезжали представители из регионов и просили, я постаралась включить. Но, к сожалению, там, где люди из Москвы... Я понимаю, все уважаемые, замечательные, но вот они не дождались. Ну что делать?

Я благодарю всех за участие в этом обсуждении. Мы проанализируем стенограмму, обязательно обсудим предложения. Предложений поступило невероятно много (я фиксировала и по ходу, кто-то нам отдал в письменном виде). Но нас очень интересует эта ситуация, связанная с отображением. Могу сказать, что практически все (а выступали разные представители) согласились с тем, что в том виде, в каком сейчас существует, даже по статье 77, институт отображения, он, конечно, не годится. И практически все согласились с тем, что это должно быть не отображение, а какая-то иная форма – экстренное перемещение, временное устройство, передача, экстренная помощь, срочная помощь ребенку, защита ребенка, но с тем чтобы сразу не разрывать вот эти связи родителей и детей. Будем здесь думать, искать вариант. Очень хорошо, что здесь уже есть фактически подавляющее большинство тех, кто считает, что надо несколько изменить природу этого института.

Применительно к межведомственному взаимодействию могу Вам сказать: благодарю, Олег Васильевич, передайте эту схему, но, я Вам скажу, она неполная. У вас те, кто...

О.В. БАРСУКОВ

(Говорит не в микрофон. Плохо слышно.) Я очень прошу ее дополнить.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, это все мы вместе с Вами сделаем, все это есть. И она более коварная, и она не такая безобидная и не случайно созданная, очень продумана. И если особенно посмотреть последовательность, как создавалась система, грустно это признавать, но это создано очень разумно хорошими социальными инженерами, да, талантливыми людьми. Но ее переформатировать и тем самым сделать из зла добро, потому что, если система одним помогает, а других при этом уничтожает, эта система не то что несовершенна, она фактически...

ИЗ ЗАЛА

Она преступна.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да. И тем более ведь в этой системе не оценивается, что переживает и как страдает от этого ребенок. Вы показали некоторые примеры, где он фактически лишается жизни (такие примеры есть), и, более того, либо совершаются сознательные суициды, либо просто погибает в силу того, что взрослые, к которым он попал, замещающие взрослые что-то прозевали, а он, находясь в стрессовой ситуации, не смог пережить этого перемещения. Но все эти факторы не учитываются. Мы должны их учесть и предложить какую-то сбалансированную систему.

Действительно, тех, кто работает в этой сфере, и сотрудников органов опеки и попечительства, ни в коем случае нельзя ставить в ситуацию, где они становятся крайними. Без них невозможно же обойтись, не может работать эта сфера без органов опеки и попечительства. Они оформляют, они организуют... И должны быть такие люди. То, что у них где-то не хватает профессиональных знаний (но это единственная, что ли, среда, где не хватает профессиональных знаний?), – это дело наживное. Важно, чтобы сам закон не провоцировал, не создавал возможности для манипуляций, для злоупотреблений, для манипуляций и сотрудниками опеки, для давления на них.

Я уже не говорю про родителей. То, что здесь звучало относительно родителей, что они не обжалуют... Но ведь мы же с вами сегодня доказали, что законодательство "резиновое", оно так здорово сделано, оно настолько обтекаемое, настолько широко толкуемое, что в суде доказать, что кто-то действовал незаконно, почти невозможно.

Вот вы привели пример Умарали Назарова... Я занималась им от имени Совета Федерации. Вы посмотрите, какое у меня гигантское дело. Я занималась этой ситуацией, занималась больше года. И что в результате? Одни отписки. Везде бездушные, попытки защититься, доказать, что все действовали в рамках инструкций – инструкции № 845, другой инструкции. Все законно, а ребенка нет. Все законно, а молодой маме нанесли невероятный урон. Действительно, с гробиком... Вместо того чтобы ей продлить визу, оставить на территории России, хотя бы через это какое-то моральное принести ей... оставить с мужем, со свекровью, то есть в семье здесь, потому что муж-то остался здесь, а ей не продлили визу и быстро вместе с гробиком действительно разложившегося ребенка отправили в Душанбе. Это вообще уму непостижимо! Я вот скажу, что мне (я извинилась перед послом) стыдно за то, что ни один чиновник...

О.В. БАРСУКОВ

Она, кстати, там умом немного повелась после этого.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Так она молоденькая совсем! Бабушке сказали: "А Вы никто, по закону Вы не являетесь законным представителем". И мне везде в бумагах пишут, что она не является законным представителем по закону. Это что значит – не является? Она является ближайшим родственником. У нас, извините, в Семейном кодексе везде сказано: не нужны специальные документы на законное представительство ближайшим родственникам (родственникам по прямой линии). Она пришла, она в присутствии матери... Мать ребенка здесь, бабушка пришла, отец появился, потому что отец тоже здесь, в Питере, только он появился не сразу, чуть позднее, но в этот же день. Все это было в течение нескольких часов. И никто ни слова соболезнования!.. Не было приведено никаких оперативок в МВД, потому что участвовали сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних, участвовали службы миграции, которые тоже теперь в МВД. Никто... Хотя бы обсуждение провели, выводы из этой ситуации сделали, хотя бы нам, Совету Федерации, отвечая, написали, что "мы обсудили эту ситуацию, мы увидели, что здесь ошибки".

Я лично была несколько раз у Владимира Александровича Колокольцева, я отдавала ему письма, я попросила посмотреть на эту инструкцию, и никто палец о палец не ударил. Мне даже так и не пришло ответа, чтобы в нем содержалось хотя бы какое-то признание или объяснение. Просто всё – офутбол, самый настоящий футбол. Так это сенат (ну вот, получается, не сенат Совет Федерации), это поручение Совета Федерации было нашему комитету, и получилась формальная отписка. А ребенка нет.

Вот Вы говорите: еще неизвестно, как перенесет эту травму действительно мама. Отношения Россия – Таджикистан... там ведь часть сил используют против нас, против России, что вот смотрите, какое отношение. А на самом деле это несколько чиновников (несколько!) на самом низком уровне проявили формализм, проявили бездушие, отнеслись формально. А все остальные стали покрывать.

Я считаю, для страны было бы гораздо правильнее признать ошибку (это было бы правильно, честно и справедливо), сделать соответствующие выводы. Да, кого-то пришлось бы наказать, и там очевидно, кстати, кого бы надо было наказывать. Сейчас-то понятно, что те, кто покрывал...

О.В. БАРСУКОВ

И признать, что система ювенальной юстиции здесь тоже при чем, тоже признать.

Е.Б. МИЗУЛИНА

Да, она покрывает, она оправдывает такие возможности. Поэтому на самом деле здесь что скажешь? Действовали по инструкции эти сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних, бездушно привезли сюда, вырвали из рук матери, отвезли в центр, положили на этот... и на пеленальном столике ребенок погиб. То есть, конечно, все это... Я не могу, например, относиться спокойно. Это эмоционально раздирает, потому что мне стыдно в этой ситуации за Россию, потому что я считаю, что это несправедливо. Эти чиновники нашу страну ставят в неловкое положение (это они!) из-за упёртости, хладнокровия, равнодушия, формализма.

Это чревато. Вы же понимаете, что из таких небольших вещей формируется отношение к России. А нам это надо? Потому что подавляющее большинство, вот здесь все присутствующие, даже те, кто по отношению, может быть, к этой теме оппонент и более жестко настроен на то, чтобы защищать детей, они все равно действуют-то из хороших соображений, то есть чтобы не было таких ситуаций. И они тоже болеют за страну.

Но получается, видите, что мы все становимся виноватыми без вины за то, что несколько чиновников повели себя так бездушно, жестоко, по меньшей мере аморально, преступно с точки зрения просто моральной этики. Но мы все вынуждены за это расплачиваться и слышать упреки в наш адрес и многое другое. Это, конечно, грустно.

Относительно того, что здесь прозвучало по комиссиям по делам несовершеннолетних (вообще ликвидировать их или нет), я могу вам сказать: конечно, самым оптимальным вариантом было бы их реформировать. Ликвидировать их вообще, наверное, уже сейчас сложно, поскольку есть много позитивных примеров. Но что можно было бы сделать? Ведь опасность комиссий по делам несовершеннолетних сегодня (правильно коллеги обращали на это внимание) состоит в том, что они наделены судебными полномочиями. Потому что что такое назначение на рассмотрение дела и назначение административного наказания детям или их родителям? Это судебные полномочия. Так может быть, было бы проще эти судебные полномочия, которыми сейчас наделены не только районные и городские КДН, но и территориальные, просто передать судам? Пусть в административном порядке наказывают суды, а не эти комиссии. Тогда из этих комиссий уйдут вот эти судебные полномочия.

То есть что получится? Тогда все те, кто составляет эти административные протоколы, отбирает детей, а потом идет в комиссию по делам несовершеннолетних, они же и принимают решение, как наказать родителей, они протоколы составят, но их протоколы будут проверяться другим органом. Может быть, так? Может быть, по этому пути пойти? Этот путь проще. Но, для того чтобы по нему пойти, нам нужно узнать, сколько дел в течение года с назначением

административных наказаний родителям и детям рассматривается этими комиссиями. Потому что нам сразу наше любимое Правительство скажет: а это деньги, если мы передадим в суды, это увеличение нагрузки на суды, мы должны дать им дополнительные деньги. Соответственно, оно, конечно, по этой мотивации будет против. Без заключения Правительства такой законопроект не внесешь.

Но я считаю, что надо запросить эту информацию, а потом уже оценивать ситуацию. Не действовать нельзя. Эти парламентские слушания показали – не действовать нельзя. Надо действовать, в том числе искать и такой вариант решения проблемы. Конечно, самый оптимальный вариант (их как минимум два) – принцип формирования этих комиссий изменить совершенно, кардинально либо вообще их ликвидировать. Но у них есть, наверное (ну, не наверное, я знаю, что это есть), где-то и позитивная практика, в ряде регионов. Но опять же надо знать, какое количество детей, которые совершают административные правонарушения и преступления. Ведь сегодня вся статистика-то по детской преступности свидетельствует о том, что все же в разы снизилась... Ведь просто в разы. Так может быть, уже и не нужно столько комиссий по делам несовершеннолетних, когда у нас нет такого завала детской преступности? Ну нет у нас ее! В советское время она держалась на уровне 10 процентов, в 1990-х годах она была... При правлении Путина все показатели пошли вниз, и это реально.

То, что дети могут быть где-то распушены и позволять себе какое-то такое поведение, скажем, не очень правильное, – это же не преступление. Ну а, извините, если мы в средствах массовой информации постоянно их накачиваем, что родителей можно шантажировать, это нельзя, то нельзя, с учителями тоже можно вести себя как попало, вот эта распушенность... конечно, они же думают, что все это возможно. Поэтому трудно детей наказывать за то, что мы, взрослые, им предлагаем (не родители, а взрослые, вообще вся среда).

Но здесь нам нужно вооружиться информацией и статистикой. Если, например, вы, родительские организации в регионах, у себя получите эту информацию, что проще (даже хотя бы по какому-то количеству регионов этого достаточно, по всем не надо собирать), какое количество дел об административных правонарушениях несовершеннолетних и родителей рассмотрено в течение года, хотя бы за год взять, какова примерно нагрузка, то у нас тогда будет некоторое представление о масштабах. И, соответственно, тогда надо будет ставить вопрос, может быть, это передать в суды, и вы увидите, как быстро изменится положение комиссий по делам несовершеннолетних, ну, или влияние, роль. А сегодня, конечно... Ну а самое главное, что это еще повлияет на всех тех, кто отбирает, придумывает всякие механизмы отобрания, составляет

акты обследования и все прочее, потому что все эти решения же можно обжаловать, даже акт обследования (любое можно обжаловать!). Но одно дело – обжаловать тем, кто его составил, а так, получается, в комиссию по делам несовершеннолетних, другое – обжаловать в суд. РВС, вы же имеете опыт (хорошее обжалование), и вы правы.

Я вот сегодня не называла (я же только маленькую долю статистики назвала), но ведь по лишениям... Мое предположение относительно того, почему стали изыскивать разные порядки неотобрания, разные иные порядки, чтобы в суд... И не обращаются в суд. То есть без инициирования вопроса о лишении и ограничении... 12 процентов исков о лишении и ограничении в родительских правах не удовлетворяется последние три года. Стабильно 12 процентов – отказ в исках. У них как? Отказ в иске (12 процентов исков), прекращение рассмотрения исков в суде и приостановление производства по этим делам (по этим 12 процентам). То есть они не удовлетворяют, удовлетворяют только по 88 процентам. То есть суд не так уж подмахивает по лишениям.

А если сейчас еще сделаем основания... Здесь я не согласна с уважаемым судьей Верховного Суда, что статья 69 в части лишения родительских прав не вызывает никаких сомнений. Нет, это совершенно не так, и родительские организации это доказывают. Да это и так видно – что нельзя по самой формулировке закона... ее надо менять.

Но здесь у нас хорошие предложения есть, они отработаны, и я думаю, что в этой части можно будет вносить. Но мы обсудим, посмотрим, может быть, нам действительно разделить. Отобрание ребенка – более сложный вариант. Может, запустить хотя бы маленький закон о внесении изменений в части оснований лишения родительских прав.

По ограничениям в родительских правах... Смотрите, практически все говорят (и статистика свидетельствует об этом), что институт плохо работает. А вы считаете, у нас нет ограничения в родительских правах? А скажите, пожалуйста, что такое профилактический учет и индивидуальная профилактическая работа с семьей и родителями? Это что, не ограничение? Да поражение в правах было в годы репрессий, состояло в том, что вам не разрешали в Москву приехать. А здесь что? Без конца профилактические беседы либо дома, либо вызывают, вы должны проходить разных консультантов, а может быть, еще какие-то курсы. Периодически будут проводить обследования ваших жилищных условий. Это же и есть вмешательство, это и есть ограничение не только вас в родительских правах, но и ребенка, и всей вашей семьи. То есть вас прессуют, если говорить на сегодняшнем сленге. То есть вас контролируют, ежеминутно вмешиваются. Если по ограничению в родительских правах принимает решение суд, так пусть

тогда он принимает решение и по учету в те же сроки, как он принимает... Хотите поставить на учет – инициируйте вопрос об ограничении в родительских правах в суд, суд рассматривает. Если он соглашается, то принимает какое решение об ограничении в родительских правах? Поставить вас на профилактический учет. Какой? Я вам могу сказать: у нас до восьми видов учета в регионах. И здесь правду сказали относительно того, что у нас ведут учет не только в школах по посещаемости (учитель обязан вести), у нас участковая медсестра должна вести учет не по поводу здоровья, а по поводу семейного неблагополучия ребенка, это так, и участковый врач еще, не только участковая медсестра. И это тоже реальность. Поэтому, может быть, нам по этому пути пойти применительно к ограничению в родительских правах?

В общем, сегодня было очень много интересных предложений, в том числе, конечно, о создании рабочей группы в рамках нашего экспертного совета в Совете Федерации при временной комиссии по совершенствованию Семейного кодекса, которая подготовит альтернативный экспертный доклад. Материалов у нас уже большое количество.

Я думаю, что я доложу и Валентине Ивановне Матвиенко. Эти парламентские слушания и те, которые у нас состоятся 30 марта, – это все при ее поддержке. И я вас приглашаю на следующие парламентские слушания 30 марта. Мы с вами продолжим обсуждение других тем. Ну и будет понятно, как мы двинулись в направлении того, что обсуждали сегодня. Всем спасибо и удачи! *(Аплодисменты.)*
